

СЕРИЯ «НЕПОСТИЖИМАЯ РОССИЯ»

Эдуард ПРОСЕЦКИЙ

ПАРАНО́Я

Роман

Москва
Литературные известия
2010

ПРОСЕЦКИЙ Э. П. Паранойя. —
М.: Литературные известия, 2010. — 228 с.

Культ «Золотого тельца» в новой капиталистической России, где общество разделено на горстку сверхбогатых и миллионы бедных, а достоинство человека нередко определяется толщиной его кошелька, — далеко развел двух друзей юности — Диомида Спешнева и Антона Чигиря. Первый, преуспевающий врач, пользующий столичную элиту, больше всего озабочен приумножением капитала и стремлением попасть в круг «сильных мира сего». Второй — талантливый и честный русский писатель, страдающий «при виде всего, что происходит дома», в полном забвении коротает дни в подмосковном дачном поселке, зарабатывая плотницким топором на хлеб насущный, и пишет исполненные горечи романы о российской действительности, которые, увы, не находят издателей... Казалось бы, парадоксальное, но вполне закономерное пересечение их судеб происходит в психиатрической лечебнице, из которой одному из них не суждено выйти...

Автор выражает глубокую признательность члену Союза писателей Москвы поэту Боровкову Валерию Степановичу, любезно предоставившему для художественного оформления книги графические произведения Елены Владимировны Шипицовой из его коллекции.

- © ПРОСЕЦКИЙ Э. П., 2010
© ШИПИЦОВА Е. В., иллюстрации
© «Литературные известия» — оригинал-макет, верстка

ISBN 978-5-91865-029-5

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
(А. С. Пушкин, «Бесы»)*

ПРОЛОГ

В сумасшедший дом его доставили из отделения милиции, где он успел оскорбить дежурного, обозвав «оборотнем в погонах» и укусил за палец сержанта при водворении в «обезьянник». Милиционерам же доктора Спешнева сдали подлые дворовые старухи, которые ненавидели Диомида Диомидовича лютой классовой ненавистью за то, что владел модной клинкой за высоким забором неподалеку от их «хрущоб» и ездил на большом черном лимузине с шофером-телохранителем. Эти нищие пенсионерки всякого успешного человека считали жуликом и паразитом и не упустили возможности нагадить Спешневу, тем более, что случай представился уникальный. Метров за сто от ворот своего медицинского центра «Олимп» доктор неожиданно отпустил шофера, приблизился к трансформаторной будке и долго с кривой саркастической усмешкой полного бритого лица рассматривал аляповатый рисунок на кирпичной стене. Там в грубой стилистике граффити были изображены новобрачные — похожая на флакон невеста в белом подвенечном платье и фате и жених с деревянной торжественностью в фигуре. Решительно расстегнув длиннополый плащ песочного цвета доктор извлек из внутреннего кармана баллончик краски и с лихорадочным

проворством, издавая похожий на рычание звук, перечеркнул картинку крест-накрест и напылил над нею фразу, содержащую тихое отчаяние опыта: «А какой смысл?!»

В милиции с ним явно погорячились, избив и очистив карманы, а когда установили общественный статус Спешнева, сочли за благо перекинуть скандалиста на другое ведомство, предварительно составив протокол о неадекватном поведении.

В приемный покой психиатрической больницы имени Татьяны Дьяченко, построенной для россиян при первом президенте, Диомид Диомидович поступил в крайне возбужденном, взъерошенном состоянии.

— Отпустите меня! Вы не имеете права! Я ВИП-персона! — верещал он. — Верните мой мобильник, знаете, сколько он стоит?! Я позвоню в службу безопасности, я позвоню известным людям, я позвоню в Страсбург! — Брызгая слюной Спешнев выкрикивал имена олигархов, действующих министров и прославленных деятелей культуры. — У меня лечился сам Распопович! Я богатый человек, могу всех вас купить с потрохами!

Все это кончилось тем, что два дюжих санитаря плотно усадили его в кресло с высокой спинкой и под их суровым надзором Спешнев вынужден был сообщить молоденькой медсестре свои анкетные данные, которые она тут же внесла в компьютер.

— Не волнуйтесь, Диомид Диомидович, — успокоила она. — Мы положим вас в хорошую палату. А пока подождите в коридорчике, я разыщу Якова Соломоновича.

Потом он сидел на обшарпанном диване у окна с чашкой геранью, а санитары молчаливо глыбились по бокам, и от них пахло дешевым табаком.

— Лучше не трепыхайтесь, уважаемый, — шепнул проходящий мимо мужчина в линейной пижаме, внезапно приблизившись бледным аскетическим лицом. — Могут ведь и побить. А хуже

того — *зафиксировать*. — Отогнув рукав, он показал костистое запястье в ссадинах и кровоподтеках. — Они тут хуже фашистов. Лично я вообще не сумасшедший, они прекрасно это знают, а ответ один: «будешь сидеть тут, сколько нужно, за тебя заплачено»... Это все мой партнер подстроил... Деньги, проклятые деньги теперь решают все! Потерял и бизнес, и семью...

Один из санитаров свирепо топнул на него ногой, и узник дома скорби поспешно ускользнул в сумрак помещения, промелькнув на прощанье светлым вымученным взглядом.

Заведующий отделением доктор Ривкин оказался сравнительно молодым щедушным мужчиной с копной мелко вьющихся волос. Он сутулился и зябко прятал руки в карманах медицинского халата. Глаза его неопределенно мерцали за стеклами очков, а широкая щель между выступающими передними зубами делала Якова Соломоновича похожим на грызуна.

Тронув Спешнева за локоток, доктор пригласил пациента следовать за ним, доверительно добавив: «Здесь вы среди своих». Как ни странно, фраза эта несколько успокоила Диомида Диомидовича, хотя толковать ее можно было весьма двусмысленно.

Окончательно обрел он равновесие в кабинете Ривкина с дешевой офисной мебелью, увидев на стене фривольный рисованный портрет Зигмунда Фрейда, составленный из обнаженного запрокинутого тела женщины, кустистый лобок которой соответствовал бороде великого психоаналитика.

— У меня дома такой же, — заметил он, усаживаясь перед столом заведующего отделением.

— Тот хмыкнул, направив на Спешнева свой неопределенный взгляд:

— Так в чем наша проблема, коллега?

— Эти скоты выгребли у меня все, — заметил Диомид, хлопав себя по карманам. — У вас не найдется кубинской сигары?

— Увы, не курю.

— Жаль... Впрочем, как сказать... Что же касается проблемы... Прежде всего я хотел бы отделить причину от следствия...

— Думается, это плодотворный путь, — мимоходом заметил Ривкин, сосредоточившись на анкете Спешнева, лежащей перед ним.

— Вы же понимаете, что этот мой одиозный поступок... если хотите — выходка с баллончиком краски... Это всего лишь выплеск нервной энергии, высвобождение от сублимированной в подсознании доминанты... — Диомид скользящим движением ощущал карманы. — Эти подонки выудили и мой калькулятор. Вы не одолжите?

Минуту спустя Спешнев уже метался нервными пальцами по кнопкам микрокалькулятора, мстительно приговаривая:

— Вот она, причина! Вот подлинная причина! Вы только вдумайтесь: свадебное платье от модного болгарского дизайнера Вирджинии Здравковой — четыре с половиной тысячи долларов! Бриллиантовая подвеска в виде пера, кольцо с бриллиантами — двести шестьдесят две тысячи рублей! Общая стоимость свадьбы с японской кухней и звездой эстрады — сто двадцать восемь тысяч долларов! Далее, ко дню рождения — бриллиантовое кольцо ручной работы — пятьдесят тысяч долларов, к годовщине свадьбы — платье с турнюром, тысячу двести долларов, вишневым «гольф» со спецоборудованием — тридцать пять тысяч долларов! Мерзкая собачонка чихуахуа с родословной — тысячу евро! А теперь давайте посчитаем стоимость массажиста, косметолога, психоаналитика, верховой езды... Да плюс отдых на Канарах, да плюс...

— Но это же ваша жена, — поморщившись перебил Яков Соломонович.

— Вот именно! — выдохнул Спешнев, и его белая женская шея пошла розовыми пятнами. — А если бы я... вместо того,

чтобы жениться... пользовался красоткой по вызову, которая берет тысячу долларов за ночь... — Калькулятор лихорадочно затрясся на ладони Диомида. — Я бы платил ей четыре тысячи в месяц, сорок восемь тысяч в год, а за три года это выходит... выходит всего сто сорок четыре тысячи! Вдумайтесь, коллега! Чтобы в конце концов создать свой «Олимп», я работал, как проклятый, спал по четыре часа в сутки, рисковал капиталом, пережил дефолт... И все это для того, чтобы бросить целое состояние в жадную, ненасыщаемую пропасть, которая по сути своей представляет пустоту, как и ее обладательница!

Тут Спешнев понес какую-то сексуальную околесицу про свою интимную жизнь, перемежая ее невротическими всхлипами, и Ривкин подал ему стакан минералки, незаметно нажав под столом секретную кнопку вызова санитаров.

В объятиях

Охранники дачного поселка «Золотой ключик» узнав пропустили «лексус» в раскрытые ворота, шофер-телохранитель Виктор, привычно попетляв по обсаженным декоративной зеленью дорожкам, загнал автомобиль в гараж Спешнева и, по обыкновению, сопроводил доктора до подъезда таунхауса — прихотливого строения с башенками и балконами, где у Диомида Диомидовича была просторная двухъярусная квартира.

Прежде чем открыть бронированную дверь, Спешнев хотел было материально поощрить своего секьюрити по случаю завершения удачной деловой недели, для чего вытащил желтый бумажник, но увидев плотную пачку банкнот вспомнил, что они составляют *круглую сумму* и передумал.

Виктор заметил этот жест и густо покраснел.

— Сегодня не понадобится, — как бы оправдываясь, док-

тор дружески похлопал его по каменному плечу. — Можешь где-нибудь оттянуться... с девочками, — подхихикнул он.

— Спасибо, хозяин, — пробасил тот.

Как все «качки» Виктор — с его маленькой круглой головой на могучей шее, покатыми плечами штангиста и походкой увальня — выявлял своим обликом натуру brutальную, полагающуюся на грубую силу, но сейчас, заметив явное смущение силача, Диомид Диомидович подумал, что вполне возможно, под панцирем мускулатуры у парня скрыта чувствительная и даже ранимая душа, до которой Спешневу, говоря откровенно, никогда не было дела.

В прихожей его встретила миниатюрная, с неизменной улыбкой на подвижном личике, служанка-тайка Уля (так было переименовано на русский лад ее трудное имя) и легко опустилась на колени, чтобы снять с хозяина туфли и заменить на домашние тапочки. Поначалу, года два назад, действие это вызывало у доктора чувство неловкости, сейчас же, рассматривая сверху старательную черную головку девушки, разделенную аккуратным пробором, Диомид Диомидович признался себе, что испытывает некое порочное барское чувство превосходства.

— А что госпожа? — поинтересовался он, бросая плащ в подставленные руки служанки.

— Госпожа Ксан в постели.

«Так и должно быть», — удовлетворенно отметил Спешнев; ему все-таки удалось приучить к порядку жену, которая в силу молодой эмоциональности и примеси кочевой восточной крови (отец татарин) была склонна к импульсивной и безалаберной жизни. Вечер пятницы отводился доктором для общения с юной супругой, поскольку можно было расслабиться, не думая о грядущем трудовом дне.

В обширной щедро озеркаленной ванной, он в очередной раз смирился с отражением своего выступающего живота, по-женски свисающей груди и складок по бокам. «Пятьдесят

два — не юношеский возраст, — вздохнул он и, погружаясь в теплую ароматную воду джакузи, успокоил себя оптимистической мыслью: «Хорошо, что у меня есть деньги».

В уютном махровом халате Спешнев спустился в цокольный этаж квартиры, где за пуленепробиваемой дверью располагалась «комната страха» — сейф площадью двенадцать квадратных метров с запасом воды и еды, снабженный тревожной кнопкой, резервным энергопитанием, собственной вентиляцией и системой видеонаблюдения за всей квартирой. Обошлось это сооружение доктору в пятнадцать тысяч долларов, и он обзавелся им по примеру соседей-бизнесменов, чей капитал достиг суммы, которая могла заинтересовать бандитов.

Устроившись у монитора, он включил спальню и обнаружил, что Оксана в постели забавляется со своей крохотной собачонкой Гердой, дразня пластиковой мышкой. Умиленный этой картинкой Диомид Диомидович принял таблетку, апробированную ловеласами Голливуда, после чего посмотрел несколько наиболее впечатляющих сцен порнофильма, потягивая коньяк.

Когда он пришел в спальню, Оксана листала гламурный журнал, а Герда мирно спала в своем плетеном домике, украшенном бантиками.

— Папик, какие очки мне выписать на лето? — поинтересовалась жена, освобождая место рядом с собой. — Сейчас самые модные вот эти — в белоснежной оправе, такие носили Брижит Бардо и Одри Хепберн... Но мне больше нравятся «кошачьи газки», по-моему, это круче.

Тяжело дыша от телесного волнения, Спешнев придвинулся к ней вплотную, выдернул журнал из рук и отбросил на ковер. Оксана протестующе замычала сквозь его решительный поцелуй, но вскоре смирилась и послушно приняла позу, удобную для тучного мужа. Вид ее виолончельно выгнутого тела, чистой смуглой кожи и беспокойных смоляных кудрей на батистовой простыне как всегда вызвал в Спешневе эстетический восторг,

но жена при этом оставалась старательно-равнодушна, будто в очередной раз сдавала свое прекрасное тело в аренду, и было непостижимо, что такая жгучая красотка столь холодна. В первые месяцы совместной жизни доктор экспериментировал, пытаясь разбудить в Оксане эрогенные зоны, на что она в конце концов с усмешкой заявила: «Папик, я не по этой части. Получай свое и спи спокойно».

Сейчас, после слепой, сладостно-мучительной вспышки Спешнев лежал на спине, чутко прислушиваясь к себе и опасаясь сердечного приступа (голивудская чудо-таблетка была вовсе не безобидна), Оксана же продолжила листать свой журнал, что-то мурлыча.

— Папик, — беспечно проговорила она, рассматривая очередную глянцевою картинку. — Ну почему ты не олигарх...

— А почему я должен быть олигархом? — добродушно спросил доктор.

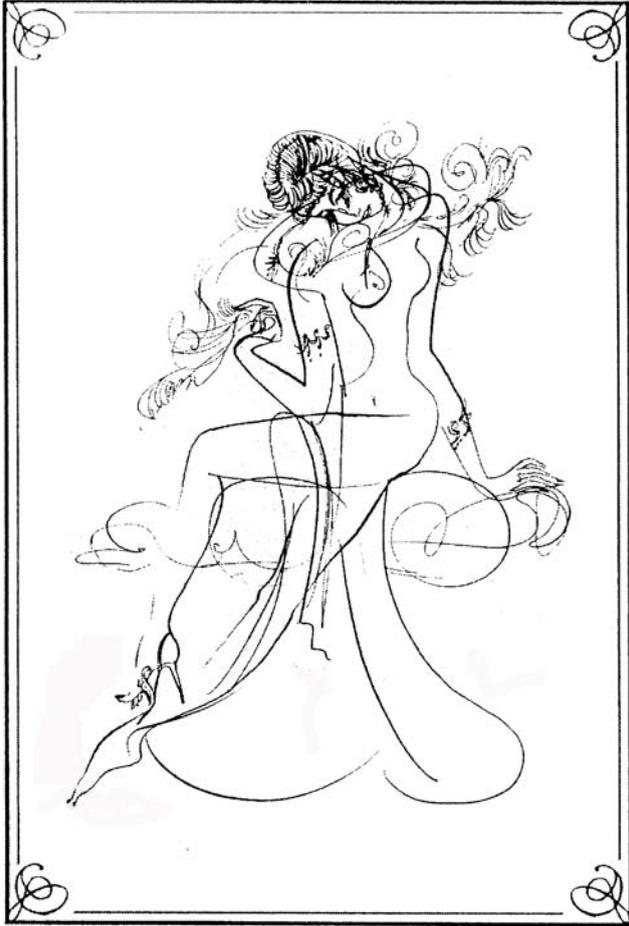
— Ты бы подарил мне остров в Хорватии. И белоснежную яхту длиной семьдесят метров. Как Рабинович своей новой жене.

— Твой Рабинович жулик, сколотил первые миллионы на фальшивых авизо. А теперь строит подводную лодку, чтобы не настигли те, кого облапошил. Я же всю жизнь честно вкалывал... Вкалывал, как...

— Как лох! — шуточно добавила Оксана, легонько щелкнув мужа по носу. — Украсть это так прикольно, столько адреналина... И чем больше украл, тем безопаснее — всех можно купить!

«Вот она, современная молодежь, — удрученно отметил Спешнев. — Вот их идеалы. Впрочем, они в этом не виноваты...

— А знаешь ли ты, во сколько обходится содержание этой белоснежной красавицы? — спросил доктор, доставая с прикроватной тумбочки калькулятор, который всегда держал под

рукой. — В год двадцать пять миллионов долларов! Одна лишь заправка — около трехсот тысяч! А парковка? В той же Хорватии, где у Рабиновича отстаиваются три яхты, с него берут за каждый фут судна... Вот и прикинь... Сто шестьдесят один фут, плюс триста семьдесят семь футов, плюс две тысячи восемьсот двадцать пять футов... В день выходит восемьсот двадцать евро!

Оксана зевнула, сладко потянувшись.

— Папик, у него же миллиарды, — заметила она.

— Мы, малышка, поступим мудрее, — оптимистично продолжил Спешнев. — Возьмем у олигарха Вавилонского в аренду его двадцатипятиметровую яхту с тремя каютами и поплывем по Адриатике, и это обойдется нам каких-нибудь двадцать тысяч евро в неделю, причем, в договор не войдут стоимость топлива, береговые налоги и чаевые команде...

— Твои расчеты такие скучные... — тоном капризной девочки проговорила жена, обнимая Диомида Диомидовича и щечка его шею блестящими душистыми волосами. — Все равно, хочу *свою* яхту...

Борец за справедливость

— Как же они подставились! Мы даже не ожидали, что они так подставятся! — ликовал сын, снимая в прихожей куртку с надорванным рукавом и пышным голубым бантом на груди — символом общественно-политического движения «Честная Россия».

Спешнев провел его в ванную, где смазал йодом свежую ссадину на скуле.

— Не успел уклониться от омоновской дубинки, — пояснил Олег. — Власти дали им установку «мочить, и никаких гвоздей», они и рады стараться! Зато теперь об избиениях манифе-

стантов и журналистов узнала не только Россия, но и весь мир! Они сами сделали нам рекламу!

Редкими визитами сына в таунхаус Спешнев дорожил и всячески старался угодить ему, втайне чувствуя свою вину за развод с его матерью из-за увлечения Оксаной, которая была на год моложе Олега; за то, что поглощенный своим карьерным ростом и приумножением капитала принимал лишь эпизодическое участие в судьбе Спешнева-младшего. А она складывалась совсем не так, как хотелось бы: уйдя в политику (Олег был одним из лидеров молодежного крыла «Честной России»), он оставил третий курс Щукинского театрального училища, жил случайными заработками, снимаясь на телевидении в роли безобразных унитазных микробов и прочей нечисти либо расклеивая по городу афиши и принципиально не принимая материальной помощи родителя.

Вот и сейчас, зная пристрастие сына к сауне, Диомид Диомидович прогрел ее заранее, а расторопная Уля по его приказу накрыла в предбаннике стол с пивом, воблой и бутербродами.

В кабине, наполненной сухим жаром с запахом эвкалипта, доктор в очередной раз поразился, какой большой, угловатый мужчина вырос из милого улыбчивого карапуза, которого, казалось, совсем недавно нес на плечах через Красную площадь, где с трибуны мавзолея приветливо махал демонстрантам последний советский генсек Горбачев. Спешнев признался себе, что пока Олежка был ребенком — Диомид Диомидович любил его умильной родительской любовью, сейчас же не испытывал к этому пахнущему грубым мужским потом бородачу никаких нежных чувств, лишь сознавал, что рядом, как ни странно, его самый родной человек.

— Демократы сами виноваты в том, что пришел авторитарный лидер, — рассуждал между тем Олег, блаженно впитывая банное тепло. — Гайдаровский монетаризм, чубайсовская при-

ватизация, ельцинские реформы... Страна оказалась в долговой яме у Международного Валютного Фонда, парижского и лондонского клубов, а в девяносто восьмом и вовсе скатилась к дефолту... Народ возненавидел их и захотел порядка... Вспомнил о крепкой сталинской руке...

После всего, что произошло со страной, политическое правдоискательство сына казалось Диомиду Диомидовичу наивным; он давно уже не верил в предвыборные обещания депутатов, магические заклинания словом «народ» и готов был лояльно относиться к любой власти, которая не мешала бы ему приумножать свой капитал. И сейчас, не желая очередной ссоры с Олегом, он не возражал и слушал его с мудрым скепсисом, благодатно истекая обильным потом. Когда же, обернувшись мягкими простынями, в предбаннике приступили к пиву, Спешнев в хмельном размягчении, обычно сподвигающем русского человека на разговор «по душам», не удержался от вопроса:

— И все же я не пойму, Олежа, чего вы добиваетесь...

— Мы ставим во главу угла развитие истинных, а не мнимых демократических ценностей! — провозгласил сын, сбивая с губы пивную пену. — Мы встаем на борьбу с режимом, который уже сегодня по политическим мотивам подвергает насилию и репрессиям тысячи российских граждан!

— Но ведь именно так несколько лет назад вещали с трибуны, кого вы сейчас осуждаете...

— То были не подлинные демократы! — вспалился сын. — Они не выдержали испытания властью! Вместо того, чтобы сделать богатой страну, начали обогащаться сами!

— А где гарантия, что нынешние будут лучше прежних? — едко поинтересовался доктор, как бы помимо своей воли погружаясь в затягивающую воронку спора.

— Гарантия в том, что мы требуем справедливости! — грохнул по столу очередной опорожненной кружкой Олег. — Своими маршами мы расшатываем власти нервы, подаем

пример сторонникам в других городах: выходите на улицу, покажите себя!

— Ваша революционная риторика как раз на руку тем, кто за жесткий внутривластный курс, — заметил Спешнев. — Чем больше митингового гама, тем больше оснований закручивать гайки.

— Это не риторика! — горячо возразил сын. — Это действие! Это готовность каждого из нас пожертвовать личным благополучием, здоровьем, даже жизнью ради процветающей России! Видел бы ты, какие светлые люди в наших рядах! Они продают свою недвижимость, становятся донорами крови, чтобы внести деньги в кассу Движения! Мы против вопиющей несправедливости в распределении доходов и богатств страны, нужно создать класс эффективных собственников, но не «раздачей призов» за преданность власти, а путем налогового, законодательного, финансового поощрения тех, кто умеет сам создавать бизнес и развивать его. Эти люди — средний класс, к которому, собственно, ты принадлежишь. И очень странно, что не разделяешь наших взглядов и не помогаешь Движению!

— Ты был очень красноречив, сынок, но денег я вам не дам, — спокойно проговорил Диомид Диомидович.

— Но п-п-почему, отец? — растерялся Олег, медленно помешивая рыбьим хвостом пиво в кружке.

— Могу спрогнозировать сценарий вашей так называемой революции. После президентских или парламентских выборов вы пройдете по Тверской очередным маршем с вашими голубыми бантами и шарфиками, разобьете палатки у Кремля и потребуете, чтобы выборы признали недействительными. Да, чуть не забыл: за пару месяцев до выборов кого-то из ваших идеологов должны убить, возможно, отравят, сейчас это в моде, двух сакральных смертей — журналистки Политковской и гениста Литвиненко недостаточно. В палаточный городок хлынут студенты, патлатые музыканты рок-групп, пенсионеры и обма-

нутые дольщики с гневными плакатами. Власти на усмирение бунта пошлют войска, телевидение на весь мир покажет, как улыбочивые девушки вставляют в дула автоматов гвоздики, и наутро мы проснемся в другой стране.

— И что же в этом плохого? Чего плохого в том, что наконец придет подлинная демократия, сбудется волеизъявление народа?

— Все это было бы прекрасно, только через некоторое время мы с удивлением обнаружим, что по Тверской опять движется марш протеста, а у Кремля вновь палатки, но уже не голубые, а розовые.

— Мы не Украина, — возразил сын, упрямо набычившись.

— Мы не Украина, мы не Киргизия, мы не Молдавия, только очень уж схожи сценарии «цветных революций»... Я бизнесмен, и не стану вкладывать деньги в чьи-то политические авантюры.

— Очень жаль, отец... Трудно поверить, что в девяносто первом вы с мамой оставили меня на попечение соседки и ушли защищать Белый дом. До сих пор помню, как мама смачивала под краном бинты на случай газовой атаки.

— С тех пор из этого крана утекло много воды.

В билиардной, куда обычно отправлялись после бани, Олег был сумрачно молчалив и забивал шары с жестким, злым упорством, словно бы продолжая спор с родителем.

— Напрасно сердиться, Олежка, — смягчился Спешнев. — Ты же знаешь, лично для тебя мне ничего не жалко. Хотел бы видеть тебя благополучным, преуспевающим, чтобы приезжал ко мне с женой, внуками...

— Да как можно... — задохнулся сын. — Как можно думать о каком-то личном благополучии в стране, которая так неблагополучна?! Не все же живут, как ты! Не для всех главное — деньги!

Расстались они холодно, почти враждебно.

Отшельник Антон Петрович Чигирь

До этого стояли погожие дни, огурцы на грядках выбросили третий листок, вода в колодце упала почти на полкольца и сделалась прозрачной, а над дачным поселком резвились дрозды, треща жизнерадостными голосами. Но зацвела черемуха, и в полном соответствии с народными приметами, вернулись холода. С вечера пришлось протопить печь, а проснувшись по будильнику в четыре утра в липкой испарине Антон Петрович укорил себя, что переборщил с дровами: щитовой домик, который он собственноручно утеплил, поселившись в нем навсегда, требовал подобного обогрева лишь зимой.

Подхватив на веранде заранее собранный линиялый рюкзачок с рыбацкими причиндалами и удочки, Чигирь вышел на крыльцо, окунувшись в настороженные предрассветные сумерки, пахнувшие и первым укосом газонной травы.

До озера Круглого быстрее всего можно было добраться на велосипеде наезженным проселком, но Антон Петрович предпочитал двигаться пешком по едва приметным тропкам, вьющимся перелесками и полями: панорама родной природы, неспешно раскрывающаяся перед ним, будила смутные, корневые воспоминания детства и была привычной прелюдией к рыбалке.

Пересекая дачную березовую рощу, Чигирь услышал на опушке пьяные матерки, расстроенное дребезжание гитары и поощрительный женский визг; судя по всему, пикник местной компании затянулся на всю ночь и вошел в фазу вульгарного, дурашливого веселья. В роще было несколько подобных стойбищ окрестной молодежи, где вокруг неопрятного кострища разбрасывались пластиковые пакеты, битые бутылки, пачки от сигарет и пивные банки; одни деревья были неряшливо срублены, с других живьем сдиралась береста для разжигания огня.

Регулярно собирая тут грибы для пропитания, Антон Петрович всякий раз возмущался этим варварством, даже слагал в уме гневные публицистические монологи, но до местного начальства так и не дошел, ибо давно уже испытывал к российским властям глубокую апатию.

Вот и сейчас, наблюдая нестойкие, изломанные промельки фигур на фоне костра, он поражался тому, что эти вот первобытные парни из благополучных коттеджных поселков, с каждым разом замусоривая места своих сборов все больше и больше, неизменно возвращались именно сюда, более того — приводили с собой женщин для развлечений и любовных утех.

«Пойми ты, загаживать пространство своего духовного и физического существования — мистическая потребность русского характера! — убеждал его когда-то институтский друг Диомид Спешнев. — В духовной сфере это матерщина и воспевание вождей, в физической — бесшабашное загрязнение среды обитания. Посмотри на берега наших водоемов, пригодных для купания, на весенние откосы пригородных железных дорог, на городские дворы, загаженные собаками, на станционные туалеты... Я уж не говорю о той пакости, что падает на землю после испытания ракет и запуска спутников!»

Открыв в начале ельцинского правления небольшую психиатрическую лечебницу, Диомид скандально прославился, применив к алкоголикам свой метод *мусоротерапии*: выведя больного из делирия, он помещал его в привычную житейскую обстановку — захламленную бытовым мусором палату с обшарпанными стенами, непромытыми окнами и колченогой мебелью. Это избавляло страдальца от стресса, который обычно испытывал каждый пациент, очнувшись после пугающих видений белой горячки в незнакомой обстановке стерильно-чистого больничного бокса. И дальнейшее лечение протекало гораздо успешнее! При клинике расторопный Диомид открыл «мастерскую трудотерапии», где его подопечные привлекались к изготовлению

новой государственной символики — флагов-триколоров и канонических портретов первого президента, попутно проходя социальную адаптацию к новой российской реальности. Спешнев получил доступ на телевидение и стал героем желтой прессы, дела пошли в гору, но на него ополчились завистники-коллеги, натравили на Диомида санэпидслужбу и правоохранительные органы, обвинившие доктора в незаконном обогащении за счет алкоголиков. Спешнев как-то выкрутился, лечебницу пришлось закрыть, но главное было сделано: благодаря скандалу его имя было *раскручено*.

Антон Петрович устыдился, что он — автор известных лирических рассказов, получивший от советских литературных критиков лестное сравнение с Буниным, в прошлом неистовый публицист, выступавший в защиту Байкала и против поворота сибирских рек вспять, — сейчас трусливо обходит стороной юных осквернителей природы, избегает разговора с ними лишь по одной причине — этим детям, порождению «дикого капитализма» России — ничего не стоит покалечить пожилого человека, а то и убить.

Когда он спустился в пойму Малой Истры, где плавали текучие волокна тумана, вокруг начинала просыпаться потаенная тишина уходящей ночи — утробно квакали лягушки, вступившие в брачную пору, и начинали свои тяжеловатые, медлительные полеты серые цапли, поднявшиеся с болота.

К озеру Чигирь вышел со стороны леса, едва багровый краешек солнца проклюнулся на горизонте, и сразу курящийся парок над водой засветился перламутром, влажное от росы, пока еще сонное шоссе на противоположном берегу обозначилось черной лентой, а в деревьях зазвенела россыпь птичьих голосов.

«Человек — самое распаскудное существо на земле», — с тоской заключил Антон Петрович, ощутив себя пришельцем в этом благодатном, гармоничном и хрупком мире.

Расположившись в тихой заводи на своем излюбленном, прикормленном месте, он с давней мальчишеской отрешенностью сосредоточился на пестрых поплавках, пошевеливающихся от наскоков играющих мальков и проворных водомерок.

Озеро, окруженное ельником, похоже, образовалось на месте давнего песчаного карьера, темные воды его были глубоки и, казалось, заключали в себе какую-то опасную, колдовскую тайну. Тут водились окунь, плотва, подлещик и, как ни странно, карась, предпочитающий, как известно, зарастающие, тинистые водоемы.

В несуетном рыбацком азарте Чигирь провел несколько часов, не замечая ничего вокруг и пополняя рыбой сетчатый садок, и когда к полудню, как это обычно бывает, клев почти прекратился, — достал термос с чаем и развернул бутерброды. Солнечная вода играла слепящими бликами, по шоссе с грохотом и ревом проносились бетоновозы и тяжелые самосвалы, груженные песком и гравием (в соседнем селе Ануфриеве располагался горно-обоганительный комбинат), день предстал перед Антоном Петровичем в его приземленной будничной очевидности и заявил о себе грубоватым мужским голосом, раздавшимся у Чигиря за спиной:

— Дед, ты что — не умеешь читать?

Обернувшись Антон Петрович увидел неподалеку мужчину лет тридцати с обветренным сельским лицом, одетого в пятнистый камуфляжный костюм. Приближаясь, он хлестко пощелкивал ивовым прутом по голенищу сапога.

— Я умею даже писать, — огрызнулся Чигирь, уязвленный бесцеремонностью незнакомца.

«Дедом» местные называли его довольно часто: одетый в обноски, высокий, худой, в густой седеющей бороде и давно не стриженных волосах, перехваченных по лбу сыромятным ремешком, пятидесятитрехлетний писатель походил и на старинного русского мастерового, и на современного бомжа.

— А если такой грамотный — почему нарушаешь? — мужик указал прутом в сторону шоссе, и к своему удивлению Антон Петрович заметил на противоположном берегу в просвете между деревьями растянутое красное полотнище. — Знаешь, что там написано?

— Раньше на таком кумаче писали «Да здравствует Первое мая!» — съязвил Чигирь. — А теперь, наверное, «Да здравствует капитализм!»

Охранник ухмыльнулся, оценив юмор, и ловко выбил из пачки сигарету.

— Да нет, дед. Там написано: «Частная собственность. Проезд, проход и рыбная ловля запрещены».

— Как это... — растерялся Антон Петрович, — еще на прошлой неделе ничего не было...

— Тебе еще повезло, что не успели завезти собак.

— Значит, и озеро, и лес, и земля...

— Так точно, — по-военному подтвердил страж. — Все теперь принадлежит хозяину. Аренда на сорок девять лет.

— А дышать-то... дышать можно? — поинтересовался Чигирь, чувствуя, как стискивающая боль прихватывает сердце.

— В каком смысле?

— Воздух тоже принадлежит твоему хозяину?

— Насчет воздуха указания не было. Но лучше дыши в другом месте.

Перед глазами Антона Петровича полыхнула белая вспышка гнева, это был один из приступов, когда он способен был совершить безрассудный, неуправляемый поступок.

— Иди к своему хозяину... — хрипло проговорил он сквозь тяжелую одышку. — Иди и скажи ему, что тут... на берегу... ждет русский писатель Чигирь, который готов задушить его... вот этими руками... А потом отсидеть, сколько положено...

— Да вы не кипятитесь, как вас звать-величать...

— Антон Петрович.

— А я Серега. Не кипятитесь, Антон Петрович, — примитивно проговорил охранник, присаживаясь рядом на кочку и закуривая. — Плетью обуха не перешибешь...

— Вот то-то и оно! — дрожащими пальцами Чигирь принял от Сереги сигарету и поднес к голубенькому огоньку его зажигалки. — Ты скажи мне, как это произошло, что мы стали плетью, а они бухом?!

Тот тугодумно замолчал, окутываясь молочным дымком.

— Вам, ученым, оно, конечно, виднее, — наконец проговорил он. — А я так думаю: все от евреев... Тут смотрел по телеку... Оказывается, и Ленин был из них, на немецкие деньги революцию делал... И Троцкий ездил в Америку получать от дяди-банкира доллары... А как скинули царя — все правительство стало ихнее, все переплелись-переженились, все друг дружке родня... — Он в сердцах плюнул на окурочек и придавил его сапогом. — А что сейчас? Перестройка, демократия! Не успели оглянуться — опять евреи нами правят, у них весь капитал, а значит, и власть...

— Если все так... если нас так легко ошельмовать... — усмехнулся Чигирь, — тогда мы-то чего стоим, «великий русский народ»?

— Пьем мы много, — мрачно заключил Серега после долгой паузы. — Пьем и завидуем тому, кто не пьет и имеет свое дело... У нас вон в Глухове три года назад фермеры объявились, а нынешней зимой их сожгли... Поля опять сорняком зарастают.

Тонкой трелью заявил о себе мобильный телефон в нагрудном кармане его спецовки.

— Ага. Понял. Иду, — отозвался охранник, проворно поднимаясь. Протянув на прощанье Чигирю руку, он доверительно понизил голос: — В общем, Петрович, это самое... Не обращай внимания, никто не оштрафует. Хозяин сейчас отдыхает на тропических островах, а управляющий бывает от силы раз в

неделю. Они тут платную рыбалку устроят не раньше будущего лета, карася запустят, ну и все такое...

Он удалился, прошуршав сапогами в траве, а ловля Чигирю была уже не в радость: Антон Петрович не мог избавиться от чувства, что ограбили *лично* его, и не только ограбили, но и опоганили его жилище.

Домой он возвращался рейсовым автобусом, чтобы отовариться в сельском магазине хлебом, гречкой и куревом.

— После удачной рыбалки не грех и рюмочку пропустить, Антон Петрович! — кокетливо заметила полная улыбочивая продавщица, на лацкане форменного голубого халатика которой отсвечивала табличка: «Федотова Тайна Степановна». — Нам как раз «Кедровую» завезли, дачники хвалят!

— Эта, пожалуй, мне не по карману... — прогудел писатель, выгребая из штормовки мелочь в табачных крошках.

— Делов-то! — прощепетала Тайна. — Давайте, сколько есть, разбогатеете — занесете! — И шустро выставила на прилавок поллитровку с зеленоватой этикеткой.

— Мне, право, даже неловко... — смутился Антон Петрович.

— Ловко, ловко! — замахала руками Тайна. — Пишите на здоровье, я прямо балдею от ваших рассказов!

Поселившись здесь, Чигирь со временем завел знакомства с местными жителями и стал тут почти своим, а кое-кому даже подписал книги, выпущенные еще при советской власти.

У дачной калитки его уже поджидал клокастый рыжий кот Прошка, шельмец и задира, который где-то шлялся по ночам и домой возвращался с меркантильной целью обогреться и подкормиться. Раструбив хвост и громко мурлыча, он стал тереться о ноги хозяина, всем своим видом выражая безмерную преданность и любовь.

— Знаю я тебя, подлец, — ласково пробурчал Антон Петрович, заходя во двор. — По рыбке ты соскучился, а не по мне.

Первый этаж дома состоял из одной комнаты, главное место в которой занимала добротная русская печь, сложенная самим Антоном Петровичем; тут же помещались грубый обеденный стол со скамьями по бокам, деревянные висячие полки для посуды — все, сделанное своими руками — а также обшитый доской-вагонкой рукомо́йник. За печью располагался топчан, на котором Чигирь спал в холодное время года, этажерка с зарубажными детективами, изготовленное из причудливого березового корневища отлакированное кресло для отдыха, покрытое козье́й шкурой, и самодельная тумбочка со старым транзисторным приемником и небольшим телевизором.

Полакомившись сырой рыбой Прошка куда-то исчез, Чигирь же, неспешно приготовив ужин, расположился за обеденным столом. Федотова Тайна Степановна не обманула: водка, на самом деле, оказалась мягкой, с легким ореховым привкусом. При своей довольно неприветливой манере разговора и суровой внешности Антон Петрович как всякий истинный художник был натурой чувствительной, и порою даже незначительное негативное событие вызывало в его душе мучительный диссонанс; нынешнее же происшествие на рыбалке повергло его в глухую тоску. Он прекрасно знал, что происходит со страной, ушел от всего этого в подмосковные леса, но сегодня подневольный страж чужой собственности Серега напомнил ему, кто истинный хозяин жизни. И не имело значения, кем по национальности был тот, кто завладел Круглым озером и отдыхал сейчас на тропических островах — евреем, русским или татаринoм. Важно было то, что он уже навязал свои моральные ценности тем парням и девицам, которые теперь бьют в березовой ро́дце бутылки и сдирают кору с живых деревьев.

С каждой новой рюмкой мутная хмарь дурного настроения постепенно оседала, сменяясь осознанием своей какой-то главной, корневой правоты. Выйдя на крыльцо в жидковатую майскую ночь он закурил, устроившись в легком раскладном

кресле. Прошка вывернулся откуда-то из-за дома и привычно уселся на коленях хозяина. Сквозь просвечивающие кроны едва оперившихся берез помигивали звезды. Загадочно и тревожно, словно из неведомого, прокуковала кукушка, напророчив писателю еще восемь лет жизни. Мир вокруг уплотнился и притих в гармоничной самодостаточности, словно бы охраняя все живущее в нем, в том числе и его, Антона Петровича. Чигирь ощутил свое единство с этим миром так пронзительно, что на глазах выступили слезы.

— Да пошли они все! — почти весело проговорил он, поглаживая кота. — Верно, Прохор?

И как бы отвечая ему, из березовой рощи донеслась первая за эту весну соловьиная рулада.

У олигарха Вавилонского

Воскресный телефонный звонок поднял Спешнева на рассвете, и он спросонок потянулся к трубке с внезапным сердцебиением от острого предчувствия беды.

— Димочка, это Дина Захарьевна, — низким голосом старой курильщицы затараторила домоправительница олигарха Вавилонского. — Нет, я этого больше не выдержу, нет, я просто сдохну... Чтоб мои враги имели такие цорес¹... Опять в доме этот чертов бомонд, и Борис Лазаревич снова *взалкал!* На вас вся надежда!

— Галлюцинации? — деловито поинтересовался Диомид Диомидович.

— Пока нет, но близко к тому, и жуткая аритмия! Все это проклятая сакэ!

¹Цорес (евр.) — неприятности.

— Выезжаю, — коротко бросил Спешнев, покидая постель.

— Папик, ты надолго? — спросила Оксана, сладко потянувшись и чуть приоткрыв глаза.

— Боюсь, что на весь день, малышка.

— Ну папик... — капризно протянула жена. — А как же я? Тогда пойду с девочками в женский клуб.

— С девочками — разрешаю.

— А поцеловать свою малышчку? — томно проворковала Оксана, протягивая к мужу руки.

— И не увлекайся коктейлями, — напутствовал Диомид Диомидович, коснувшись ее припухших со сна губ.

Дело не терпело отлагательств, и Спешневу пришлось самому сесть за руль «лексуса». Благо, ехать было недалеко: осенью Борис Лазаревич покинул Рублевку и по примеру других российских магнатов поселился в усадьбе по Новорижскому шоссе. «Тесно тут стало, — жаловался он Диомиду Диомидовичу год назад, оглядывая с галереи третьего этажа свой рублевский сад с изысканным ландшафтным дизайном. — Понаехало всякой бедноты... Еще бы, жить рядом с самим Вавилонским — престижно!»

Свернув с шоссе на широкую асфальтированную дорогу Спешнев оказался в светлом, по-весеннему прозрачном березняке; облаченные в оранжевые спецовки рабочие восточной наружности старательно убирали обочины, над которыми возвышались яркие рекламные щиты. «Усадьба ждет своего помещика», «Закажи для своего особняка брусчатку с кремлевской площади!», — на ходу читал Спешнев, сознавая себя маленьким мальчиком, который привстает на цыпочки, чтобы дотянуться до взрослых. Да, черт возьми, он хотел бы поселиться в такой усадьбе и замостить кремлевской брусчаткой подъезды к барскому дому... И он добьется своего, потому что... Потому что *достоин...*

Поселение российских миллиардеров называлось «Город Солнца», и хотя это был овещенный гимн частной собственности, думается, сам Томмазо Кампанелла был бы не прочь поиграть на поле для гольфа площадью в тридцать пять гектаров, где каждую лунку проектировал специалист, выписанный из Сиднея, понежиться в пляжном центре на берегу каскада озер с мягким песком, детским бассейном и двенадцатью бунгалом, покататься на элитных лошадях по дорожкам для верховой езды и посетить зоопарк с диковинными зверями, пресмыкающимися и птицами.

Новое жилище Вавилонского было точной копией замка Людовика Второго под Мюнхеном, который Борис Лазаревич однажды посетил, будучи еще советским специалистом и восхитившись его мрачной готической красотой.

— Опять не смогла его остановить! — сокрушалась Дина Захарьевна, встречая Спешнева на пандусе у парадного подъезда. Она пребывала в крайнем возбуждении и картинно держала на уровне виска дымящуюся сигару в полных, унизанных массивными кольцами, пальцах. — Боренька, говорю, ты ведешь свои дела как богатый умный еврей, а напиваешься как нищий русский босяк!

Ее мощной, пышногрудой фигуре, затянутой в глухое черное платье с белым кружевным воротничком, более всего подходило почти вышедшее из употребления слово «корпус»; гордая осанка, уложенные короной крашенные смоляные волосы в сочетании с несколько надменным выражением лица, содержащего следы былой яркой красоты — все это создавало ощущение превосходства. Дина держала в кулаке службу усадьбы, умело дирижировала ее сложным хозяйством, подчиненные ее побаивались и за глаза называли *Диназаврой*. С семьей Вавилонских она была связана не один десяток лет, начинала секретаршей у главного инженера нефтепромысла Лазаря Ефимовича, заодно приглядывая за его малолетним

сыном Борей в отсутствие матери, солистки Бакинской филармонии Ольги Семеновой, часто уезжающей на гастроли. Боря окончил Азербайджанский институт нефти и химии, через десять лет (родители к тому времени давно развелись) стал генеральным директором крупного предприятия, благодаря связям отца переехал в Москву и занял высокий пост в министерстве. Он поехал по миру, изучая опыт работы зарубежных компаний (тогда-то и приглянулся ему мюнхенский замок), а когда, похоронив отца, стал создавать в 1992 году свой концерн, вспомнил о верной Дине Захарьевне...

В отношении к людям Диназавра не знала середины и делала их на врагов (таких было большинство) и любимчиков. Спешнев, не раз выручавший Бориса Лазаревича в критических ситуациях, а сейчас, когда стали соседями, превратившийся почти в домашнего доктора, — попал у Дины Захарьевны в категорию избранного меньшинства.

— Сценка называется «После бала», — войдя в дом громко пошутил Диомид Диомидович, наклонившись к уху Диназавры. — Лев Толстой.

— Вот он у меня где, этот сраный бомонд, — в тон ему отозвалась Диназавра, проведя ребром ладони по горлу.

В просторной зале, с готических деревянных потолочных перекрытий которой свешивались разноцветные восточные фонарики, полотнища с иероглифами и бумажные драконы, проворные горничные в белых передничках снимали с длинных банкетных столов запятнанные скатерти и остатки выпивки-закуски, с которыми скандально не хотели расставаться несколько осоловелых гостей в расхристанных кимоно. Эти узнаваемые персонажи столичной артистической элиты, судя по всему, и не ложились спать и сейчас, опохмеляясь, устало продолжали ночное веселье. Известный балерун в атласных рейтузах спал на оттоманке у погасшего камина в позе пьяного сатира, мирно похрапывая. Затянутая в переливчатый шелк популярная эстрадная

певица Лариса Мысловская с неподвижным от белил лицом, то и дело прикладываясь на ходу к горлышку бутылки и мелко семеня деревянными копытцами японских босоножек, провихляла к Спешневу и взяла под локоток.

— Я невинная гейша, — проворковала она, и Диомид Диомидовича поразил ее совершенно бессмысленный, размытый взгляд. — Но если мы уединимся, я нанесу вам французский поцелуй.

— Гуляй, Лерочка, — мягко отстранила ее Дина Захарьевна. — Доктор очень занят.

— Ну и пусть идет к своей мамочке! — хохотнула «гейша».

— Вчера была очередная тематическая вечеринка, на этот раз «Япония», — пояснила Диназавра, увлекая Спешнева в глубь помещения. — Димочка, вы можете себе представить это вавилонское столпотворение? Этот сумасшедший дом? Девочки приготовили для гостей целых сорок пять кимоно, и все это надо было постирать, погладить, вывесить на вешалках... А спиртное? Саке подогреть, а текилу охладить, чтобы на рюмке выступила изморозь, кто-то предпочитает виски, кто-то джин, кто-то бурбон... И знаете, что я вам скажу? — перешла она на доверительный полусшепот. — Это на сцене они короли и звезды, а в обычной жизни — хамы и пьяницы!

Олигарх — в богатом стеганом халате, с ногами, укрытыми пушистым пледом — лежал поверх шелкового покрывала на широкой, причудливо озеркаленной кровати и держал на сердце маленькую, холеную руку барчука, украшенную перстнем с бриллиантом темной воды. При появлении Диназавры с доктором он застонал громче, чуть приоткрыв глаза и нетерпеливым, раздраженным жестом сорвал со лба намоченное полотенце. — Дина, оно совершенно не холодит! — тонким капризным голосом прошипел он. — Где тебя носит?!

— Что ж твоя пассия не поменяла тебе компресс? — парировала Дина Захарьевна. — Вместо того, чтобы остаться у

постели страждущего — ходит с бутылкой в обнимку и изображает из себя невинную гейшу!

С полгода назад Мысловская развелась с очередным мужем-бизнесменом и несколько перезрелым плодом пала в объятия Вавилонского. О своей новой связи артистка раструблила в желтой прессе (впрочем, для интриги не называя имени избранника) — «мой голубоглазый принц живет на Рублевке», после чего Дина Захарьевна ее окончательно возненавидела. Возможно, Лариса и нацелилась на миллиарды Вавилонского, но будучи красивой и глупой женщиной, вела себя легкомысленно, как всегда, потакая своим порочным слабостям; олигарх же после недавнего развода с женой Кристиной, ошутимо облегчившей его кошелек, вступать в новый брак не собирался, вполне удовлетворенный тем, что в светских сплетнях его имя сопрягают с именем яркой эстрадной звезды.

— Буду ждать вас в кабинете, — негромко бросила Дина-завра, оставляя доктора наедине с пациентом.

Перепивший Вавилонский, которому было чуть за сорок, из-за своей массивной комплекции выглядел гораздо старше, а сейчас и вовсе имел плачевный вид: большое пористое лицо его пылало, по вискам струился пот, дыхание было прерывистым и хриплым, а беспокойное рыхлое тело то и дело вскидывалось, меняя позы.

— Это все из-за моей русской крови, Димыч, — попробовал пошутить он. — Национальный характер, никуда не денешься... Даже еврейская половина моей природы не может остановить...

После того, как Спешнев поставил ему капельницу, олигарх успокоился, а потом и задремал.

Дина Захарьевна поджидала доктора за богато накрытым столом в специальном кабинете, где Вавилонский обычно проводил доверительные беседы с нужными людьми.

— Имею я право хоть немного отдохнуть с приятным человеком? — кокетливо проговорила она, уверенной рукой раз-

ливая по рюмкам ледяную водку. — А то ведь никакой личной жизни!

Спустя полчаса, зарумянившись от выпитого и поигрывая сливовыми глазами, она с удовольствием тянула сигару, продолжая свои жалобы:

— Скажу прямо: Бореньку просто убивает этот бомонд! А заодно и нас всех! Ведь эти звезды превращают наш дом в свинарник! Горничные должны все семьсот квадратных метров протереть-вычистить-пропылесосить, представьте себе, Димочка: несколько десятков кроватей и ванных комнат! После каждого гостя по паре полотенец, по комплекту постельного белья и по халату — все выстирать, выгладить, а убрать с банкетных столов? Спозаранку три посудомоечные машины ревут непрерывно... Если бы я не была так привязана к Бореньке, если бы не любила его как родного... честное слово, давно бы ушла! Зачем он собирает у себя кого попало и гробит здоровье, когда дела идут, слава Богу, неплохо: нефть в мире дорожает, президент регулярно приглашает на Совет предпринимателей, недавно куплен участок на бывшей территории Никитского Ботанического сада, сын учится в Оксфорде, Кристина отвалилась, как пиявка, получив после развода усадьбу на Рублевке...

— Все дело в имидже, дорогая Дина Захарьевна, — с понимающей улыбкой заметил Диомид Диомидович. — Один скупает яйца Фаберже и дарит государственному музею, другой жертвует на строительство храма, Вавилонский же слывет библиофилом и покровителем актерской братии. Имидж для делового человека — все!

После того, как сняли капельницу, Борис Лазаревич слабым больным голосом обратился к Дине Захарьевне, выразительно указывая глазами на Спешнева:

— Динуля... как там у нас с наличностью...

— Нет, нет! Ни в коем случае! — замахал руками Диомид

Диомидович. — Я приехал не как доктор, а как друг... Друг семьи...

Вавилонский сделал вялый жест рукой, обращенный к домоправительнице:

— Там... в гардеробной комнате... в желтой коробке... мои туфли из крокодиловой кожи, что привез из Сиднея... Они мне все равно малы, ноги стали отекать...

«Скотина, жлоб, скряга! — бесновался Спешнев в своем лимузине, увозя подарок на заднем сиденье. — За кого он меня принимает?! Я что — нищий?! Ноги моей не будет в его доме, пусть хоть подышает!»

Березовая роща

Сморчки и строчки, первые весенние грибы, которые Чигирь обычно собирал в дальних мшистых ельниках, уже отошли; наступила пора подберезовиков, и нынешнее утро застало Антона Петровича в дачной роще. Он знал тут почти каждое дерево, давно уже приметил «урожайные» места и всякий раз обходил уголье по новому маршруту: полянка, накануне щедро одарившая грибника, в последующие дни могла быть совсем бесплодной, поскольку нуждалась в отдыхе. Он сторонился протяженных окрестных лесов с их болотами, буреломом и сумрачными ельниками; как человек увлекающийся Чигирь нередко терял в них ориентировку и, случалось, Антону Петровичу приходилось по несколько часов блуждать в дебрях с жутковатым чувством безысходности и опасным стеснением в груди. Рощу он любил за ее веселый, светлый нрав, грибное изобилие и близость к дому; неширокой полосой она тянулась от изумрудных болот в пойме Малой Истры до холмистой гривы, мелкий осинник на которой теперь был изведен при строительстве богатых коттеджей «но-

вых русских». Заблудиться тут было невозможно, «тихой охоте» Чигирь предавался самозабвенно, к тому же это были его самые плодотворные творческие часы: неспешно прогуливаясь, он мысленно продолжал сочинение очередного романа.

Западный край рощи располагался в сырой низине, окаймленной лентой ельника, где во второй половине лета проклевывались черные грузди и даже нарядные подосиновики; сейчас их время еще не пришло, и Антон Петрович, выйдя из дома на рассвете, сразу двинулся к восточной опушке. Просвеченные поднявшимся солнцем березы росли здесь привольно, среди них, на полянках, искрящихся росой, то и дело попадались подберезовики-колосовики на крепких толстых ножках.

Иногда кленовый посох Чигиря, которым писатель ворошил палую листву и рыжий войлок прошлогодней травы, наткался на вросшую в землю бутылку, которая издавала потайной предупреждающий звон, и на память невольно приходили стихи поэта Игоря Жданова, редактора первых прозаических сборников Чигиря в издательстве «Советский писатель»: *Стоят нерукотворные дубы, / подставив небу крепкие затылки. / И в лес, куда ходили по грибы, / теперь Ефимыч ходит по бутылки...* В прошлом году в «Литературной газете» Антон Петрович прочел некролог, в котором извещалось, что Жданов умер «от сердечной недостаточности» и испытал гнетущее чувство вины: за годы ельцинских реформ, когда рухнули мощные советские издательства и поэт остался без средств к существованию, Чигирь сумел навестить старика лишь один раз, не без труда раздобыв бутылку портвейна, того самого, что немало было выпито во времена их литературного сотрудничества... Да и чем еще мог помочь Жданову его бывший автор Антон Чигирь, за последнее десятилетие не сумевший опубликовать ни одного из семи написанных романов?

Погруженный в эти тягостные мысли Антон Петрович не

заметил, как вышел к чернеющему кострищем пока безлюдному стойбищу юных вандалов, и сейчас, в беспощадном свете дня, его неожиданно встретил взгляд широко распахнутых в наивном детском недоумении пронзительно-голубых глаз большой, полюбгоревшей целлулоидной куклы, разгульной ночью, видимо, кем-то брошенной в огонь и мучительно покоробившейся от пламени. «За что ж они тебя так, подонки?» — бессильно возмутился Чигирь, раскуривая сигарету и тут заметил чуть в отдалении, под кустами, старый пружинный матрац, с уголка которого — в своей грубой греховной очевидности — свешивался использованный презерватив.

— Я догадываюсь... я почти уверен, что Парамонова готова мне дать, — на ходу тараторил Антон. — Готова упасть... созревшим плодом...

— Не обольщайся, Антон... Не говори «гоп», пока не перепрыгнул... — рассудительно окорачивал его Спешнев, шагая с поднятым воротником своего пижонского, цвета маренго, польского пальто, добытого в комиссионке у знакомой продавщицы Серафимы.

— Подтверждением тому — неопровержимые признаки, — горячился Чигирь. — На семинаре по латыни я положил ей руку на бедро, на четырехглавую мышцу, потом пробрался по внутренней широкой до края чулка... И знаешь, что она сделала? Сделала вид, что ничего не заметила.

— Это уже кое-что, согласился Диомид. Надо над ней работать.

Шли в центральную, самую известную в столице аптеку, по запруженной в предпраздничной народной суете улице 25 Октября, мимо витрин с наряженными елочками, портретами членов Политбюро и бодрыми плакатами: «С новым, 1973 годом, дорогие москвичи!»

— Не трусь, успокаивал Диомид. — Я буду рядом. Подойдешь и скажешь: «изделие номер два». Всех делов.

— Тебе легко советовать, — заволновался Чигирь. — А там наверняка полно народу...

— И это говорит будущий медик, — саркастически усмехнулся Спешнев. — Ну, ты даешь...

Чек в кассе Антон выбил без проблем, но когда встал в очередь к окошку, — почувствовал, как под кроличьей шапкой на затылке зарождается горячий пот. В довершение ко всему за ним пристроилась учительского вида строгая сухопарая женщина, и Чигирь устремил растерянный взгляд к Диомиду в надежде хотя бы на моральную поддержку, но тот, засранец, стоя у широкого аптечного окна, нарочито смотрел куда-то в сторону, неуязвимый в своем сногшибательном импортном пальто с поясом и накладными карманами

Лекарства отпускала древняя согбенная еврейка в накрахмаленном белом колпаке, из-под которого выбивались жидкие крашеные прядки; крупными вислыми губами похожая на старую лошадь, она, к тому же, была глуховата, и когда Антон пробормотал про злосчастное «изделие», она воззрилась на его чек поверх толстых очков и громко спросила: «Мавадой чевавек, вам аспирин или презэрвативы?»

— А-а-а...аспири́н, — пискнул Чигирь, полыхнув лицом и презирая себя.

— Трус! Жалкий трус! — свирепым шепотом выговаривал ему Спешнев — Смотри, как это делается!

Несколько минут спустя они вышли на улицу, где кружили праздничные хлопья снега, и с чувством огромного облегчения Антон сжимал в кармане упругие колечки, которые вполне прощупывались сквозь грубую оберточную бумагу.

— У Парамоновой большая грудь, — проговорил он. — Наверное, девица страстная...

— Женщина — это всегда загадка, — тоном знатока заметил Диомид. — Каждая требует своего прохода.

У счастливого Спешнева, обладателя отдельной комнаты на Большой Серпуховке уже был немалый любовный опыт: с соседней Люсиновской улицы к нему бегала взрослая замужняя женщина Лана, которая приносила то гречку, то колечко краковской колбасы, то копченого леща, и уединялась с Диомидом в коммунальной ванной, расположенной на лестничной площадке.

Когда уже подходили к станции метро «Площадь революции», Антону вдруг пришла в голову неудобная, прямо-таки катастрофическая мысль.

— Димыч... — понизил он голос. — А что если... Если наша Парамонова — девственница?

Спешнев расхохотался.

— Знаешь, какая разновидность химена, то есть девственной плевы, самая распространенная? Химен дефлорированный!

Чигирь давно уже подметил, что главная добыча обыкновенно приходит в конце грибной охоты, когда после многочасовых хождений по лесу как бы растворяешься в нем, и тогда он доверительно раскрывается перед тобой, направляя твои шаги в сторону удачи. Другое наблюдение состояло в том, что тяжесть наполненной корзины начинаешь чувствовать лишь по дороге к дому.

Так было и сейчас, и Антон Петрович, по примеру российских странников прошлого, повесил ношу на посох и перекинул через плечо.

Приблизившись к своему дачному участку, Чигирь увидел у калитки жену Алевтину в стареньком спортивном костюме с

лампасами; прислонив к дощатому крашеному забору объемистую хозяйственную сумку на колесиках, она дергано ковыряла ключом в висячем замке, пытаясь открыть.

— Опять все заржавело! — раздраженно проговорила она вместо приветствия. — Неужели трудно капнуть машинного масла?!

«Олимп»

Главный корпус представлял собой четырехэтажное здание с двумя подъездами, бело-голубые стенные панели которого даже в пасмурную погоду выглядели светло и празднично. На фасаде его отблескивал красочный постер со стилизованным медальным профилем Диомида Диомидовича и текстом, хорошо различимым и в ночное время: **«Медицинский центр профессора Спешнева «Олимп». Амбулаторная и стационарная помощь. Лечение алкоголизма, наркомании и сексуальных расстройств. Дорого».** Чуть ниже следовало объявление: **«ЗАО «Олимп» покупает акции Мосэнерго, РАО ЕЭС, Норильский Никель, Роснефть и других предприятий».**

Территория Центра была огорожена с улицы глухим металлическим забором с кирпичной будкой проходной, где немногочисленные охранники в черной униформе проверяли пропуска сотрудников и управляли никелированным турникетом.

В западном крыле располагался стационар с палатами класса «люкс», а в восточном — клиника, где врачебные и процедурные кабинеты были оборудованы самой современной медицинской аппаратурой. В глубине двора стояло типовое трехэтажное строение бывшего детского сада, с которого, собственно, и начиналась предпринимательская деятельность доктора Спешне-

ва в пору его увлечения *мусоротерапией*. Теперь здесь помещались кухня, столовая, спортивный зал и плавательный бассейн. Дальше, вдоль пригородной железной дороги, тянулась зрелая зелень Тимирязевского лесопарка, кусок которого Диомиду Диомидовичу удалось оформить в аренду для устройства лечебных терренкуров с беседками для отдыха.

Секретарша Карина Вержбицкая — крупная, породистая блондинка тридцати пяти лет, затянутая в строгий темносиний костюм, — встретила генерального директора традиционным «доброе утро, шефчик»; этот уменьшительно-ласкательный суффикс был отголоском их прежней интимной связи, закончившейся с женитьбой Спешнева на Оксане. Употребляла его Карина лишь наедине с Диомидом Диомидовичем, на людях же держалась, как и прежде, с холодным достоинством, ничем не выявляя былой особой приближенности к хозяину Центра и вполне оправдывая прозвище Железная Леди, данное сослуживцами.

— Надеюсь, удалось отдохнуть за время уик энда? — поинтересовалась она.

— Какое там... — махнул рукой Спешнев, приоткрывая дверь своего кабинета.

— Молодая жена? — игриво выгнула тонкую ухоженную бровь Вержбицкая.

«А она все еще ревнует», — с тайным удовлетворением отметил Спешнев и притворно вздохнул:

— Ах, если бы... В субботу приезжал сын просить денег на свои политические заблуждения, а в воскресенье пришлось вытаскивать Вавилонского из очередного запоя.

— Бедный, бедный шефчик... — проворковала Карина. — Сейчас принесу вам кофе.

В десять утра он провел конференцию с врачами стационара — в уютном зале на втором этаже. Выслушав сообщения коллег с хмурым выражением лица, Спешнев, как всегда, за-

вершил ее грубым разносом коллег за недостаточное рвение к работе. Этот был его проверенный метод руководства: держа подчиненных в постоянном напряжении своим начальственным недовольством, устраивая каждые полгода переаттестацию специалистов с применением хитроумных тестов и даже детектора лжи, он добивался того, что его боялись, а следовательно, уважали.

На этот раз, задетый за живое критикой всеильного шефа, последним за кафедру встал главный врач Центра Лев Аристархович Гомельский — высокий костистый старик с худым нервическим лицом и седой бородкой клинышком.

— Мы... мы готовы признать отдельные недостатки, — рвущимся от волнения козлиным голосом проговорил он, — Но... дорогой коллега... Диомид Диомидович... Зачем же здесь, в этих стенах, такие выражения: «я вам не какой-нибудь лох», «вы думаете о бабках, а надо думать о пациентах»... И уж совсем неэтично звучит ваше обвинение: «все вы тут бездельники»...

Гомельский был прекрасным диагностом, потомственным медиком и истинным интеллигентом: это был, пожалуй, единственный сотрудник Центра, который пришел сюда из профессионального интереса, а не ради наживы. Ему Спешнев безраздельно доверял и с легким сердцем переложил на Льва лечебный процесс; сам же занимался исключительно ВИП-персонами в те немногие часы, которые оставались от тяжких забот хозяина фирмы, каковым он фактически являлся.

— Сдаюсь! Сдаюсь, Лев Аристархович! — весело выкрикнул Спешнев, вставая с места и поднимая руки. — Критику признаю и учту на будущее... Хотя кто же вы, как не бездельники?!

И тут зал высвободенно разрядился смехом, который перешел в аплодисменты.

Ровно в двенадцать Карина сообщила ему по селектору своим интимным голоском:

— К вам Алесь Андреевич Жасминов. По записи.

— Дверь распахнулась, и в кабинет впрорхнул мелковатый белесый субъект с бледной нечистой кожей плутовского улыбающегося лица. Это был снявшийся в популярном телесериале «Прекрасная служанка» актер, получивший сразу после этого в прессе высокий титул «секс-символ России».

— Пришел сдаваться, дорогой профессор! — почти весело сообщил он. Усевшись напротив Спешнева в мягкое кожаное кресло для посетителей, он закинул ногу на ногу и поправил пестрый шейный платочек. В соответствии с нынешними причудами моды, которым следовали элитные столичные тусовщики, Жасминов был одет в щегольский вечерний пиджак в блестках и потертые джинсы с разлохмаченными дырами.

— На что жалуетесь, Алесь Андреевич? — мягко поинтересовался Диомид Диомидович, сцепляя на столешнице крупные пальцы.

— Вызывает тревогу состояние моего *благонамеренного*, если использовать термин великого Пушкина.

— Половая слабость? — уточнил Спешнев.

— Именно, профессор! — обрадовался артист и, театрально откинув голову, продекламировал: «Какая ночь!.. А я не могу...», — после чего дробно рассмеялся.

За свою богатую практику доктор выделил три типа импотентов: *застенчивые*, излагая свои интимные проблемы, смущались и краснели, многого не договаривали, их приходилось раскрепощать, используя нехитрую методику; полной противоположностью им были *зануды-ипохондрики*, эти перечисляли симптомы своего недуга с утомительными подробностями, впадали в отчаяние и, похоже, получали даже от него некое мозахистское удовлетворение. Жасминов относился к типу *лицедея*, который под маской рубаха-парня и балагура пытается скрыть свою растерянность.

Настоящая его фамилия была Жигало, что по-белорусски означает «язвительный», и она сыграла с Алесем злую шутку: в родном провинциальном театре бывшей братской республики

ему поручали гротескные, сатирические роли, и однажды пьеса на остроосовременную тему, где артист изображал «маленького диктатора районного масштаба» вызвала гнев «самого батьки». Театр закрыли, а Жигало сбежал в Москву, укрывшись под псевдонимом, который пришлось по вкусу невзыскательному российскому обывателю. Бешеную популярность Жасминов приобрел, сыграв в телесериале «Прекрасная служанка» роль преуспевающего бизнесмена, соблазвившего свою горничную; теперь не только желтые газетенки, но и гламурные журналы наперебой печатали материалы об амурных похождениях новоявленного Казановы, демонстрируя богатые интерьеры его особняка на Рублевке.

— И что самое паскудное, профессор, — в конце беседы признался Жасминов, теряя изначальную наигранность тона, — все это настигло меня, как только был признан секс-символом... Ловлю себя на том, что боюсь затащить даму в постель... Изобретаю то посещение вернисажа, то экскурсию в подмосковное Архангельское...

— Думаю, вам придется недельки на две-три лечь к нам в стационар, — подытожил Спешнев, как всегда, заботясь не только о здоровье пациента, но и о коммерческой выгоде для «Олимпа». — А пока выпишу вам один проверенный стимулятор, но это на время, в качестве «скорой помощи»... Все желания, дорогой Алесь Андреевич, в том числе и сексуальные, рождаются в нашем головном мозге, поэтому вещества, возбуждающие центральную нервную систему, способствуют и сексуальному влечению. Постарайтесь употреблять в повседневной жизни продукты, которые мы называем *афродизиаками*: перец, кориандр, орехи, мед, горький шоколад; хороши в этом плане и морепродукты — устрицы, мидии, креветки, икра...

— А как насчет алкоголя, профессор? — робко поинтересовался Жасминов.

— Тут уместно следовать советам древних врачей: «вино возбуждает желания, но лишает возможности их осуществить», —

улыбнулся Диомид Диомидович. — Если в малых дозах, а это не более пятидесяти граммов чистого спирта, вино разжигает страсти, то при повышении порога дает обратный эффект.

— И еще дно обстоятельство, — замялся Жасминов. — Если уж я ложусь в стационар... Я бы не прочь пройти процедуру увеличения...

— Займемся и этой проблемой, — успокоил доктор.

Спешнев, по обыкновению, проводил ВИП-персону до приемной, и когда дверь за Жасминовым закрылась, Карина не удержалась от иронического замечания:

— Надо же, какой неказистый... А на телеэкране просто *мачо!*

— Есть такое понятие — киногеничность, — заметил Диомид Диомидович. — Неподражаемый Марлон Брандо имел рост чуть больше полутора метров.

— Вы не забыли, шефчик, — напомнила секретарша, заглядывая в свои записи, — что сегодня у вас в восемнадцать ноль-ноль Совет акционеров, а в двадцать два Вавилонский пригласил на «Московский форум роскоши».

— Ах, черт... — спохватился Спешнев. — Туфли...совсем забыл! Срочно позвони Виктору, пусть съездит ко мне домой и привезет туфли из крокодиловой кожи... Те, что привез для меня Борис Лазаревич из Сиднея.

Алевтина

У ног Алевтины рядом с хозяйственной сумкой на колесиках желтела перевязанная крест-накрест картонная коробка с помидорной рассадой, а за спиной горбился выгоревший рюкзак, из горловины которого торчала короткая ручка какого-то землеройного инструмента.

— Еще в прошлый раз наказывала тебе: не забудь капнуть масла! — сквозь одышку от ходьбы с нелегкой ношей проговорила она, справляясь, наконец, с замком калитки и утирая широкой ладонью пот с раскрасневшегося, недовольного лица.

— Да закрутился тут... то одно, то другое... — повiniлся Чигирь, подхватывая рассаду. — Только вчера закончил перебирать баньку Арсеньевым... Что ж ты не позвонила, — мягко упрекнул он, ступая на выложенную плиткой дорожку, ведущую во двор. — Встретил бы на автобусной остановке...

— Ля-ля тополя! — насмешливо отозвалась Алевтина, погромыхивая коляской на стыках мощения. — На мобильнике у меня всего семнадцать рублей, а до получки еще больше недели! Была бы у нас машина, как у Арсеньевых — приехал бы за мной в Новый Иерусалим, и не надо давиться в автобусе. Еле втиснулась, просто дурдом!

В Москву из закрытого города Северодвинска Чигирь привез жену семнадцать лет назад; приобщая к культуре, первые годы водил ее по театрам, музеям, концертным залам и, конечно же, на мероприятия, проводимые в писательском клубе — Доме литераторов. Алевтина впитывала всю эту новизну с широко открытыми глазами, восхищаясь всем подряд, но так и не смогла избавиться от лексикона продавщицы провинциального магазина.

Автомобиль, о котором они мечтали с женой прежде, обзаведясь дачей, теперь стал несбыточной мечтой: Алевтина получила всего шесть тысяч, работая бухгалтером в кооперативном доме, где проживала, и занимаясь социальными пособиями для стариков и инвалидов; Антон Петрович зарабатывал на жизнь столярной и плотницкой поделщиной, обслуживая соседей.

С годами к разговорной манере жены он притерпелся, а ее непредсказуемый и сварливый нрав выработал в Чигире — постепенно, помимо его воли — *стремление угодить*. Вот и на этот раз, зная, что Алевтина явится для весенних посадок на

огороде, Антон Петрович заранее перекопал, очистил от сорной травы и взрыхлил грядки под лук-севок, морковь, свеклу и прочие овощи, заменив ограждающие их подгнившие доски на новые, а также привел в порядок теплицу.

— Принимай, хозяйка, посадочные площади! — весело доложил он. — Мы с Прошкой, как видишь, готовились к твоему приезду!

— Чем же вы думали с Прошкой... — отозвалась жена, обведя огород скептическим взглядом. — Как буду проходить по таким проузинам между грядками...

— Вот так всегда! — взорвался Чигирь. — Хоть бы раз похвалила! От тебя один негатив!

В раздражении он убежал в дом и гулко поднялся по дощатой лестнице в свою «творильню» на мансарде. Это было самое просторное помещение в жилище, перегороденное самодельным ячеистым стеллажом; там сложены были неопрятные пухлые папки с неизданными романами Антона Чигиря и размещалась довольно обширная библиотека, где преобладали справочники и книги религиозно-мистического содержания. Житейские испытания очистили душу Антона Петровича от повседневной суеты и свойственной молодости тяги к преуспеванию, что есть разновидность гордыни; в последние годы он все больше задумывался о Вечности, осознавая, что послан на землю с какой-то высшей целью, и единственную надежду искупить грехи свои перед Всевышним видел в честном и преданном служении литературе.

Восьмой свой роман писатель посвятил явлению Антихриста к ожесточившемуся, духовно больному русскому народу, и создавал его с мучительной и светлой верой в выздоровление нации.

Устроившись за обшاپранным письменным столом (вся нехитрая мебель «творильни» перекочевала к нему от преуспевающих соседей), Чигирь постепенно забыл о своей обиде на жену и полностью погрузился в мир вымысла, который был для него реальнее действительности.

Когда он спустился во двор, день уже клонился к вечеру, и жена, разделавшись с посадкой, в оранжевой пластиковой накидке с капюшоном устало опрыскивала кусты смородины и крыжовника.

— Может, все-таки истопишь баню? — глухо проговорила Алевтина, чуть отодвигая с лица марлеву повязку.

Это был явный знак примирения, и Чигирь с готовностью отозвался:

— Отчего ж не истопить? Это мы мигом...

Парились они, как всегда, неспешно и самозабвенно; Алевтина то и дело брызгала на каменку привезенными ароматическими снадобьями, и в горячем воздухе витали запахи эвкалипта, гвоздики и березового листа. Старательно охаживая веником обильное и упругое, кустодиевских форм тело жены, Чигирь невольно пробуждался молодым желанием...

— Не будем озоровать, банник увидит! — засмеялась Алевтина, выскальзывая в душевую.

В предбаннике, замотавшись простынями, они насладились холодным пивом, после чего Антон Петрович с удовольствием засмолил сигарету, неожиданно открыв для себя, что с охлаждением чувства к женщине последней гаснет темная, греховная память плоти...

Алевтина между тем блаженно растянулась на диванчике, заложив под голову руки, голубая махровая простыня соскользнула с ее согнутого колена, обнажив розовое бедро.

— Антоша, ты что, тут не накурился без меня... — томно протянула она. — Иди, что ли...

Парамонова жила неподалеку, на Полянке, и явилась около десяти вечера — разругавшаяся с мороза, в снежных блестках на вязаной шапочке и воротнике пальто.

— *С Новым годом, Антошка!* — *прошептала она, вручая Чигирю толстую розовую свечу на бронзовом подсвечнике. — Это тебе от нас с мамой...*

Холодок неясной опасности просквозил у Антона где-то между лопатками.

Круглое, курносое личико Парамоновой празднично светилося, и Антон, вешая на крючок ее пальтецо, хранящее в подкладке потайное девичье тепло, смешанное с парфюмерными запахами, с удовлетворением отметил: «А она ничего. В самом деле, ничего...»

— А где же Димон? — поинтересовалась гостья, прихорашиваясь перед круглым настенным зеркалом. — Ты же говорил, будем вчетвером...

— Видишь ли... — пролепетал Чигирь. — Дело в том... Его девушка... В последний момент она утащила его в свою компанию.

— Надеюсь, ты будешь вести себя хорошо, — назидательно проговорила Парамонова, поворачиваясь к Антону, и тут он увидел, что на ней какое-то нелепое темно-синее, словно сшитое из копировальной бумаги, платье, торчащее во все стороны и подчеркивающее все изъяны фигуры гостьи, делая ее коротконогой кубышкой.

Чигирь разом осознал, что насчет Парамоновой нафантазировал, черт знает, чего, и эта совместная встреча Нового года была попросту дурацкой, идиотской затеей.

Она же без умолку болтала, накрывая на стол (вся выпивка-закуска была заготовлена Антоном заранее и помещена в холодильник, к тому же добрая мама Парамоновой передала баночку черной икры), полноватые ручки ее казались ловкими и веселыми; чтобы хоть как-то поднять настроение, Чигирь включил магнитофон с Хампердинком, под медлительный, бархатистый голос которого и проводили «старый год» холодной водкой. После этого он вручил Парамоновой новогодний подарок — флакончик духов с обнадеживающим названием «Может быть», и, тайком трогая колечко презерватива в кармане брюк, раз-

мышлял — уже с некоторой долей самоиронии: «может быть, а может и не быть, мудака ты синий»...

О, великая жизнеутверждающая сила алкоголя, древнего спутника человечества! Чем больше Антон пьянел, тем привлекательнее становилась его избранница, а когда по телевизору выступил с новогодним поздравлением Леонид Ильич Брежнев, а потом празднично пробили кремлевские куранты — Чигирь был уже почти влюблен в Лидочку (только так называл он ее в новом году). То и дело приглашая девушку на танец, он вдыхал аромат ее свежесмытых и чуть залакированных волос, чувствовал коленкой теплую, головокружительную беззащитность ее податливых бедер, и губы его невольно скользили по ее чуть горьковатой от духов «Может быть» шее... Пахло парафином зажженной свечи, хвоей наряженной елочки, стоящей в углу, от поцелуев у Антона уже болели губы, и где-то под утро, когда ночь за окном выпадала в осадок, как в химическом опыте, наконец-то расстелили постель.

— Только не забудь, Антошка, что мне обещал... — чуть заплетающимся языком напомнила Лида, первой заныривая под одеяло.

Антон осторожно прилег рядом, тайком запихивая презерватив под подушку.

Впервые в жизни ощутив головокружительную близость женского тела, Антон растерялся и оцепенел, застеснявшись, что Лидочка услышит, как гулко бухает его всполошенное сердце. Она же, сладко почмокав губами, повернулась к нему спиной и безмятежно проговорила:

— Спокойной ночи, Антоша...

«Что делать?», «Как нам реорганизовать Рабкрин?» — всплыли вдруг в сознании Чигиря названия ленинских статей, прочитанных к зимней сессии.

Лидочка лежала недвижно, дыша ровно и глубоко.

«Уснула», — заключил Антон и осторожно, чтобы не разбудить девушку, положил руку на ее бедро. Тонкая, шелковистая ткань ночной сорочки легко заскользила у него под пальцами, сбиваясь кверху и обнажая неправдоподобно нежную кожу чуть припухшего, как на картине Джорджоне «Спящая Венера», живота. Вслед за этим дрожащая ладонь Чигиря завладела жестким холмиком курчавых волос, Лидочка ахнула, повернувшись на спину, и губы их слились.

— Лю... любимая... — неожиданно выдохнул Антон, и его захлестнула волна какой-то неведомой раньше, возвышенной нежности. — Это... так восхитительно... Это... воспевают поэты... художники... композиторы... — Он продолжал внезапный, горячечный речитатив, словно высвобождаясь из плена своей мучительной, опостылевшей девственности с ее ночными поллюциями, рукоблудием и мечтаниями о Прекрасной Незнакомке. Совсем позабыв о презервативе, Антон осознал вдруг, что лежит на Лидочке, ее бедра уступчиво разведены, но маленькие ладошки плотно, оберегающе зажаты между ними.

— Лидочка... ну дай... — взмолился он.

Своей натянутой, звенящей плотью он ощутил, как напряженные пальчики Парамоновой ослабевают и постепенно расходятся в стороны, и тут услышал ее спокойный, рассудительный голос:

— Муж. Теперь ты мой муж.

— Нет! — почти прорычал Чигирь, разом обретая злую беспрекословность протеста и откатываясь от Парамоновой на край кровати. — Я не хочу быть мужем. Я хочу быть писателем.

Ужинали в горнице. Чигирь приготовил салат из одуванчиков, нажарил грибов с луком — любимое блюдо жены, — Алептина же привезла не только закуску, но и поллитровку.

— Надо же было тащить тебе все это из Москвы, — сочувственно заметил Антон Петрович. — В нашем сельском магазине практически то же, что и в столице.

— То же, да дороже! — отозвалась жена. — Яйца у нас по двадцать два, а тут двадцать восемь. Творог опять же, масло, колбаса... Приходится экономить на всем, Антоша... Тебе до пенсии целых семь лет, мне и того больше... Да и что это за пенсия — курам на смех... Прямо не знаю, как жить дальше... Зарплату не прибавляют, а цены растут как на дрожжах... За квартиру в апреле заплатила уже тысячу восемьсот... За дорогу к тебе и обратно уже выкладывай *стольник*. Дурдом!

— Я тут вот о чем подумал, — глуховато проговорил Чигирь. — Может, нам на месте цветника посадить картошку?

— Жалко, Антоша... Жалко изводить такую красоту. Уж лучше я возьмусь мыть подъезды в доме.

— Погоди ты со своими подъездами, — проговорил Антон Петрович, поднимаясь из-за стола и доставая из книги на этажерке почтовый конверт. — Возьми, я тут малость заработал... Арсеньевы за баньку заплатили да Вольфсон за оконные рамы... Тебе бы пальто к зиме купить, сколько можно в одном и том же...

Среди ночи проснулся он оттого, что кто-то всхлипывает рядом, и не сразу сообразил, что лежит с женой. Лунный свет едва проникал в комнату сквозь ситцевые занавески, чуть разбавляя сумрак.

— Аля, что с тобой? — обеспокоился Антон Петрович. — Болит что-нибудь?

— Антоша, — влажно отозвалась она. — Ты прости... прости меня за негатив... Сама не знаю, что на меня находит... Так рвусь к тебе, так скучаю...

— Ты ни в чем не виновата, — успокоил ее Чигирь.

— Может, нам все же надо было взять ребеночка?

«Московский форум роскоши»

В отличие от клубных тусовок столичной элиты, «Московский форум роскоши» проводился раз в год, в ночь с пятого на шестое июня и продолжался до утра. На это закрытое светское мероприятие богатые русские приезжали отметить, что они все еще на плаву в гламурном обществе: ведь тот, кто способен приобрести приглашение за три тысячи долларов, должен быть, как минимум, миллионером.

Узнав о том, что Вавилонский не только пригласил Спешнева с женой на форум, но и выкупил для них билет на две персоны, Диомид Диомидович втайне поразился своему угодливому конформизму: антипатия к олигарху, связанная с последним врачебным визитом к нему, обида на Бориса Лазаревича и решение о разрыве отношений сменились чувством повинной благодарности и какой-то глубинной, холопской подчиненности. Конечно же, Вавилонский как истинный делец знал цену деньгам и был скуп, но — в отличие от него, Спешнева, — бывал способен на непредсказуемую, расточительную щедрость.

Об этом — с легким самоосуждением — размышлял доктор, покачиваясь на заднем сиденье своего «лексуса» рядом с нарядной, благоухающей французскими духами и искрящей бриллиантами Оксаной. По мере приближения к бывшей резиденции графа Орлова, где в этом году собиралась столичная знать, Диомид Диомидович полнился светлым волнением оттого, что впервые неожиданно сбылась его затаенная мечта быть на равных с «сильными мира сего»...

К пандусу орловского дворца, похожего на праздничный торт, тянулась вереница дорогих, сыто лоснящихся лимузинов: два лакея в ливреях с позолоченными галунами встречали высоких гостей, услужливо открывая дверцы автомобилей и помогая

выйти дамам. Известный искусствовед Станислав Хавкин, в прошлом неизменный ведущий главных культурных мероприятий страны Советов, стоял с мегафоном в руке на ведущей к парадному подъезду лестнице — как всегда безупречно элегантный в черной «тройке» и галстук-бабочке — и громко оглашал регалии очередной ВИП-персоны, а также марку и стоимость ее автомобиля.

Единственным неприятным открытием для Спешнева явилось то, что поднимаясь по ступеням под руку с обворожительной женой, смуглую кожу которой удачно оттенял горностаевый палантин, он почувствовал: подаренные Вавилонским туфли явно жмут. Впрочем, эта мелкая неприятность забылась, едва они очутились в торжественных, сияющих отреставрированной роскошью декора, покоях дворца. Гибкие расторопные официанты прямо на входе подали им высокие фужеры, и в них, откуда-то сверху, сразу полилось янтарное шампанского. Подняв голову, Диомид Диомидович с детским удивлением обнаружил, что вино струится из темной бутылки, которую держит привязанная за ноги к старинной хрустальной люстре молодая полуголая женщина в искрящемся бикини.

В банкетном зале с уникальным художественным паркетом из самых дорогих пород дерева, пасторальными сюжетами настенных шпалер и антикварной мебелью место Спешневых за столом оказалось рядом с Вавилонским, и Диомид Диомидович лишней раз порадовался своей прозорливости, что надел эти чертовы, подаренные олигархом туфли.

По другую сторону от супругов оказалась необъятная, сильно напудренная, главная столичная меховщица Ангелина Бондарь в фиолетовой шляпе с большими полями. Под руку она плотно держала широкоплечего завитого красавца Маугли в светлом пиджаке на голое тело — знаменитого стриптизера, за которого недавно вышла замуж.

Из самых популярных ВИП-персон Спешнев успел заме-

тить одного из министров ельцинского правительства Николая Калистратова — как всегда, подчеркнуто прямого, с непроницаемым выражением плакатно-правильного лица. Бизнесмены, имевшие с ним дело в те лихие времена, дали ему выразительную кличку Коля-откат за умение перекачать государственные средства на личный счет; сейчас миллионер Калистратов пытался вернуться в «большую политику», возглавив ту самую «Честную Россию», в которой состоял ясноглазый сын Спешнева Олег.

— Дорогие друзья! — возвестил в микрофон Станислав Хавкин, когда все собравшиеся расселись по местам. — Вам известны правила нашего форума: никакой заорганизованности, никаких общих тостов! Выпиваем и закусываем, наслаждаемся букетом вин, красотой женщин, искусством выступающих артистов! У рояля лауреат Государственной премии, победитель конкурса пианистов имени Чайковского Игнатий Ларичев!

Пианист вскинул нервические руки над клавиатурой, тряхнул копной седеющих волос, и по залу потекли мистические звуки «Апассионаты» Бетховена.

— И все же это безобразие! — громко пожаловалась мужу меховщица Бондарь, дожевывая порцию креветок в красной икре. — За «платиновый» стол я доплатила на двести долларов больше, чем стоит «золотой», а они, гляди, почти рядом!

— Да какая разница, Ангелок, — успокоил Маугли. — Жратва везде одинаковая, все супер и всего навалом...

Зал постепенно наполнялся хмельным гомоном, звяканьем ножей и вилок и дробным звоном разбиваемых об пол бокалов.

Игнатий Ларичев, закончив выступление, как-то незаметно исчез.

— Зажигают звезды российской эстрады, наши очаровательные «Непорочные девы»! — объявил Хавкин.

Музыканты с электроинструментами расположились у рояля, туда же выметнулись четыре полуголые девицы в перьях и блестках.

— Сплошной силикон, — пренебрежительно заметила Оксана, наклонившись к мужу и поглаживая удерживаемую на руках — в полном соответствии с нынешней светской модой — свою карманную Герду, осоловевшую от окружающего шумного многолюдья.

— Малышка, ты лучше всех, — польстил жене Спешнев, с трудом перенося лому в стиснутых обувью ступнях. Вообще-то она была ему по размеру, но, видимо, в условиях российского климата и от долгого неупотребления крокодилова кожа сохла. Досадовал Диомид Диомидович и на то, что Вавилонский вообще не заметил бывших своих туфель, а значит, мучился Спешнев зря.

«Непорочные девы» между тем — под восторженные выкрики, топот и свист собравшихся — исполняли свои «забойные хиты», смешивая раскованные позы стриптиза с восточной эротикой танца живота.

— Да, у меня золотые унитазаы... — откровенничал Вавилонский, неторопливо и плотно накачиваясь водкой. — Нищие обыватели меня осуждают, а никто не знает, что это, быть может, единственное, что удерживает меня в тонусе... За успешность в бизнесе, дорогой мой доктор, отвечает вовсе не интеллект, а нервная система. Имея железные нервы ты рискуешь, а без этого нет развития твоего дела. Вот ты, *предприниматель средней руки*, какова для тебя оптимальная норма прибыли?

— Двадцать процентов, — уязвленно отозвался Спешнев.

— А я готов рисковать всем, чтобы получить тысячу! — возвысил голос Борис Лазаревич, округляя свои голубые славянские глаза. — И только благодаря этому получаю сверхприбыль! — он опрокинул очередную рюмку и со вздохом признал-

ся: — Но держать марку олигарха порой тяжелее, чем мешок кирпичей...

«Но ты же не сваливаешь этот мешок», — не без ехидства подумал Диомид Диомидович.

Закончив выступление, «Непорочные девы» не успели ретироваться, как к ним вышел, покачиваясь, краснолицый пузан с бычьей шеей, в расстегнутом смокинге и спущенном на сторону галстук.

— Ну, девочки, блин... Ну, вы даете... — прогудел он. — Приглашаю вас к себе во Владик, на мое *деньрождение*... А сейчас... говорю реально... Если разденетесь догола — удвою ваш гонорар...

Кратко посоветовавшись, девицы с жеманными усмешками принялись проворно освобождаться от необременительных нарядов.

— Иван Курихин, — пояснил Вавилонский. — Дальневосточный рыбный магнат. При Ельцине скупил почти весь рыболовецкий флот.

— Дамы и господа! — напомнил о себе Станислав Хавкин. — Прослушайте несколько объявлений! У нас на форуме демонстрирует свое потрясающее искусство король гламура, непревзойденный визажист Инесса Козлов!

Рядом с ним стояло, переминаясь на тонких ножках и выразительно взмахивая наклеенными ресницами, странное длинноволосое существо в голубом, расшитым серебром, костюме и красных полусапожках, с густо напомаженным курносым личиком то ли юноши, то ли девушки. Это был обслуживающий элитных жен и эстрадную попсу парикмахер, который, по свидетельству журналистов, «еще не определился с полом», но уже вольно разгуливал по телеканалам, под прицелом телекамер примеряя в бутиках джинсы, обедая в элитных ресторанах, заседавая в жюри всевозможных конкурсов и беззастенчиво изъясняясь матом.

— Дорогие дамы, подходите к моему рабочему столику, а то у всех вас на голове какая-то хуйня, — пригласил он, оставаясь верен своей разговорной манере.

— Ну, а для тех, кому нужна юная очаровательная жена, уже много лет трудится, не покладая рук, социальный психолог и главный российский сват Миша Фельдман! Поприветствуем Мишу с его очередным выводком «фабрики невест»! — бодро продолжил Хавкин.

Из-за стола под аплодисменты поднялся, кланяясь и улыбаясь окруженный девицами модельного вида лысый яйцеголовый мужчина лет пятидесяти с крашеной троцкистской бородкой. Фельдман знаменит был тем, что брал с улицы обычных проституток и воспитывал из них будущих жен олигархов.

— И это еще не все! — витийствовал Хавкин. — Наша славная Жанна Балан, олицетворение интеллекта и обаяния, приготовила для вас подарок — свой первый роман-бестселлер «Утраченная любовь члена Госдумы»! Спешите получить книгу с автографом, и заметьте: совершенно бесплатно!

Толковая, образованная и приятная наружностью Жанна своими пылкими политическими речами немало способствовала популярности ельцинских «младореформаторов», однако чисто практически для народа сделать так ничего и не смогла, обзаведясь лишь вилами на Рублевке и в Испании, акциями крупных природных монополий и туристическим агентством в Москве.

— Папик, я тоже хочу автограф... — тоном избалованной девочки протянула Оксана. — Ты позволишь?

— Ступай, — разрешил Диомид Диомидович.

Жена ловко переместила Герду с колен на грудь и, изящно покачивая бедрами, направилась к отдельно стоящему круглому столику, где Балан подписывала желающим свое творение.

— Ты обратил внимание, Диомидыч, что Россию охватила эпидемия писательства? — язвительно заметил Вавилонский. — Пишут нынче все — политики, звезды спорта и эстрады, про-

ститутки, жены олигархов, гомосексуалисты... Как это выглядит с точки зрения психиатрии?

У рояля между тем разместился джаз, и кое-кто уже начал танцевать.

— Попытка освободиться от комплекса неполноценности, — ответил Спешнев, краем глаза отметив, что Маугли покинул свою жену и направился к Жанне, ловко лавируя среди танцующих — Каждый в глубине души сознает, что истинный талант дается писателю, художнику, композитору... Современному *успешному человеку* хочется доказать, что он еще и талантлив. Мой друг юности Антон Чигирь, подающий надежды будущий медик, чуть не ушел с третьего курса, как только были опубликованы его первые рассказы...

— Чигирь! — произнес Вавилонский, откидываясь на спинку кресла. — Прекрасный прозаик, я зачитывался его рассказами еще на нефтепромысле. По манере письма они схожи с Казаковым.

Борис Лазаревич — помимо своих несметных капиталов, склонности к пьянству и внушительной комплекции, давшей ему кличку «полтора Бориса», — имел, пожалуй, самую обширную личную библиотеку в стране.

— Казаков спился и сгинул, — покачал головой Вавилонский. — А что Чигирь?

— Живет на даче, столярничает... В новой жизни мы почти не встречаемся...

— Россия никогда не берегла свои таланты... — После очередной рюмки олигарх неожиданно оживился: — Обрати внимание, Диомидыч, на наших юных дам: если она с собачкой на руках — значит, уже определилась, захмутила своего миллионера; а те, кто без собачек — находятся в хищном поиске... — И он громко рассмеялся.

И тут Спешнев увидел вдруг на дальнем краю танцевального круга свою жену, стоящую напротив Маугли; у стриптизера был

просительный, вкрадчивый вид, Оксана же растерянно прижимала к груди Герду и книгу Жанны Балан, отводила в сторону локоток, за который пытался ласково прихватить ее собеседник и, казалось, готова была заплакать. Кончилось это тем, что Маугли бережно обнял ее тонкую талию своею смуглой ручищей с поблескивающим бриллиантом на пальце, и они заскользили по паркету.

— Я бы не доверил свою женщину этому жеребцу, — заметил Вавилонский и в очередной раз выпил.

Горячий пот мгновенно прошиб Диомида Диомидовича и, промокая носовым платком лоб, он уже ничего не видел перед собой, кроме прекрасной, надо сказать, пары, то и дело заслоняемой танцующими. Насколько могла, Оксана отклонялась от партнера, охраняя «жизненное пространство» своей собачонки, но Маугли держал ее плотно, тела их, конечно же, соприкасались; где-то там, внизу, разыгрывался тайный спектакль их греховного общения, от которого Оксана зарделась щеками и, видимо, почти теряя над собой контроль, перенесла свою узкую ладонь с богатырского плеча Маугли на его обнаженную шею с массивной золотой цепью... Спешневу пришла в голову ошеломляющая мысль, что юная жена, возможно, холодна в постели *лишь только с ним*, и Диомид Диомидович дрожащей рукой налил себе рюмку.

— А вы-то куда смотрите! — укорила его разъяренная меховщица Ангелина Бондарь. — Вы же взрослый мужчина!

Сорвавшись с места и на ходу расталкивая танцующих, она вскоре завладела мужем и приникла к нему в томительном блюзе.

Оксана вернулась за стол с видом провинившейся школьницы.

«Неделю домашнего ареста. Как минимум», — мстительно подумал Диомид Диомидович, решив замять неприятный инцидент.

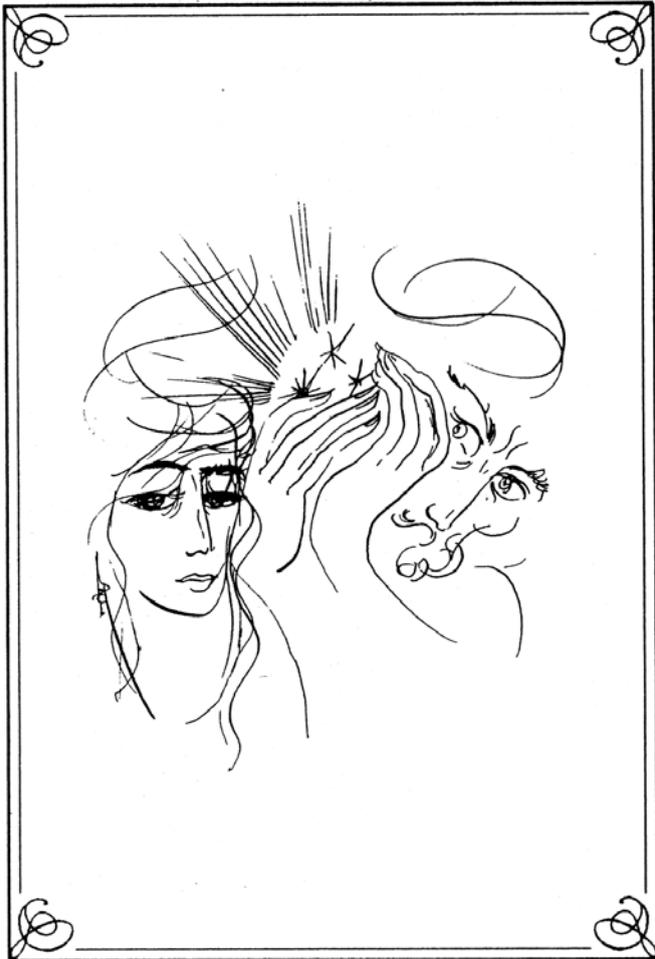
— Так чем нас одарила новоявленная писательница? — весело поинтересовался Вавилонский, потянувшись к Оксане за книгой. Открыв ее, он прочел вслух фразу, с которой начинался роман: «Телефон звонил». Господи, «телефон звонил»! — тонко расхохотался он. Как это мило! Наша Жанночка прямая наследница чеховской Веры Иосифовны Туркиной, у той, правда, «мороз крепчал», но какая разница? Главное — «маразм крепчал»!

Оксана сидела за столом тихой мышкой, изредка потягивая шампанское. Спешев подумал о том, что надо бы показать этой хабалке Бондарь да и всем остальным свое право на жену и потанцевать с Оксаной, но проклятые туфли жали невыносимо.

— Дамы и господа! — призывал между тем Станислав Хавкин. — Дерзайте, творите, не стесняйтесь проявлять свои таланты!

Дробно цокая тонкими каблучками, в зал впорхнула стайка белотелых натурщиц, которых шуточно подгонял прутиком, будто стаю гусей, гламурный художник, неизменный участник светских тусовок Виталий Львович Шлыков. Он уже дважды проходил в Центре доктора Спешнева курс реабилитации, поскольку был предельно изнурен женским полом. Облаченный в свободную блузу, стройный и легкий в движениях, но с лицом испитым и усталым, он помогал гостям проявлять таланты живописцев (разрисовывать специальными красками обнаженную натуру) и скульпторов (обкладывая эту натуру, разложенную на столах, черной икрой, дарами моря и зеленью)

Кучка насытившихся гостей сгрудилась в дальнем углу зала вокруг барда, пьяницы и хулигана Артема Веревкина и слушала его матерные песни; другие следили за выступлением известнейшей в Москве стриптизерши Изиды, внесенной в «Книгу рекордов Гиннеса» за свою уникальную способность заглатывать лоном, а потом выпцелкивать на крышку рояля шарики для

пинг-понга. Хмельные парочки, а также любители рулетки и игровых автоматов постепенно разбредались по дворцу в поисках своих развлечений; «фабрикантки» Миши Фельдмана приступили к своей тайной охоте...

— А ведь я, кажется, напился! — заметил потный, побуревший щеками Вавилонский, повернувшись к Диомиду Диомидовичу. — Доктор Спешнев, для чего я тебя пригласил? Ты должен был следить, чтобы я не напился! За что я тебе плачу?!

Эти неожиданные всплески хамства у пьяного олигарха были известны Диомиду Диомидовичу, и он как лечащий врач вынужден был сносить их. Но сегодня, в присутствии Оксаны, как никогда, почувствовал себя оскорбленным. В знак протеста, яростно цепляя носком за каблук, он стянул под столом ненавистные туфли Вавилонского и вольно, со вздохом облегчения, пошевелил пальцами.

Встреча друзей

Единственное, на что Чигирь не жалел денег, были газеты. Давно научившись читать между строк, в официальной прессе он предугадывал тайные ходы лукавой российской политики, а «желтая» давала представление о нравственном состоянии общества.

В сельский магазин их завозили по четвергам, и продавщица Тайна Степановна, изучившая пристрастия писателя, всегда откладывала для него неизменную стопку. Приезжал за ней Антон Петрович на велосипеде, а после, устроившись в любимом раскладном кресле на крыльце, внимательно изучал новости.

И сегодня, как обычно, начал он с цветной, отпечатанной на скверной бумаге, «Светской жизни». За исключением нескольких «жареных фактов» (мордобой, устроенный обслуге отеля

«Хилтон» популярной топ-моделью из-за отсутствия в номере чайных роз; беременность замужней отечественной фигуристки от любовника; скандал в «звездном семействе» знаменитой поп-певицы Аиды, заставшей мужа в постели с юношей) — вся она была посвящена репортажу о недавно состоявшемся «Московском форуме роскоши», который сопровождался весьма откровенными фотографиями.

— «Это ваше время и власть тьмы...» — бормотал Чигирь, щурясь от сигаретного дыма и поглаживая сидящего на коленях кота. — Гуляет элита — будто перед концом света...

А это что за физиономия? Елки-палки, Димка Спешнев... И с каким подобострастием смотрит на олигарха Вавилонского... Димка-Димка, куда ж тебя занесло... А знаешь ли ты, Прохор, что в прежней жизни он был моим самым близким другом... Делились последним куском хлеба... А однажды даже влюбились в сестер...

— Да пойми, Димон, я к этому совершенно не готов! — изломанно жестикулируя Антон метался по их узкой, как пенал, комнате в коммуналке на Большой Серпуховской. — Ни морально, ни материально! Сам посуди: кто я такой? Недоучившийся студентшишка, снимающий у друга угол! Все мое имущество умещается в одном портфеле! Где мы будем жить с ребенком и на какие шиши?

— Я с ней разговаривал, — успокоил Спешнев. — Светка согласна, чтобы ты переехал к ним на Сокол. Будешь проживать с женой у тещи в двухкомнатной квартире. Юлька дома почти не бывает, все время на гастролях...

Юля — миниатюрная кареглазая блондиночка — была девушкой Диомиды и работала в цирке у известной иллюзионистки Тарасовой, где ее протыкали шпагами и распиливали пополам. Света была на год старше, и лишь стройной фигуркой походила на сестру. С первой же встречи

Антон просто обалдел от ее хорошенького кокетливого личика, распахнутых зеленых глаз, вьющихся до плеч каштановых волос и особенной, свойственной лишь актрисам, игриво-самоуверенной манеры поведения (Света училась на третьем курсе театрального училища)... «Наши куколки» — не без гордости называли своих подружек Спешнев с Чигирем, и где бы они ни появлялись вчетвером, сестры неизменно привлекали внимание не только мужчин, но и женщин.

Зима 1976 года прошла в совместных посещениях кино, катка в Лужниках, лыжных прогулках в Нескучном Саду и вылазках в кафе, где тратили первые гонорары Антона: у него вышли рассказы в газете «Труд» и журнале «Крестьянка», объявивших литературный конкурс, и оба получили премии жюри! Иногда «куколки» оставались у них на ночь, кровати обнимающихся парочек были разделены лишь поставленным поперек комнаты платяным шкафом, и они, конечно же, слышали друг друга. — «Сколько палочек, Антоша?» — интересовался Диомид, когда среди ночи вдвоем выходили на перекур в кухню. — «Четыре. А ты?» «А я пять». «Не занимайся приписками, я же считал!»

Это была пора обретенной уверенности в свою мужскую силу и литературный талант. — «Ты заметил, Димон, что мои инициалы совпадают с инициалами Антона Павловича Чехова?» — спрашивал Чигирь у Спешнева, в очередной раз перелистывая «Крестьянку». — Я считаю, это перст судьбы». «В самом деле, — соглашался Диомид. — В этом что-то есть». «Почему бы и мне не стать хорошим врачом и хорошим писателем?»

Тогда же он отрастил — правда, пока еще жидковатую — чеховскую бородку.

И вот все его, так счастливо выстроенное в воображении будущее, рушилось лишь из-за того, что какой-то

расторопный сперматозоид, один из многомиллионной братии, несмотря на все ухищрения Светы и Антона, оплодотворил ее яйцеклетку, в результате чего образовалось «желтое тело беременности»...

— «Проживать у тещи»! — саркастически повторил Антон. — Да у меня от одного этого слова... просто мурашки по спине! И вообще... всегда презирал мужчин, которые идут в приемы... А что будет со Светой? Это же конец ее артистической карьере!

— Антон, не криви душой, — миролюбиво заметил Диомид. — Ты думаешь сейчас не о ней, а о себе.

— Да, о себе, черт возьми! — взорвался Антон. — Нужно учиться писательскому мастерству, постигать жизнь во всех ее проявлениях, путешествовать по миру... А для этого надо быть свободным! Вот этапы восхождения писателя: первое — научиться писать мастерски; второе — сделать себе имя; третье — пережить испытание славой... Если я и намерен когда-нибудь жениться, то никак не раньше второго этапа! А главное — Свету я, действительно, люблю...

— Ты прекрасно знаешь, неудачный аборт в лучшем случае может привести к бесплодию. Мы не можем рисковать ее здоровьем.

— Что же делать?! — отчаялся Антон, с размаху садясь за круглый стол посреди комнаты и театрально обхватывая голову руками.

— В роддоме имени Крупской есть прекрасный гинеколог Геворкян по прозвищу Золотая Ручка... Его услугами пользовалась Юлькина цирковая приятельница. Госпитализация на трое суток, полная гарантия антисептики и самая современная анестезия. Но берет бешеные деньги.

— Где ж их взять... Не можем даже сдать белье в прачечную...

- *Продадим мое польское пальто.*
- *Ты сошел с ума, Димыч! Такого больше никогда не купишь!*
- *Ну и черт с ним. Зима все равно уже кончается.*

До Нового Иерусалима ехал он самым первым утренним автобусом. Поднявшееся солнце золотило серповидные петли речки Молодильни и поросшие смешанным лесом волнистые холмы. Кое-где нарядными скатерками на них лежали изумрудные озими, чередуясь с черной пахотой; но большинство земель было покрыто рыжим бурьяном, окружавшим убогие, глхнувшие деревни. Некогда плодоносные поля, превратившиеся за годы «дикого капитализма» в пустоши, огорожены были свежими высокими заборами, за которыми кипело строительство коттеджей для толстосумов. Картины эти, вызывавшие у Антона Петровича саднящую тоску, переплетались с воспоминаниями юности и усугубляли тревогу за давнего, самого близкого в *прежней жизни* друга Диомида Спешнева, который, по разумению Чигиря, нуждался в срочной помощи.

В электричке, которая все пополнялась по мере приближения к Москве, Антон Петрович испытывал то чувство неуютa, что бывает у привыкшего к простору и малолюдью сельского жителя; а бойкие голоса вагонных коробейников, предлагающих разные мелочи, как бы подтверждали, что он давно выпал из своей городской жизни, построенной на суете и приобретательстве.

К счастью, медицинский центр Спешнева располагался на окраине Тимирязевского лесопарка, совсем рядом с железнодорожной платформой Гражданская, и Чигирю не пришлось пересаживаться в муниципальный транспорт. Последний раз он навещал Диомида несколько лет назад, когда Спешнев занимался лечением алкоголиков, арендуя помещение бывшего детского сада. Теперь тут высилось нарядное бело-голубое здание в четыре этажа с броской вывеской на фронтоне. Бронзовый про-

филь Диомида на ней и отпугивающее слово «дорого» вызвали у Антона Петровича внезапную робость, но он преодолел ее и решительно вошел в кирпичную будку проходной.

— Мотай отсюда! — замахал на него руками пожилой охранник в черной, с бляхой на груди, униформе. — Повадились, понимаешь... Нету у меня закурить!

— Я к Диомиду Диомидовичу Спешневу, — проговорил Чигирь, невольно краснея.

— Вам назначено? — сбавил тон страж.

— Нет... Это... сугубо личное...

— У всех тут личное.

— Меня, — с нажимом произнес Антон Петрович, — он примет.

Охранник недовольно поспеел, барабанил толстыми прокуренными пальцами по столу, и примирительно произнес:

— Документы.

Уйдя от новой жизни в леса, Чигирь не удосужился вступить ни в одну из вновь созданных писательских организаций, сохранив прежний билет члена Союза писателей СССР. Вид красного удостоверения с золоченым профилем Ленина на ордене, судя по всему, пробудил в привратнике генетическую память, и он, удерживая в одной руке раскрытый документ, другой нажал кнопку телефона.

— Кариночка Яновна, Шаповаленко, — приглушенно проговорил он. — Тут писатель... Антон Петрович Чигирь... К шефу... Говорит, *по срочному делу* — при этих словах Шаповаленко заговорщически подмигнул Антону Петровичу, а минуту спустя великодушно напутствовал: — Второй этаж, кабинет двести первый.

Широким асфальтированным двором, в глубине которого, под навесом, стояли иномарки и несколько машин скорой помощи, Чигирь прошел ко входу в здание, перед которым перекуривали, по-птичьих переговариваясь, несколько девушек

в коротких медицинских халатиках; они одарили посетителя мимолетным, удивленно-пренебрежительным вниманием. Увидев свое отражение в тонированной зеркальной двери, Антон Петрович окончательно понял, что своею дремучей бородой и перехваченными ремешком космами, линиями штормовкой и дешевыми джинсами, да еще пластиковым пакетом в руке — неизменной принадлежностью столичных бомжей — он производит на горожан вполне однозначное впечатление.

Он старательно шаркал потрескавшимися кроссовками по ребристому коврику, чтобы не наследить на ковровой дорожке мраморной лестницы, а поднявшись по ней, вскоре очутился в просторной приемной, где перед монитором сидела крупная блондинка в строгом темно-синем костюме.

— Диомид Диомидович ждет вас, — улыбнулась она красивым, в меру накрашенным лицом.

Распахнув тяжелую лакированную дверь с медной табличкой Чигирь оказался в обширном, богато обставленном кабинете. Из-за массивного стола, над которым висел портрет отечественного психиатра Корсакова, поднялся и шагнул навстречу гостю заметно расплывший Спешнев в распахнутом светлом костюме, с несколько припухшим лицом в золотистом, явно нездешнем загаре («Слетали с женой на Мальдивы», — позже небрежно пояснит он). Поначалу он раскинул было руки для объятия, но в последний момент передумал, испугавшись, видимо, за свой пиджак, и ограничился крепким рукопожатием.

— Толстею, брат! — сокрушенно пожаловался он, сопровождая гостя к столику у стены, где вокруг сверкающего самовара были расчетливо расставлены вазочки с фруктами и сладостями. — Из автомобиля в кресло, из кресла в автомобиль... А ты совсем одичал там, в своих лесах!

— Да вот... привез тебе по случаю грибов из своей рощи... — несколько смутился Чигирь, протягивая Диомиду пластиковый пакет.

— Карина! — весело заметил Спешнев, вызвав секретаршу. — Смотри, какими дарами природы балуют нас писатели! Положи в морозильник и принеси нам бутылку для дружеской беседы!

Прежде чем выпить с неожиданным визитером коньяк из тяжелого хрустального стакана он мельком взглянул на свои ручные часы и предупредил:

— Ты извини, дружище, но смогу уделить тебе не больше сорока минут...

— Да я понимаю... — пробормотал Антон Петрович. — Просто... собрался к тебе спонтанно... Вдруг затревожился...

— Что-нибудь со здоровьем? — осторожно предположил Диомид. — На что жалуешься?

— На постоянную нехватку денег! — отозвался Чигирь своею шутовой фразой, которую не раз применял на приемах у врачей.

В узковатых рыжих глазах Спешнева появилось нечто льдистое, лицо на мгновение замерло, и Чигирь мысленно выругал себя за неуместную в данном случае шутку: разбогатец, Диомид сделался жаден, и даже в самые трудные времена Антон Петрович давно уже не обращался к нему за помощью.

— Деньги это то, чего у всех не хватает, — уклончиво отозвался Спешнев. — Мы с Оксаной просто погрязли в кредитах.

— Ты меня не понял, Димон! — перешел на полусшепот Чигирь, доставая из кармана вчетверо сложенную «Светскую жизнь» и расстилая на столе. — Я приехал тебе помочь... Мне кажется, ты в беде... Оказался в такой компании да еще в ночь с пятого на шестое июня...

— Ах, это... — усмехнулся Диомид. — Ясно, что современный столичный бомонд наполовину состоит из криминальных личностей... Но меня никто не *закажет*... Во-первых, я под опекой влиятельнейшего Вавилонского... А во-вторых, врачей не трогают даже во время бандитских разборок.

— Да не об этом я! — заволновался Антон Петрович, тыча пальцем в газету. — Совсем не об этом! Все это неспроста и все не случайно! Да будет тебе известно, шестое июня — день рождения Антихриста! И весь этот ваш форум... Обжорство, когда народ голодает, голозадые девки... матерщинник Веревкин... блудница Изида с ее бесстыдством... Весь этот триумф порочного богатства и вседозволенной пошлости — поверь, все это проходило под знаком его, Антихриста! Наступлению его царства предшествуют соответствующие знаки: упадок нравов, стихийные бедствия, неизлечимые болезни, кровопролитие... Все то, что было предсказано Христом: «восстанет народ на народ, будут большие землетрясения и глады, и моры, и ужасные явления...» Антихрист уже среди нас! Он убьет истинных пророков и полностью воцарится в мире, если ему не помешать! Диомид, — горячечно воззвал Чигирь, — вспомни, о чем мы мечтали в юности... Ты же великий труженик... спасатель людей... врач милостью Божией... Мне за тебя страшно, беги из этой компании!

— Знаешь, о чем я сейчас подумал? — отозвался Спешнев, глядя на Антона Петровича с ироническим прищуром. — У тебя, Антоша, похоже, слишком много свободного времени, если даже Библию читаешь... А я каждый день встаю в шесть утра и домой возвращаюсь к ночи. — Он взглянул на часы. — К сожалению, меня уже ждут. Ну, давай, как говорится, «на посошок»...

— Зажевав коньяк долькой лимона в сахарной пудре, Спешнев взглянул на Антона Петровича заострившимся профессиональным взглядом.

— Антоша, скажи мне... а ты *голоса* иногда слышишь?

— Только «Голос Америки» и «Немецкую волну».

— Не ерничай, ты знаешь, о чем я.

— И я о том же. Не думай, я не сумасшедший. И хочу искренне тебе помочь. Заезжай ко мне как-нибудь.

— Как-нибудь заеду. — Спешнев в некоей неловкости провел руками по своим карманам. — Антоша, — извиняющимся тоном произнес он. — Я бы дал тебе денег, но... поверишь ли... все на пластиковой карте...

— Я не за этим приехал, Димыч.

— Понимаю, понимаю... Спасибо за грибы и за твою обеспокоенность... И все же...если вдруг услышишь голоса — сразу звони.

— Я не сумасшедший, — твердо отозвался Чигирь.

Истерия

— Папик, хватит дуться, — примирительно проговорила Оксана, когда после вечерней ванны Спешнев пришел в спальню. — Лучше поцелуй свою девочку... — Отбросив глянцево́й журнал и стоптав ногами одеяло к спинке кровати, она протянула к мужу нетерпеливые руки. — Ну, папик...

В голосе ее Диомиду Диомидовичу слышалась так хорошо знакомая ласково-фальшивая интонация неверной женщины.

— Я не целую девочек, которые обнимаются со всякими стриптизерами, — отозвался он, присаживаясь на край кровати.

— Опять ты за свое! — досадливо откликнулась жена. — Не виновата же я, что он пригласил!

— Виновата, что не отказала. Ты жена ВИП-персоны, медицинского светила, пользующего весь столичный бомонд, а этот... Тарзан...

— Маугли, — поправила Оксана.

— Да какая разница! Этот альфонс, трясущий яйцами перед перезрелыми дамочками...

— Как я могла отказать, — перебила жена, — если он прилип, как баннво́й лист... А ручкищи знаешь, какие...

— Сколько тебя учить?! Неужели не понимаешь, этот болван не нашего круга, танцующая с ним, ты уже наносишь ущерб моему имиджу?

— Как же он мне осточертел, твой имидж... — со стоном произнесла Оксана. — Живу, как собака на цепи... Этого нельзя, того нельзя, туда не ходи, с этим не танцуй...

— Да если бы это был просто танец! — задрожал от внезапного приступа ревности Спешнев. — Терлась об него лобком и обнимала за шею! Цепь ей, видите ли, надоела! Живешь, как у Христа за пазухой! Вкальываю с утра до ночи, чтобы ни в чем не имела отказа! От тебя же требуется лишь одно — соблюдать приличия!

— Плевала я на твои приличия! — вдруг вырвалось у Оксаны, и она сама, похоже, испугалась неосознанного своего признания, замерев словно в ожидании удара.

— Ах, ты, стерва! — взъярился Диомид Диомидович и отвесил жене пощечину, отчего красивое лицо ее дернулось и отпало на подушку. — Ты моя... и только моя... — бесновался он, с трудом перебарывая одышку. — И будешь делать, что я скажу... Тебе нужны... неприличия... Получай неприличия!.. — Навалившись на жену, он трясущимися злобными руками принялся рвать на ней ночную сорочку. — Я — твой Тарзан и твой Маугли!

Поначалу она сопротивлялась, выставляя локти, но под его бешеным напором вскоре обмякла, слабо поскуливая, и Спешнев, неожиданно для себя овладел равнодушным, покорным телом жены. Унижая ее с какой-то первобытной грубостью, он полнился подчиняющей плотской силой самца и темным ликованием властелина.

— Вот тебе, вот тебе, сучка... за все... что со мной сделала... — хрипел он.

Вялое тело ее вдруг судорожно напряглось, руки плотно обхватили покрывшуюся испариной спину мужа, и тонкий всхли-

пывающий плач перешел в рваные, истерические рыдания высвобождения...

Не сразу сообразив, что произошло, Спешнев встал перед Оксаной на колени и стал покрывать ее прекрасное смуглое тело покаянно-благодарственными поцелуями.

— Любимая... Единственная моя... Прости... Лишь с тобой... Лишь для тебя... — причитал он, смахивая свои неожиданные слезы.

Потом она исчерпанно лежала рядом, остывая от чувственной бури, легонько перебирала курчавые волосы на груди Диомида Диомидовича длинными ноготками чутких пальцев и в тихом удивлении говорила:

— Папик, что это было?.. Просто супер...

— Проклятая ревность... — повинился Спешнев. — Ничего не могу с собой поделать. Это у меня с юности.

— Ревнуешь — значит, любишь, — умиротворенно произнесла Оксана, поудобнее укладываясь на плече мужа.

Вернувшись поздним вечером с занятий в литературном объединении, которое посещал два раза в неделю, Антон застал Спешнева за странным занятием. Нетвердо сидя за круглым столом в майке и трусах Диомид палил в пламени зажигалки белую кожаную перчатку, держа ее над керамической пепельницей.

— Ты что, спятил?! — резким хлопком ладоней Чигирь сбил огонь с начавшей обугливаться лайки, выбросил ее в мусорное ведро и залил водой из графина.

— «И в кольцах узкая рука»... — продекламировал Спешнев, дурашливо расхохотавшись. — Ты что, Антон, пожарник? Я тебя по «ноль-один» вроде не вызывал...

И тут Чигирь понял, что друг его совершенно пьян.

Рыжие припухшие глаза Диомида слезились — то ли от дыма, то ли от тихого плача, по хмельной привычке

он часто облизывал языком воспаленные малиновые губы, а речь была вязкой и раздраженной.

— Тебе что, стало жалко эту говенную перчатку, которую забыла Юлька? — покривился он. — Ну, получила по морде... Это же не значит, что надо стремглав... к двери... Я же не выгонял... Просто хотел выяснить некоторые пикантные подробности...

На столе отблескивала зеленоватым стеклом фигурная бутылочка из-под финского ликера, который обычно приносила циркачка на свидание с бедным студентом, ломко серебрилась фольга от съеденного шоколада. Диомид накачивался дешевым портвейном «Агдам» под медлительные сигаретные затяжки. Постель его была разворочена недавним любовным вихрем, и даже сквозь несвежую атмосферу комнаты улавливался остаточный аромат женских духов.

— Лева, видите ли... — язвительно произнес он, наливая Антону полстакана из темной бутылки, которую в студенческой среде именовали «огнетушителем». — Какой я ей Лева? Я что, похож на еврея?

— Когда выпьешь, становишься похож на старого еврея, — развеселился Чигирь.

— А ты что, на молодого русского? — обиделся Диомид. — Ну и хрен с тобой...

— Что все-таки между вами произошло?

— А то, что эта сучка назвала меня Левой... — жалко усмехнулся Спешнев. — Даже хуже того — Левушкой!

— С кем не бывает оговорок, — успокоил Антон. — Мы живем в насыщенном информационном поле... У каждого масса знакомых, можно и имена перепутать... Может, этот Левушка просто коллега, с которым Юля часто общается...

— Ничего себе, оговорка... — закручинился Диомид. — В момент оргазма.

— Это меняет дело, дружище... — посочувствовал Антон, разливая остатки портвейна. — Это чисто по Фрейду.

— В том-то и дело! — вспалился Спешнев. — Юлька, моя Юлечка... Ее восхитительная гладкая кожа... эти грудки с розовыми сосками... осиная талия... Я, можно сказать, сроднился со всем этим... И вот какой-то Меламед... Пользуется ее телом, и моя Юлька так же подмахивает ему, так же стонет и говорит те же слова... От этого можно просто свихнуться...

— А при чем тут, собственно, Меламед? — не понял Чигирь.

— Антоша, не считаешь же ты меня идиотом! — сквозь слезный всхлип отозвался Диомид. — Прежде, чем отпустить, я расколол ее, выжал все... Поначалу извивалась, как... змея на сковородке... А потом разревалась и все выложила! Этот Лева Меламед — тромбонист из их циркового оркестра... И было вроде бы у них всего раз, после какой-то вечеринки... «И с кем же тебе было лучше?» — спрашиваю. «С тобой, Димочка, конечно, с тобой! Я и не собиралась уходить от тебя к нему, но ты просто идиот и козел, совсем меня достал и пошел вон после этого!» Признаться, я давно подозревал... А теперь у меня созрел окончательный план. — Спешнев подошел к платяному шкафу, из-за раскрытой дверцы его послышалось шебуриание торпливо перебираемых вещей и вскоре Диомид вынырнул в маске в виде горбатого носа и кавалерийских усов.

— На кого я похож? — неузнаваемо сдавленным голосом поинтересовался он, нетвердо стоя на ногах.

— На товарища Орджоникидзе, — отозвался Чигирь, с трудом сдерживая смех.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Диомид. — В июле они едут на гастроли в Адлер, являюсь туда под видом

товарища Орджоникидзе и... — Тут он неожиданно икнул. — И вывожу их на чистую воду!

— Но... Димон... какой смысл? — усомнился Антон.

— Смысл — чтобы изобличить ее во лжи! — ответил Спешнев, жестом фокусника сдергивая маску.

Тело и душа

Уезжала Алевтина с дачи, как и приехала, — со скандалом. Ночью Антон Петрович, выходя во двор по малой нужде, споронок случайно зацепил ногой шнур холодильника на веранде и выдернул вилку из розетки. Утром его разбудило какое-то шарканье, рваная возня за стенкой и бубнящий голос Алевтины, разговаривающей с собой — в явном расчете, что муж услышит:

— Интересно, где были его глаза, черта косолапого? А ему что — ему все до фени! Живет как писатель, ни о чем не думает! А зачем думать, когда есть Алевтина?..

— Об чем лай, боярыня? — иронично поинтересовался Чигирь, появляясь на пороге.

— Сколько раз тебя просила — перенеси эту чертову розетку подальше в угол! Я что — для того тащила продукты из Москвы на своем горбу, чтобы ты все разморозил?! — Она сидела на корточках перед холодильником и вытирала тряпкой разлапистую лужицу. Рядом, на пластиковом столике, лежали извлеченные из него подмокшие свертки с колбасой, сыром и прочим.

— Прости, Аленка, — повинился Антон Петрович. — Ну, было темно... Ну, не заметил...

— Темно! — передразнила она. — Да если было бы и светло! Тебе же на все наплевать, кроме твоих романов! Тут ты ста-

раешься, хотя тебя не печатают и ни копейки не платят, готов просиживать ночи напролет... А почему? Да потому, что получаешь от этого удовольствие! Всю жизнь делаешь только то, что нравится... А всякую черную работу пусть ишачит Алевтина, для того она и была привезена...

— Пошла... — задохнулся Чигирь. — Пошла вон! Мне совершенно не нужны твои бабьи хлопоты, которые ты мне навязываешь, да за них же и коришь! Я тридцать четыре года обходился без них, обойдусь и дальше!

В приступе гнева он поднимался в «творильню», глухо негодуя: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»...

Ни о какой серьезной работе после такой встряски не могло быть и речи; присев к письменному столу Антон Петрович был способен лишь перебирать газетные вырезки.

— Ну, я поехала... — через какое-то время услышал он робкий голос Алевтины откуда-то с лестницы.

— Скатертью дорожка, — отозвался Чигирь, не оборачиваясь.

Потом уныло, с чувством своей запоздалой вины, смотрел он через окно вслед удаляющейся, заметно огрузневшей за последние годы фигуре жены, влекущей за собой пустую хозяйственную сумку на колесиках: ведь это он, Чигирь, когда-то легкомысленно вырвал неприхотливое северное деревце из родной почвы и перенес в столицу...

Все началось в писательском Доме творчества в Гагре, благоухающей майским цветением. Притихшее бирюзовое море располагало к плаванию и пляжной неге, дымные запахи шашлыка, овевающие открытые уличные кафе, ассоциировались у Чигиря с кавказским гостеприимством, хмельной застольной щедростью южан и он, подобно другим отдыхающим, воспринимал как вопиющий идиотизм отсутствие

в магазинах знаменитых местных вин и русской водки, которые, в соответствии с установкой партии на трезвость, поступали в продажу крайне скудно. «Поверьте мне, голубчик, он долго не продержится, — многозначительно указывая пальцем наверх говорил сосед Чигиря по столу известный критик Абрам Эпштейн, когда, выстояв в день приезда многочасовую очередь, они в сумерках возвращались к себе, позвякивая добытыми бутылками. — В России есть два табу — водка и русский язык, кто на эти святыни замахнется — непременно слетит с властных высот!» «Они нас не поставят на колени, — шутливо отозвался Антон» «Никогда!» — горячо поддержал Эпштейн.

К тому времени Антон Петрович уже стал профессиональным писателем, к диплому медика добавил свидетельство об окончании Высших Литературных Курсов, выпустил четыре сборника рассказов, был обласкан критикой и удостоен Пушкинской премии, а литературные заработки позволили ему купить однокомнатную квартиру в Измайлове.

Вечером выпивали в номере Эпштейна и поэтессы Татьяна Сазонова, его юной жены, взятой из студенток Литинститута, где преподавал рано овдовевший Абрам Моисеевич. Это была пора пробуждающейся политической активности в стране, новоявленных «фронтов», «союзов» и даже «партий», закат горбачевской Перестройки, на мутном небосводе которой уже опасно посверкивали зарницы межнациональных конфликтов в братских республиках. Многоумный и многоречивый Эпштейн во время застолья давал смелые прогнозы относительно демократического будущего России, потом Татьяна читала свои чувствительные женские стихи о любви, и никому из них троих даже в голову не могло прийти, что этот их писательский отдых у моря — последний...

Наутро объявилась их четвертая соседка по столу — молодая, дейнековского склада блондинка из Северодвинска по имени Алевтина (в курортное межсезонье Литфонд, чтобы не пустовали Дома творчества, продавал путевки промышленным предприятиям)

— Эти грузины... — пожаловалась она нежным бархатистым голоском. — Пристают на каждом шагу... Прямо вендетта какая-то!

— Вам надо срочно перекраситься в брюнетку, — посоветовал ироничный Эпштейн.

— Вы так считаете? — вскинула она на него доверчивые васильковые глаза.

— Не слушайте Аву (так, несколько смущаясь, называла Татьяна мужа), не слушайте его, он шутит. А что касается всех этих джигитов, то их влекут ваши формы.

— Формы они всегда предпочитают содержанию, — весело добавил Чигирь и покраснел, спохватившись: замечание могло показаться обидным для северянки. Но та, слава Богу, не заметила бестактного подтекста.

— И чем же вы занимаетесь в вашем Северодвинске? — полюбопытствовал Абрам Моисеевич.

— Вообще-то это секрет... — порозовела Алевтина. — Город наш закрытый... Но... так и быть.. — понизила она голос. — Скажу вам по секрету: мы делаем подлодки. Но я вам ничего не говорила.

— Я — могила! — заверил Эпштейн, незаметно подмигнув Чигирию.

Допивая компот, Алевтина задумчиво проговорила:

— Прямо не знаю, что делать... Собралась на рынок, но они же проходу не дадут...

— Готов вас сопровождать! — неожиданно для себя выпалил Чигирь. — Хочу купить аджику и сулгуни.

Договорились встретиться через полчаса на автобусной остановке.

— Она просто очаровательна в своей нативной непосредственности, — заметила Татьяна Сазонова, когда соседка удалилась.

— Северная красавица, — определил Эпштейн. — «Чистейшей прелести чистейший образец». И вы совершенно правы, Антоша, что положили на нее глаз.

Алевтина, как и прочие «договорные», проживала в менее удобном «основном» корпусе, расположенном у подношвы горы и стиснутым с одной стороны бойким шоссе, а с другой громяющей железной дорогой. Писателей размещали в уютном двухэтажном «приморском» коттедже, вблизи пляжа.

На другое утро Чигирь занял для Алевтины топчан у самой воды, рядом с собой.

Увидев ее в крохотном «бикини» он испытал темное телесное волнение и предчувствие курортного романа. Оберегая свое творческое одиночество, в последние годы Антон Петрович избегал серьезных отношений с женщинами (особенно опасны были склонные к «психологии» импульсивные поэтессы), предпочитая необременительное плотское общение с простушками. Порочный мужской опыт подсказывал ему, что с Алевтиной должно сложиться именно так, но неожиданно все осложнилось.

Вскоре с «писательским десантом» Антону Петровичу пришлось выехать на выступление перед тружениками совхоза цитрусовых культур (в те времена подобное общение с читателями широко практиковалось), после него было обильное застолье. В свой номер Чигирь попал далеко за полночь, на рассвете проснулся от головной боли, а придя в себя к обеду, обнаружил Алевтину в плотном кольце писателей-конкурентов. В его отсутствие льстивые гру-

зинские искусители блондинок успели заморочить просто-душной деве голову, наговорили комплиментов, покатали по городу на белой «волге» и даже заманили в кафе.

— Надо же, как нескладно получилось... — оправдывалась девушка перед Чигирем после ужина, когда он пригласил ее в кино. — Этот Вахтанг... который хроменький... уже взял мне билет... Целых два часа читал мне свои стихи на грузинском...

— И хорошие стихи? — иронично поинтересовался Антон Петрович.

— Наверное... Аж вспотел весь...

— Аленка, вы мне нравитесь, и я буду за вас бороться, — полушутя-полусерьезно заявил Чигирь.

— Мне прямо неловко, — покраснела Алевтина. — Они ж меня шашлыком угощали... И вином... «Мукузини»...

Самым удручающим было то, что она явно колебалась в выборе между Чигирем и этим настойчивым грузинским Байроном!

Наутро Чигирь демонстративно лежал на пляже с Алевтиной, а вечером повел ее в ресторан по неширокой приморской улице, шелестящей пальмовой листвой. Вахтанг крался за ними на малиновом «жигуленке» и яростно сигналил. А позже, когда Чигирь танцевал с «северной красавицей» посреди ресторанного полумрака и световых блистков от вращающегося под потолком шара, прижавшись к ее пылающей, согласной щеке, — поэт возник вдруг на входе в зал, послал Алевтине испепеляющий взгляд и исчез. Позже он утешился с другой русской белянкой.

Дальнейшее пребывание в Доме творчества превратилось для Антона Петровича в бурный телесный праздник. Нарушая собственное железное правило — «ни дня без строчки» — он почти перестал писать, Алевтина же

появлялась в своем номере «основного» корпуса лишь для того, чтобы переодеться...

Она должна была уехать на три дня раньше, и в предощущении скорой разлуки Чигирь стал испытывать странные приступы депрессии. Он едва перевалил возраст Христа, состав его души неотвратно менялся, и все чаще приходила мысль, что его — такое удобное — отношение к женщине в молодые годы, сейчас, в наступающей зрелости, оборачивается циничным, разрушительным эгоизмом... Все чаще, удачно расставшись с очередной претенденткой на роль жены, Антон Петрович испытывал не облегчение, а гнетущую опустошенность... И в одну из ночей, когда Алевтина исчерпанно и безмятежно спала рядом, а море за окном шумело мощными штормовыми валами, до Чигиря дошел трагический смысл давнего дневникового признания Льва Толстого: «Если к 34 годам не женюсь, то повешусь».

Едва Алевтина скрылась за поворотом дачной улочки, у Чигиря замурлыкал мобильный телефон.

— Антоша, — раздался знакомый, чуть огрубленный возрастом, женский голос. — Извините, что отвлекаю... Я вдруг почувствовала... мне показалось, вам плохо...

— Милая Ната! — обрадовался Антон Петрович, — вы звоните, и мне уже хорошо!

— Вот и славно. А я жду, когда смогу услышать новые главы вашего «Антихриста»... К тому же мне только что принесли дивные яблоки для вашей любимой шарлотки. Может, приедете?

Чигирь проворно спустился из «творильни», и вскоре уже ходил между цветочными клумбами с садовыми ножницами в руках, придирчиво подбирая букет для дорогой женщины.

Жила Наталья Евгеньевна Остроградская на Поварской, в сером доходном доме с мемориальной доской о пребывании

в нем Ивана Алексеевича Бунина. Напротив, за чугунной оградой, голубел особняк бывшего издательства «Советский писатель», где Ната (так любовно называли ее родные и знакомые) проработала художником-иллюстратором почти четверть века, вплоть до его закрытия после распада Союза. Ее изящные, полные гармонии и света рисунки когда-то украсили первую книгу прозаика Антона Чигиря, и с той поры продолжалась их дружба и деликатная влюбленность в творчество друг друга.

За пыльной, по старинке обитой черным дерматином дверью, в ответ на звонок Антона Петровича сперва раздался всполошенный лай болонки Чапы, а потом в дверном проеме возникла и улыбающаяся хозяйка — высокая, прямая, в опрятном сером платье с белым кружевным воротничком и одной из своих умопомрачительных шляпок с большими полями. Она сопроводила Чигиря в просторную гостиную с высоким потолком, где уже был сервирован на двоих стол под массивной бронзовой люстрой в стиле модерн — авторской работой Федора Осиповича Шехтеля, знаменитого создателя дома Рябушинского и Ярославского вокзала в Москве. Этот уникальный светильник был подарен архитектором идеологу «Мира искусств», художнику Александру Николаевичу Бенуа, а после по наследству перешел к его племяннице Наташе.

Стены комнаты были увешаны живописными и графическими работами как самого Бенуа, так и его единомышленников; в темных рамках таились портреты благородных предков Натальи Евгеньевны, исполненные спокойного достоинства. Это были отличные от нынешних, совсем *другие лица*, заключающие в себе некую неуловимую духовную тайну. Всякий раз, рассматривая их, Чигирь испытывал легкую ностальгию по какому-то смутному, утраченному родству с прошлым.

Наталья Евгеньевна угощала гостя коньяком, крохотными бутербродиками и своим «фирменным» салатом с гренками

(приносить в дом выпивку и съестное Чигирю категорически запрещалось, допускались лишь цветы и рукописи).

— Представляете, Антоша, — признавалась порозовевшая хозяйка. — Как силен во мне, оказывается, генетический советский страх: до сих пор о политике говорю с опаской, как бы не донесли, куда следует!

Оставшись одна в большой квартире (муж, театральный режиссер, умер десять лет назад, дети выросли и разъехались по свету), Наталья Евгеньевна испытывала недостаток общения, и всякую встречу с Антоном Петровичем начинала с обсуждения самых злободневных новостей.

— Ах, Антоша, — подвела она итог их нынешнему обмену мнениями. — Правые пугают возвратом авторитаризма, левые — засилием монополий и коррупцией... Те и другие ратуют за счастье народа и под торжественный звон агитационных лозунгов набивают карманы... К сожалению, приходится признать: Россия это страна, где перемены бывают только к худшему.

Потом он читал новые главы романа и, время от времени отрываясь от текста, чтобы пригубить коньяка, видел перед собой внимательные, полные сострадательного восторга, глаза Натальи Евгеньевны, и крепчал голосом, полнясь гордой уверенностью в себе. За последние пятнадцать лет он истоптал пороги многих издательств, предлагая свою «новую прозу», и всюду (при восторженных оценках редакторов и рецензентов) дело заканчивалось отказом: его ни в какую не хотели публиковать таинственные и всемогущие *хозяева*... Порою Чигирю казалось, что Ната была единственным человеком на свете, кого интересовало его творчество...

— Прекрасно, прекрасно, Антоша, — растроганно говорила Ната, когда Антон Петрович перевернул последнюю страницу. — Вы так выросли творчески... Ваши первые рассказы были совершенны по стилю, тонкости восприятия пейзажа, характе-

ров, неспроста в рецензиях на них упоминалось имя Бунина... Но сейчас у вас появилась космичность мировосприятия... Единство реального и потустороннего... И, конечно же, трагическое предощущение апокалипсиса...

— Появилось то, что никому не нужно, — скептически усмехнулся Чигирь.

— Не нужно нынешним невежественным издателям! — горячо возразила Наталья Евгеньевна. — Они предприниматели, *делают деньги*, а вы *делаете литературу*, и потому ваши пути расходятся! Но в масштабе вечности — а только так должно судить о настоящей литературе — правы не они, а вы!

— Ната, Ната, — признался Антон Петрович, сдерживая невольные слезы. — Что бы я делал без вас...

— Не пропали бы, — улыбнулась Остроградская. — Истинный художник принадлежит своим творениям. Случилось так, что ваша творческая зрелость пришлось на безвременье... Но вы не имеете права сдаваться. Кто-то должен каждые сутки подниматься на вершину маяка и зажигать путеводный огонь, чтобы освещать эту тьму... Знаю, вы не любите подобные красоты, но, надеюсь, простите мою женскую слабость...

— После того, как попили чай с испеченным хозяйкой ароматным яблочным пирогом, Наталья Евгеньевна смущенно призналась, протягивая Чигирю плотный запечатанный конверт:

— Возможно, это моя мнительность, Антоша... Но у меня какое-то гнетущее предчувствие... Что-то должно со мной произойти... Хочу, чтобы это осталось у вас... как память обо мне... Вскроете, когда приедете домой.

— Ната, — растерялся Антон Петрович. — С вами не может случиться ничего дурного... Сам Господь вас хранит...

— Ну полно, полно, — торопливо проговорила Наталья Евгеньевна, провожая гостя в прихожую. Прежде чем открыть дверь, она на прощанье кратко приникла к Чигирю ветхим сво-

им, сухим телом и резко отстранилась: — Теперь ступайте с Богом.

Он выполнил ее наказ и вскрыл конверт лишь после того, как поднялся в свою «творильню». В нем оказалась черно-белая курортная фотография пятидесятих годов, где улыбалась на морской набережной, веером держа пальмовую ветвь, редкой красоты молодая женщина с такими знакомыми темными глазами...

До него вдруг дошло: это было тайное объяснение в любви, возможно, перед близким расставанием навсегда.

— Ната, Наточка, — проговорил Чигирь почти в отчаянии. — Ну почему же... Почему мы так разошлись во времени...

Шопинг без границ

— Как это ни парадоксально звучит, бедность психологически более нормальное состояние, чем избыток средств, — рассуждал Вавилонский, грузно восседая рядом со Спешневым в своем «хаммере», агрессивно протискиваемом сквозь загроможденные транспортом столичные улицы. Впереди, справа от шофера, поблескивал бритой головой на бычьей шее начальник личной охраны олигарха; два телохранителя размещались за спиной хозяина, остальные таились в джипе сопровождения. — Не надо стремиться к богатству, друг мой Диомид. Обычным людям следует относиться к богачам с той же жалостью, что и к нищим.

— Я так и отношусь, — полушутя отозвался Спешнев, уязвленный этим назиданием.

Олигарх недовольно засопел.

— Лукавишь, Диомид Диомидович! — погрозил он доктору ухоженным пальчиком. — Во-первых, ты накопил кое-какой

капиталец, а потому не являешься «обычным человеком»... А во-вторых, разве я не вижу, как рвешься в круг избранных...

Это была очередная бестактность Бориса Лазаревича, с которой Спешев вынужден был мириться.

— Я, брат, насквозь тебя вижу! — развеселился Вавилонский, хлопнув Диоида Диомидовича по плечу.

«Я тебя тоже», — с профессиональным превосходством подумал Спешнев.

Помимо склонности к алкоголизму Борис Лазаревич страдал *монофобией*, и в моменты обострения болезни не мог находиться один. Чаще всего это случалось на выходе из запоев. Многочисленная челядь, постоянно окружавшая олигарха, не спасала от этих состояний, поскольку Вавилонский, прекрасно зная психологию лакея (доброту барина не уважают, потому что не боятся), ни охрану, ни службу вниманием не баловал. Исключение составляла лишь верная Диназавра. Что же касается присутствия Спешнева, то, кажется, само слово «доктор» производило на олигарха благоприятный терапевтический эффект. Скорее всего, именно поэтому Вавилонский приблизил к себе Диоида Диомидовича и таскал за собой на светские мероприятия.

Нынешнее предназначалось для акул отечественного бизнеса, именовалось «Шопинг без границ» и проводилось в самом обширном павильоне бывшей сельскохозяйственной выставки.

На площадках под открытым небом бойко шла торговля самолетами, вертолетами и яхтами, а в самом помещении были выставлены сверкающие чудо-автомобили, мощные хромированные мотоциклы, уникальное охотничье оружие и прочие разнообразные товары — от плюшевых игрушек по 8-10 тысяч долларов за штуку до выставленного в алькове с обоями начала прошлого века царского ложа за 145 тысяч у.е., на котором возлежала полуголая рекламная девица с громадным силиконовым бюстом.

Дамы «выгуливали» свои дорогие наряды, драгоценности и домашних собачек, с наигранным восторгом приветствуя друг друга; мужчины соревновались в дороговизне и оригинальности покупок (один из них выложил миллион за возможность вечной безлимитной сотовой связи), и за всем этим охотились со своими фотоаппаратами и телекамерами назойливые репортеры.

Покупка, сделанная Вавилонским, привлекла к нему целую толпу журналистов, снедаемых экзальтированным профессиональным любопытством: для чего олигарх приобрел за миллион долларов автомобильный диск, инкрустированный бриллиантами?

— Без комментариев, — с загадочной усмешкой отделался от них Борис Лазаревич.

А после, когда они со Спешневым сидели в уютной, обитой кожей, кабине ресторана, расположенного на антресоли выставочного павильона, и закусывали дорогой коньяк экзотическими дарами моря, Вавилонский, тоненько посмеиваясь, пояснил: «Эта идиотская, бессмысленная покупка может принести мне больше дивидендов, чем иная выгодная коммерческая сделка». И до Спешнева дошло: к своему устоявшемуся уже имиджу миллиардера, библиофила и мецената Борис Лазаревич решил добавить загадочности. По мере того, как доктор пьянел, в нем начинало зарождаться (как это случалось и прежде) сентиментальное чувство уважительной преданности Вавилонскому за то, что Борис Лазаревич приблизил его к себе.

И тут олигарх, словно прочтя его «верноподданические» мысли, усмешливо поинтересовался:

— Скажи, мой верный Диомид: ты действительно хотел бы жить в нашем «Городе Солнца»?

— Речь о вашем поселении на Новой Риге... — уточнил Спешнев. — Или же вопрос надо понимать расширительно?

— И то, и другое, — отозвался Вавилонский, глядя на доктора сквозь хрустальный стакан.

Диомид Диомидович неопределенно пожал плечами:

— Все будет зависеть от моего финансового состояния.

— О, это, брат, далеко не все! — возразил Борис Лазаревич. — Попасть в наш круг не так просто. Тебя могут *сожрать* за одно лишь намерение... Ряды сомкнуты, и все зорко следят, чтобы не просочился чужак...

— Я это знаю.

Вавилонский в упор посмотрел на Спешнева уже слегка замутненным взглядом:

— Рассчитываешь на меня?

— В какой-то степени, — признался Диомид Диомидович.

— Ну и дурак! Насчет меня никогда не обольщайся, мой верный Диомид! — разоткровенничался олигарх. — В любой ситуации я давно уже поступаю как коммерсант — то есть, с позиций выгоды! Если мне выгодно, чтобы ты жил рядом со мной и вытаскивал из депрессий — быть тебе в «Городе Солнца»! Если мой подчиненный становится слишком умным и самостоятельным — я увольняю его! Если компаньон начинает «тянуть одеяло» на себя — я предаю его! Если конкурент создает угрозу моему бизнесу — я разбираюсь с ним без всяких церемоний! Шопинг без границ, вот что такое жизнь олигарха... Любовь, дружба, родственные чувства — обо всем этом надо забыть, вступая в большой бизнес. Организовал общее дело с родным братом — и вылетел в трубу. Пошел на поводу у женщины — и ты банкрот. Пожалел утопающего — и утонул сам.

— Выходит, вы живете не по совести и сознаете это, — осторожно поставил диагноз Спешнев. — Не в этом ли причина депрессий и прочих душевных неурядиц, с которыми мы с вами боремся?

— Какой там к черту... В том-то и дело, что с некоторых пор получаю от всего этого... эдакое подлое удовольствие... Совесть... — покривился Вавилонский. — Совесть это привилегия бедняков.

На заработках

— Петрович, смотри, жираф полетел! — заметил напарник Чигиря киргиз Толомыш, задрал голову. Он сидел на коньке крыши с гвоздодером в руке и, приставив коричневую ладонку к глазам, с детским любопытством смотрел в небо.

— Журавль, — поправил Антон Петрович, стоя внизу возле приставной лестницы и ожидая, когда Толомыш спустит по ней на веревке очередной лист снятого с гаража шифера. — А вообще это цапля. Серая цапля с нашего истринского болота.

Чигирь с Толиком (так переименовывал азиат свое имя на русский) подрядился поменять старую, потемневшую от времени, кровлю, на добротную и нарядную металлочерепицу, как пожелал того новоявленный хозяин гаража писатель Владимир Байда. Хотя в поселок с весны устремлялись десятки безработных из бывших братских республик (вроде Толика, которого Чигирь на этот раз взял в подсобные), — дачники предпочитали иметь дело с Антоном Петровичем, зная его исключительную добросовестность и доходящую до застенчивости скромность, когда речь заходила об оплате труда («сколько дадите, и ладно», — чаще всего определялся он)

— У нас на Иссык-Куле тоже водится цапля, — заметил Толик. — А еще форель. Очень большая форель.

— Когда-то у вас там водились очень большие торпеды, — усмешливо вступил в разговор Владимир Байда. — Проходили испытания.

Он сидел в серебристой «ауди» с распахнутыми дверцами, заботливо укрытой от солнца под туго натянутым тентом и вычитывал верстку своего очередного романа, потягивая из бутылки принесенное женой Феодорой Михайловной холодное пиво. Байда любил эту новенькую машину и нередко в послеобеденное время подремывал в ней, наслаждаясь комфортом и запаха-

ми необношенного салона. Крупный, с выступающим животом и огрузневшей фигурой атлета, Владимир вышел в отставку в чине то ли майора, то ли подполковника, подвыпив, намекал Чигирю о бывшей службе в каких-то специальных частях, а однажды показал ему, как можно запросто сломать человеку руку. В советские времена Байда выпустил несколько повестей «про шпионов», теперь же специализировался на кровавых триллерах, реклама которых была размещена даже в метро. Благодаря неплохим литературным заработкам он прошлой осенью прикупил соседский дачный участок, где на месте ветхого щитового домика возвел рубленую баню с бильярдной на втором этаже, а теперь вот перекрывал кирпичный гараж, доставшийся от прежнего владельца.

Чигирь почти никогда не устраивал обеденных перерывов, потому что после них тяжело было вновь втягиваться в работу; и хотя умные люди предупреждали, что дело может обернуться язвой желудка, — упрямо придерживался однажды выработанного режима. Вот и сегодня они с Толиком без роздыху трудились до жидких июньских сумерек, и за это время сняли с крыши не только шифер, но и изрядно подгнившую дощатую обрешетку.

— Шабаш, мужики! — прогудел Владимир Байда, доставая из колодезного ведра охлажденную, истекающую искристыми каплями, бутылку водки. — Феодора Михайловна приглашает к столу.

— Уж не обессудьте, собрала, что Бог послал, — приветливо проворковала его жена, сдобная улыбчивая блондинка, рассаживая мужчин в просторной, светлой столовой. — Как говаривал мой покойный батюшка, «Благодарим Тебя, Христе Боже наш, за то, что Ты напитал нас земными Твоими благами»...

По происхождению Феодора была поповская дочь, а по складу характера — типичная «офицерочка» — из тех симпа-

тичных провинциалок, что с радостью «выскакивают» за военных, чтобы выбраться в неведомую широкую жизнь; на деле же эта жизнь оборачивается кочевьями по дальним гарнизонам и бытовыми неудобствами, которые они обыкновенно стоически переносят.

На столе, среди домашних разносолов, исходила паром рассыпчатая отварная картошка, отливала перламутром бланшированная селедка под колечками синего лука, и даже янтарные зерна красной икры дробно круглились на бутербродах.

— Как писатель ты поймешь мое состояние, Петрович, — проговорил Байда, наполняя рюмки. — Сам знаешь, как бывает, когда закончишь очередной роман. С одной стороны — гора с плеч. А с другой... Такая опустошенность... Кажется, больше никогда ничего не напишешь... А издатель уже требует: сочиняй следующий!

— Ничего, справишься и на этот раз, ты мужик хваткий, — успокоил Чигирь, опрокидывая рюмку и невольно отмечая, что Байда — с его бритой головой, окольцованной золотой цепью могучей шеей, синей татуировкой на плече и даже расхлябанной жестикуляцией стал напоминать тех самых «братков», о которых пишет.

— Вова, не забывай, что у тебя сердечко... — мягко заметила принесшая блюдо дымящихся пельменей Феодора, бросив многозначительный взгляд на ополовиненную бутылку. — Ты обещал.

— Настоящая жена писателя... — размягченно заметил Байда, когда Феодора Михайловна скрылась на кухне. — Моя Дорушка... Все, написанное мною — ее заслуга...

Наблюдая повседневную жизнь бездетных дачных соседей, Чигирь давно уже понял, что все свое нерастраченное материнство неугомонная Феодора обращала на мужа, превратив его в избалованного большого ребенка: установив в доме прямо-таки армейский распорядок дня, направленный на поддержание

здоровья и творческого тонуса мужа, Феодора Михайловна, невзирая на погоду, всякий раз в семь утра поднимала своего Вову на пробежку к лесному озеру, где они делали зарядку и купались, после обеда ему полагался полуторачасовой сон, ежедневную работу за письменным столом следовало заканчивать не позже семи вечера, чтобы творческое перевозбуждение не нарушило ночной сон, и, конечно же, Феодора бдительно пресекала всякую попытку мужа злоупотребить алкоголем, к чему Владимир Байда был склонен, как и всякий писатель, независимо от масштаба дарования.

— Главное — уложился в три месяца, как и было оговорено, — продолжал свое Байда. — Попробуй только нарушить сроки! Тут же начинают трезвонить: Владимир Фирсович, без ножа режешь! Уже вагон бумаги завезен, а у нас еще не готов оригинал-макет, от нас же оптовики откажутся, если сорвем поставки и так далее, и тому подобное... Между нами, девочками, говоря, — Байда доверительно понизил голос, — у меня в контракте оговорена каждая мелочь, вплоть до того, что и дальше буду брить голову и носить на шее золотую цепь! Потому что писатель Владимир Байда — *бренд* издательства, его внешность должна быть известна каждому!

После того, как выпита была водка и опустошены тарелки, Феодора Михайловна подала чай.

Толомыш, привыкший у себя дома, в Иссык-Кульской долине, употреблять этот напиток не в конце застолья, а в самом начале, к тому же почувствовав себя лишним в писательском разговоре, деликатно откланялся.

Со двора долетело напряженное гудение электрического насоса и дробный шум водяных струй — хозяйка приступила к вечернему поливу огородных грядок и цветников.

— Петрович, — подмигнул раскрасневшийся, благодушно осоловевший Байда, — а не рассмотреть ли нам второй экземпляр?

— Возражений нет, — понятно отозвался Чигирь.

— Одна нога здесь другая там, — весело предупредил хозяин, тяжелоато выбираясь из-за стола. — Заначка у меня в кабинете.

Вернулся он с четвертинкой, осмотрительно обернутой в газету. Распили ее в два приема, после чего можно было уже не опасаться возвращения Феодоры.

От предложенной Владимиром кубинской сигары Антон Петрович отказался, предпочтя свою отечественную «Яву» ростовской табачной фабрики. Попыхивающий голубоватым дымком Байда в искривленном выпивкой сознании Чигиря увиделся вдруг олицетворением сытого самодовольства (впрочем, такое выражение лица сопутствует всякому курящему сигару), и Антон Петрович с горьким самоосуждением заключил: «А ведь я недобр. Недобр и завистлив». Глухое читательское забвение, заметно испортило характер писателя: если он раньше искренне радовался чужому успеху, теперь этот успех вызывал у него подспудное раздражение, а литературная жизнь, которая все еще клубилась в фойе и буфетах Дома литераторов на Большой Никитской, не интересовала его вовсе.

— Я ведь, честно говоря, переживаю за тебя, Петрович, — неожиданно признался Байда. — До сих пор перечитываю твои рассказы... Какой язык, характеры... И так трудно живешь... Сейчас другое время, все определяется потребительским спросом... Ну почему бы тебе не навалить крутой триллер? С твоим-то талантом...

— Потому что «в начале было Слово», — хрипловато отозвался Чигирь, чувствуя, как злобная хмельная муть неожиданно поднимается откуда-то со дна души.

— Ну и что с того?

— «И Слово было у Бога, и Слово было Бог»...

— Не люблю попов, — покривился Байда. — Хотя сам женат на поповой дочке.

— Атеизм — либо великое бесстрашие, либо великая глупость.

Байда надолго примолк, переваривая это замечание.

— По-моему, ты слишком серьезно к этому относишься, — наконец заключил он. — Я имею в виду литературу. Если даже я могу наваять триллер...

— Ты, Вова, профессионал, — иронично перебил его Антон Петрович. — А я любитель. Никогда не писал по заказу.

— Да делов-то! — повысил голос Байда. — Составляю план и уже заранее знаю: тут у меня произойдет убийство, через двадцать страниц погоня, через каждые тридцать страниц — секс... У современного читателя клиповое мышление, ему подавай действие, смену кадров! Экшн и еще раз экшн! — все больше вдохновлялся Владимир. — Философские рассуждения Толстого уже никому не нужны, нельзя писать по-старинке, это я называю «целлюлитная проза»...

— Это Толстой-то... целлюлитная?! — задохнулся Чигирь. — И это говоришь ты?! Да понимаешь ли ты, бренд, то, к чему свели вы великую русскую литературу — преступление против собственного народа? Народ наш глубоко болен, а вы вместо лекарства суете ему наркотик!

Антон Петровича понесло, вскочив на ноги, он уже плохо соображал, что именно говорит, но продолжал высказывать злую и выстраданную правду, как бы мельком удивляясь, что Байда ничего не возражает, сидит с бурым окаменевшим лицом, на котором отпечталось какое-то удивленно-пришибленное выражение...

Он плохо помнил, как выбежал на улицу (кажется, Феодора прокричала что-то со стороны беседки, где поливала плетистые розы); не без труда одолел ступени собственного крыльца, кое-как добрался до топчана на первом этаже и рухнул на него, не раздеваясь.

— Ничего, Прошка, — бормотал он, поглаживая прильнувшего к его боку кота. — Пусть они жируют, несчастные... Главное — мы с тобой живем по совести...

Никогда прежде не ощущал Антон такую головокружительную полноту жизни и веру в свою успешность, как в тот майский вечер, когда вышел из Дома культуры издательского комбината «Правда» в зеленый сквер и глубоко вдохнул беспокойный воздух большого города, чуть приправленный тонкой горечью распустившейся листвы. Прошло заключительное — перед летними каникулами — занятие литературного объединения «Магистраль», где последний рассказ Чигиря был дружно рекомендован к публикации в одноименном альманахе. Распрощавшись с молодыми творцами до осени, руководитель объединения писатель Владимир Яковлевич Казанский, — высокий, сухощавый, с офицерской выправкой, которого между собой дарования уважительно именовали Учителем, попросил Антона задержаться и, прежде чем перейти к беседе, осторожно выглянул в коридор, после чего плотно прикрыл дверь.

— *Разговор сугубо конфиденциальный, — негромко предупредил он. — Как вам известно, наша «Магистраль» — совместное дитя ЦК ВЛКСМ и Союза писателей... Вполне естественно, за ним особый надзор... скажем так... соответствующих инстанций... И чтобы у вас, Антон, не возникли нежелательные трудности на творческом пути... Перед тем, как начать действовать, мне необходимо знать ваше мнение... Дело в том, что «наверху» принято решение создать творческую бригаду писателей для освещения работ на стройке века Байкало-Амурской магистрали... Это не первый подобный опыт в советской литературе... Самый яркий пример — сборник очерков о строительстве Беломоро-Балтийского канала, написанный в начале трид-*

цатых коллективом известных наших писателей во главе с Максимом Горьким. Вы мой самый талантливый ученик, и я мог бы рекомендовать вас в творческую бригаду как представителя молодых... Гарантированы командировочные расходы, публикации ваших материалов... И, разумеется, это работало бы на ваше «имя», во многом определило писательскую судьбу... Что скажете?

— Как говорится, спасибо за доверие, — смутился Чигирь. — Но вы же знаете, Владимир Яковлевич... Как сказал поэт, «Но я певец не хоровой»... Пишу о всяком таком... случайном, что взбредет в голову... И если мой отказ вам не навредит...

Казанский пристально посмотрел на него сквозь очки в толстой роговой оправе и проговорил дрогнувшим голосом:

— Признаться, много ответа от вас я и не ожидал. — Он сосредоточенно закурил и грустно продолжил: — Ах, Антоша... Талант — такая хрупкая субстанция... Это как любовь — трудно завоевывается и легко теряется... Иногда достаточно одного неверного шага, чтобы он вас покинул... Мои первые рассказы хвалил сам Константин Георгиевич, а ведь в нашем семинаре у Паустовского были очень одаренные ребята, такие же молодые бывшие фронтовики, как и я. Но они стали знамениты, создали великие книги о войне... А мне нужно было кормить семью, обустроить быт... Поступил в «Литературку» к Симонову, спецкорром по Сибири... Очерки о гидростроителях — экскаваторные забои, бетонные заводы, рукотворные моря... Высокие по тем временам гонорары, закрытые гостиницы для избранных, приемы в высоких административных кабинетах... А Главная книга, о которой думал по ночам, так и осталась ненаписанной... — Он резко загасил окуроч в пепельнице. — Литература — дело жестокое. Ей нужно отдавать себя целиком, без

остатка. А еще — писатель должен быть высоким профессионалом. А потому заканчивайте ваш мединститут и подавайте заявление на Высшие Литературные Курсы при Литинституте. Буду жив — непременно поспособствую вам в этом.

По пути домой, на Большую Серпуховскую, Антон втайне гордился, что отказался петь в общем хоре с теми, кто после краткой «хрущевской оттепели» способствовал охоте на диссидентов, устраивал травлю Пастернаку, Солженицыну и Бродскому, и решение его одобрено Учителем...

Своим «праздником души» хотелось поделиться с Диомидом, и Чигирь успел купить бутылку водки в Смоленском гастрономе, который работал до одиннадцати часов и частенько выручал их со Спешневым.

— Антоша, сделай что-нибудь, просто спасу нет! — встретила его в прихожей соседка по коммуналке одинокая старуха Пелагея Семеновна. — Обратю с Димой пили эти его аглоеды из института... Гвалт, ругань, дело до драки дошло, пришлось вмешиваться... А этот... белобрысый, нахальный, опять девку затащил в туалет! Срамота! Хоть милицию вызывай! Ты уж повлиять, Антошенька... Ты благоразумный, он тебя слушается...

В комнате горел свет, сломанный венский стул валялся у вешалки, под ногами хрустело битое стекло серванта; Диомид в разорванной белой рубахе лежал на своей кровати поверх одеяла и посвистывал носом в тяжелом пьяном сне. На столе, среди консервных банок из-под кабачковой икры и бычков в томатном соусе, валялись пустые бутылки «Перцовки» и «Агдама».

Антон с трудом раздел друга (при этом он сопротивлялся и строил злобные рожи), затолкал под одеяло и принялся наводить порядок в комнате. Убирая с письмен-

ного стола скомканную жилетку Диомида, доставишюся по наследству от отца, корифея медицины (на подкладке ее белел ярлычок, на котором аккуратным почерком портного было выведено: «Д. Д. Спешневъ»), он обнаружил вырванный из школьной тетради листок, на котором неряшливым скачущим почерком Диомида были написаны многократно правленные строчки:

*Надоела жизнь бессодержательная,
Кабаки и женщины непритязательные.
Завтра вновь меня обманет кто?
Не придет та, в малиновом пальто,
Не придет, потому что я плохой,
Не придет, потому что нет такой...*

Прочтя это, Антон опешил: оказывается, Юлькина измена так зацепила друга, что он начал писать стихи! Чигирь невольно вспомнил откровение Учителя: «В истоках творчества всякого истинного художника ищите безотрадное детство и несчастную первую любовь». Каким было детство Диомида? Антон знал лишь, что мать его Анна Прохоровна работала операционной сестрой у известного акушера-гинеколога, профессора Диомида Диомидовича Спешнева, продолжателя целой династии врачей с дворянскими корнями. На кафедре в институте висел его портрет, где был запечатлен старик в тонком пенсне, с крупным благородным лицом и бородкой клинышком. Имя Диомид в роду Спешневых передавалось от поколения к поколению как своеобразный «знак профессии»: святой мученик Диомид был врачом, поучал больных вере Христовой и мученически скончался в III веке.

В 1953 году Спешнев (у которого к тому времени были уже не только взрослые дети, но и внуки) был

арестован по «делу о врачах»; беременная от него двадцатитрехлетняя Аня на нервной почве родила Диомида семимесячным. После смерти Сталина заключенного выпустили, он успел усыновить незаконнорожденного, но от перенесенных в тюрьме потрясений вскоре умер... Все, что осталось от тайного служебного романа профессора и его юной ассистентки (помимо непонятно как оказавшейся в шкафу Анны Прохоровны жилетки шефа) была тонкая книжка в темно-зеленом ледериновом переплете, однажды обнаруженная Антоном на полке небогатой домашней библиотеки друга: «Д. Д. Спешнев. Образование влагилица из сигмовидной кишки». На титульном листе ее еще можно было различить сильно вылинявшую дарственную надпись: «Анечке, моему милому котенку, от автора».

Хорошенькая Анна Прохоровна (голубоглазая шатенка с губками сердечком) через несколько лет вышла замуж за овдовевшего майора медицинской службы, родила ему двоих детей и со временем переехала с ними в новую квартиру на Соколе, оставив старшему сыну жилье на Большой Серпуховской.

Как ни крути, выходило, что детство Диомида отнюдь не было безоблачным, а любовное приключение с циркачкой обернулось страданием... Именно из-за этой несчастливой любви Диомид в последнее время скатился к тройкам, лишившись стипендии, перестал посещать занятия Научно-Студенческого Общества и в отсутствие Антона у него все чаще стали собираться институтские пьянчужки.

— Что можно почерпнуть от них, кроме мата и хмельной болтовни? Ведь они кучкуются здесь лишь потому, что негде выпить! — наутро укорял его Антон, отпаивая «Жигулевским» пивом.

— Она сломала мне жизнь... — угрюмо повторял Диомид, сникая головой. — Эта сучка не выходит у меня из головы...

— Можно ли так раскисать из-за женщины?! — горячился Антон. — Твои переживания оттого, что перестал жить духовной жизнью! Послушай, что пишет об этом Шопенгауэр. — Чигирь раскрыл коленкоровую тетрадь с записями. — «Духовная жизнь ограждает нас не только от скуки, но и от ее пагубных последствий. Она спасает от дурного общества и от тех многих опасностей, несчастий, потерь, растрат, какие постигают всякого, ищущего свое счастье во внешнем мире... Средний человек вынужден искать жизненных наслаждений «вне себя»: в имуществе, чине, жене, детях, друзьях, в обществе и т.п., и на них воздвигать свое счастье; поэтому счастье рушится, если он их теряет или в них обманывается»... Опомнись, возьми себя в руки, ты же наследник великой медицинской династии! Вернись в НСО, напиши новую статью в студенческий сборник... Будь, наконец, мужчиной!

— Тебе хорошо рассуждать, — вдруг недобро сузил свои желтоватые глаза Диомид. — У тебя талант, твои рассказы печатают... Все вы, провинциалы, живучие, как... — он не нашел нужного слова и сделал неопределенный жест вялой кистью. — Считаешь себя мужчиной, а со Светкой поступил подло.

Мог ли предположить Антон в то солнечное июньское утро 1977 года, когда дымок от сигарет волнисто струился к вылинявшему шелковому абажуру над круглым столом, а залетевшая в открытую форточку оса упрямо возвращалась на толсто нарезанную вареную колбасу по два двадцать, что случайная цитата из Шопенгауэра окажется пророческой, и они с другом со временем окажутся на таких разных берегах житейского моря?

Выкуп

— Духи от Гуччи, — старательно читала Оксана по списку, — пятьсот долларов, чек прилагается...

— Опять духи? — не выдержал Спешнев. — У тебя от них уже ломятся все полки!

— Папик, ты ничего не понимаешь, — надула губки жена, — это совсем новая технологическая линия! Обалденный запах, к тому же с добавлением феромонов...

— А это еще что?

— А это... чтобы ты меня всегда хотел...

— Маленькая проказница... — умилился Диомид Диомидович.

В это субботнее утро, как обычно, расположившись с женой в мягких креслах гостиной, Спешнев принимал отчет о ее тратах за прошедшую неделю.

— Обслуживание Герды, — продолжила Оксана. — Две тысячи рублей. Как всегда — массаж, мытье, сушка, стрижка, обработка ногтей... Сюда же входит специальный шампунь за сто пятьдесят рублей и духи с ароматом вишни...

Она не успела закончить, как на журнальном столике зазвонил телефон, высветив номер бывшей жены Диомиди Диомидовича Татьяны.

— Знаю, что некстати, но ты уж потерпи, — проговорила она со скрытой издевкой.

— Потерплю, только оставь эти экивоки.

Она кратко усмехнулась и добавила после паузы:

— В общем, как теперь любят выражаться, у меня для тебя две новости...

— Начни с хорошей, — упредил ее Диомид Диомидович.

— Я не собираюсь просить у тебя денег. По-моему, для тебя это самая лучшая новость.

Оксана, догадавшись, с кем разговаривает муж, резко снялась со своего места и размашисто вышла, преувеличенно вихляя бедрами. Женщины никогда не общались, но при этом умудрялись сохранять явно неприязненное отношение друг к другу. И если чувства Татьяны к разлучнице можно было понять, враждебность Оксаны к предшественнице имела, видимо, фрейдистские корни.

— Это, действительно, хорошая новость, — жестко парировал Спешнев. — Едва я стал состоятельным человеком, на меня набросились любители чужих денег. Близкие родственники, дальние родственники, приятели и просто знакомые из *прошлой жизни*... Да еще маклеры, дилеры, брокеры...

— Бедненький... — иронично посочувствовала Татьяна.

Уходя из семьи, Диомид Диомидович оставил жене и сыну трехкомнатную квартиру на Филях, «жигули»-трехлетку и скромную дачку на болотистых шести сотках в Туголесском бору, полученных Татьяной в советские времена от родного Гидрометцентра. Жена и сейчас работала там в должности старшего научного сотрудника, получала более чем скромную зарплату «бюджетника», но — к ее чести — никогда не обременяла Спешнева финансовыми просьбами.

— Вторая новость плохая, — продолжила Татьяна. — Твой сын после разгона митинга на Октябрьской площади доставлен в отделение милиции и ждет суда.

— Мой сын сам выбрал этот путь.

— Так что — пусть сидит в «обезьяннике» с туберкулезными бомжами?

— Что я должен сделать?

— Тебя нужно учить? Поезжай и *договорись*, с кем нужно!

Спустя полчаса он уже мчался в Москву за рулем «лексуса», испытывая после разговора с женой ностальгию по молодости, так стремительно промелькнувшей и оставившей после себя гнетущее чувство обманутости... Кажется, это было совсем не-

давно: совместный новогодний вечер студентов-медиков и университетских будущих географов в актовом зале МГУ, веселая суতোлка танцев в фойе после концерта, запах хвои от огромной елки, конфетти и серпантин в воздухе, возбужденные юные взгляды... Она стояла у толстой колонны, и оттого казалась еще миниатюрнее в своем узком изумрудном платье с разрезом и кокетливом декольте, чуть приоткрывающем округлый мрамор беззащитного плечика. Смоляные волосы, отблескивающие крупными завитками, незабудковой голубизны глаза, молочная свежесть хорошенького, чуть подрумяненного лица — все это отпечаталось в сознании Диомида мгновенно и отозвалось всполошенным волнением влюбленности с первого взгляда... А после — каток в Лужниках, морозная праздничность льющейся сверху музыки, спокойная доверчивость ее озявшей ладошки; весенние прогулки под цветущими яблонями на Воробьевых горах и привкус губной помады после изнуряющих поцелуев... Свою девственность Татьяна защищала стойчески, между ними несколько раз вспыхивали ссоры, а однажды исступленные объятия на зеленой кушетке в «блоке 1608» общежития, где она проживала, обернулись для Диомида кровотечением из носа... В конце концов любимая сдалась, — за два месяца до «распределения» в родную Караганду...

Вскоре они поженились, Татьяна осталась в Москве, прописавшись у мужа на Большой Серпуховской, а Чигирю пришлось от Спешнева съехать. Он снял угол неподалеку, на Мытной; летом, после окончания мединститута, навестил своих родителей в Смоленске, а после уехал на два месяца на Азовское море за писательскими впечатлениями. Осенью он уже был зачислен на Высшие Литературные Курсы и получил комнату в общежитии Литинститута на улице Руставели...

Отделение милиции располагалось в тяжеловесном сером жилом доме сталинской постройки, на уклоне между Октябрьской площадью с монументальным памятником Ленину и пло-

ской, рассеченной липовыми аллеями территорией новой Третьяковки, остекленный кубический массив которой радужно отблескивал на солнце.

Диомид Диомидович был принят в обшарпанной казенной комнате с портретом Дзержинского на стене («Загадочная русская душа», — не без иронии отметил Спешнев: ведь совсем неподалеку, в траве у выставочного павильона галереи валялся снятый с площади на Лубянке знаменитый памятник «железному Феликсу», и на нем играли дети). Рыжий, обильно потеющий капитан милиции представился Николаем Трофимовичем Хуторковым; форменный китель лоснился и морщил на его располневшей молодой фигуре, а припухшие серые глаза имели осторожно-недоверчивое выражение.

— Положение серьезное, Диомид Диомидович, — сочувственно приговаривал он, перебирая толстыми неуклюжими пальцами синеватые листки протокола, лежащие перед ним на столе. — Несанкционированный митинг прямо, можно сказать, у стен МВД... А это статья сто девяносто, пункт три: «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок»... Тут уж как решит суд, может потянуть и на лишение свободы на срок до трех лет... Да плюс еще сто девяностая-прим, «Оскорбление работника милиции»...

— Зачем же доводить до суда, Николай Трофимович... — Спешнев попытался перехватить ускользающий взгляд Хуторкова. — Парень уже все осознал... Я же со своей стороны...

— Не понимаю таких парней. — Капитан забарабанил пальцами по столешнице. — С жиру бесятся... Сам закон нарушил и вас подвел, уважаемого человека...

— Я со своей стороны... — Спешнев выразительно посмотрел на Хуторкова.

Тот беспомощно развел руками:

— Обратного хода нет, документ уже составлен... При всем моем почтении...

— Как говаривала моя покойная бабушка... «Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся». — Диомид Диомидович выложил на край стола плотный желтый конверт.

На лице служителя правопорядка отразился неподдельный испуг:

— Уберите, уберите! — прошипел он, округлив глаза.

«Вот черт, возможно, у них тут все прослеживается», — с досадой подумал Спешнев, убирая деньги в карман.

— Фу-у-у... — с облегчением выдохнул капитан, расстегивая ворот форменной рубахи. — Проклятая духота... С утра печет... надо выйти перекурить, на лестнице оно прохладней... — Он встал на ноги и кивнул, приглашая Спешнева следовать за ним.

По пыльным ступеням черного хода они поднялись вверх на два марша, и тут, подрагивающими руками прикурив сигарету возле усыпанного пеплом и табачными крошками подоконника, на котором стояла керамическая пепельница, Хуторков неуверенно предположил:

— Разве что перевести на административное нарушение...

— Вот именно! — ободрился Диомид Диомидович. — И прямо сейчас выпустить...

— Под подписку, — добавил капитан.

Принимая взятку, он пугливо оглядывался по сторонам и приказал Спешневу предварительно освободить конверт и оставить его у себя. Решение это явилось для Диомиды Диомидовича загадкой; видимо, оно как-то связано было с отпечатками пальцев.

Сына вывел к нему хмурый пожилой сержант; Спешнев хотел было приобнять Олега, но тот резко отстранился, метнув на родителя недобрый испепеляющий взгляд.

— Как ты мог, отец! — в отчаянии выкрикнул он, когда Диомид Диомидович вырливал на Крымский Вал. — Как я буду теперь смотреть в глаза соратникам, которые... которые в неволе... Ну кто тебя просил вмешиваться?

— Твоя мать.

— А ты-то... — задохнулся Олег. — Неужели не понимаешь... Или ты там... со своими элитарными психами... ресторанными тусовками и биржевыми играми... — Он криво усмехнулся. — Совсем утратил чувство реальной жизни?

— Как ты разговариваешь с отцом, мальчишка?! — возмутился Спешнев, останавливая автомобиль. — Можешь возвращаться в свой обезьянник, если не способен найти более достойного места!

Олег молча выпрыгнул из машины, резко хлопнув дверью.

«Неблагодарная свинья, — с тоской подумал Диомид Диомидович. — А впрочем... Яблоко от яблони...»

Этот тон снисходительной насмешки, почти издевки в отношении родителя сын, безусловно перенял от матери. У Татьяны он появился как-то незаметно, начался с безобидных, вроде бы, подковырок («Вы даже не представляете, какой Спешнев зануда! — весело сообщала она гостям, собравшимся через год после свадьбы за столом на Большой Серпуховской. — Видели бы вы, как он по вечерам составляет список наших дневных трат! А еще у него есть такой ма-а-а-ленький кошелечек для мелочи!). В новой кооперативной квартире на Филях домашние скандалы приобрели регулярный характер, поскольку жена пребывала уже в твердом убеждении, что «ее Димон» *все делает не так...*

Со временем, осмысливая их супружество с позиций психоанализа, Диомид Диомидович пришел к неутешительному выводу: постоянная раздраженность Татьяны мужем — ничто иное как скрытая, сублимированная в подсознании месть за несостоявшееся женское счастье. Грубо говоря, она приняла искреннюю любовь «своего Димона» как неизбежность, чтобы не оказаться в Караганде...

«Любимая, меня вы не любили»... — с горечью констатировал Спешнев, вливаясь в городской автомобильный поток.

К тому моменту, как появилась Оксана, сошла на нет даже интимная близость с женой. В юную смуглянку Диомид Диомидович влюбился все с тем же юношеским пылом, что и в Татьяну, тогда как его благоразумные приятели-бизнесмены, бросаая опустылевших старых жен, выбирали новых с расчетливой осмотрительностью покупателей породистых лошадей и нередко обращались даже за услугами к всероссийскому своднику, собирателю и воспитателю «лохматого золота» (как он называл своих прибыльных невест) Мише Фельдману.

«А не пора ли нам с Оксаной завести бэби?» — неожиданно подумал Диомид Диомидович, проезжая через Строгино в сторону Новой Риги.

Покаяния и откровения

Первое пробуждение Антона Петровича Чигирия, которое обыкновенно случалось на грани ночи и утра, обычно несло в себе мрачное осознание неудавшейся жизни: Россия катастрофически деградирует в сторону пошлой, приобретательской суеты, и мучительные попытки писателя Чигирия быть услышанным, напоминают «голос вопиющего в пустыне»; судьба не наградила его сыном, которому перед уходом из дешевого «театра жизни» можно было бы передать неизданные рукописи; жена Алевтина — при всей своей бытовой надежности и простодушной доброте — так и не стала его Галатеей, природный самородок поморской ее души не удалось ограничить резцом столичной культуры; Ната, единственный духовно близкий ему человек, похоже, начинает угасать... Невольно приходили мысли о неизбежной собственной смерти, и Антон Петрович, рисуя в воображении скудный спектакль своих похорон, никак не мог сделать выбор между кремированием и закапыванием в грунт...

Нынче проснулся он в серых предрассветных сумерках, — с тяжелой головой, похмельной сухостью во рту и гнетущим осознанием глупого пьяного скандала, учиненного накануне в гостеприимном доме Владимира Байды. Стыд за содеянное был осязаем, как зубная боль, и Чигирь глухо застонал, вспугнув дремлющего рядом Прошку.

На крыльцо, в солнечное — до рези в глазах — утро вышел он с решением начать день с извинения перед соседями, и обнаружил, что Байда сам явился к нему — в синем тренировочном костюме и кроссовках — сидит за столиком под возвращенной Чигирем плакучей ивой и, по обыкновению, кашлем прочищает горло после купания, а у ног его белеет груженный пластиковый пакет.

— А я вот... — оправдался он, краснея крупным припухшим лицом, — отвез Дору на электричку, ей анализы сдавать... Дай, думаю, загляну к Петровичу... Вчера какая-то буза вышла, может, я чем обидел...

— Дорогой мой! — оживился Антон Петрович. — Это я... Ты не держи на меня зла... Характер у меня, прямо скажем, дурацкий! Дружу с человеком, собутыльничаю... А потом возьму да в одночасье все изгажу... Вчера мы, похоже, перебрали, надо было «второй экземпляр» оставить на опохмел...

— А у нас есть третий! — просиял Владимир, доставая из пакета бутылку и со стуком водружая на стол.

Толомыш, как всегда, явился на работу к девяти утра (раньше свое шумное дело плотники не начинали, чтобы не будить спящих дачников); Чигирь в этот момент как раз спускался с крыльца, неся на подносе миски с квашеной капустой, грибами и шмат сала. Байда раскладывал на столе свою домашнюю закуску.

— Владимир Фирсович сегодня объявляет вам выходной! — подмигнул он напарнику Чигиря. И когда те расселись на лавках, бодро провозгласил: — За Бог с нами, за хрен с ними! Будем толстенькими!

— За братство народов, братство литератур! — несколько минут спустя шутливо провозгласил Антон Петрович популярный прежде лозунг, чокаясь с киргизом. — Я, брат, с самим Чингизом Айтматовым водку пил...

— Чингиз... мы его уважаем, — осторожно отозвался Толмыш.

— И вот, пьем мы с ним пьем, а он и говорит: «Антон, ты настоящий русский человек. Русский человек в пьянстве спор, упорен и сварлив»...

— Это про нас! Прямо в точку! — гоготнул Байда. — Как же хорошо, что Дора вернется только завтра... — размягченно добавил он.

Мужское застолье, не скованное женским надзором, протекало в хмельном благодушии; водка убывала неправдоподобно быстро, и в конце концов Толмышу пришлось на велосипеде Чигиря ехать в магазин к Тайне Степановне.

— Лети с приветом, вернись с ответом! — шутливо напутствовал его Антон Петрович. — И возвращайся побыстрее, на раз-два!

— Разым-двазым, — понятно отозвался Толмыш. — Трызым-мрызым!

— Ты... насчет Айтматова... — застенчиво поинтересовался Байда. — В самом деле пил с ним?

— Это я присочинил, — признался Чигирь. — Для утепления русско-киргизского сотрудничества.

— А я поверил... — разоткровенничался Байда. — Я ведь привык верить... И знаешь, Петрович, почему? Потому что почти всю сознательную жизнь был человеком в погонах: верил своим командирам, верил вождям, верил в победу коммунизма... Верил даже этому... некоммунисту Зюзину... пока не узнал, что кормится от олигархов и имеет недвижимость на Кипре...

Вернулся проворный Толмыш с новой бутылкой, которую и начали разливать.

— Тебе хорошо, Петрович, — гнул свое Владимир, поникая бритой, в мелком бисере пота, головой, — веришь в Бога... А я воспитан в атеизме... еще с суворовского... И вот чувствую... без веры... превращаюсь в неразборчивую и циничную свинью...

— Свинья это плохо, — неожиданно вступился захмелевший Толмыш. — Барашек это хорошо.

И тут — к полному недоумению собутыльников — по бронзовым щекам киргиза покатались слезы.

— Толик... ты что это, брат? — растерялся Чигирь.

— Скучно, Петрович, — отозвался тот, утираясь натруженной ладонью. — По своим барашкам скучаю, по жене Айнур скучаю, по детям... Их у меня четыре... четыре штуки...

— Ничего, потерпи! — ободрил его Байда. — Осенью вернешься на свой Иссык-Куль с гостинцами и целым мешком денег.

— У нас там... после революции... совсем плохо, — понурился Толмыш, нетрезво покачиваясь. — Одни черную икру жрут, а другим остается только землю есть...

Откинувшись на спинку скамьи, он неожиданно затянул пронзительную, гортанную песню, прикрыв глаза и мотая головой.

— О чем это, Толик? — поинтересовался Байда, когда Толмыш смолк.

— О жизни, — отозвался тот. — Юрта не протекает, барашки пасутся на зеленой траве, кобылица дает кумыс, жена брюхата... Все хорошо...

— Вот! Вот она, сермяжная правда! — воспрянул Владимир Байда. — Народ — единственное, во что можно верить! Не мешайте народу строить свои жилища, пасти скот и растить детей! Долой вождей, долой политиков, долой командиров! Ах, дорогой ты мой... — И он перегнулся через стол, чтобы поцеловать азиата.

Чигирь сидел, переполненный неясной и горькой любовью к этим двум, посланным судьбой, случайным попутчикам по жизни, каждый из которых, подобно ему, нес в себе неизбежную человеческую тоску и наивное беспокойство разума.

Визит супругов

Свой визит к доктору Спешневу главная московская меховщица предварила присланным на адрес «Олимпиа» красочным буклетом с приглашением на два лица посетить «самую представительную за последние годы экспозицию мехов», в Деловом Центре столицы, а также своим личным посланием: «Дорогой Диомид Диомидович! Будем рады видеть Вас с Вашей очаровательной супругой на нашей выставке. Как ВИП-персона и почетный гость Вы пользуетесь привилегией бесплатного обслуживания в ресторане и 30% скидкой на приобретаемые изделия. Ждем! С уважением — генеральный директор АО «Белочка» Ангелина К. Бондарь».

Выставку Диомид Диомидович проигнорировал из соображений экономии (поставив главной целью переезд в «Город Солнца» он стал особенно сдержан в тратах и решил не допускать азартную на покупки Оксану к меховому шопингу), а также, зная нравы московского бомонда, безошибочно определил, что за любезным посланием Ангелины кроется какой-то меркантильный интерес.

Так оно и вышло.

На прием к доктору бизнесвумен явилась, подталкивая впереди себя молодого мужа, и внесла в кабинет Спешнева такую густую дурманную волну парфюмерных запахов, что он вынужден был включить настольный вентилятор. Бывший стриптизер Маугли в своем просторном светлом костюме, надетом на тонкую маечку,

выглядел удрученным. Его обильная телесами супруга, подражая известной эстрадной диве, была облачена в черную просторную хламиду, обнажающую перезрелые колени, высокие белые сапоги и надетую поверх кудрявого рыжего парика серебристую шляпу, похожую на цилиндр. От нее исходила столь мощная эманация деятельного возбуждения, что даже сквозь слой пудры угадывалось пылание щек, в руках же Бондарь так цепко удерживала кожаную сумочку, что у Диомида Диомидовича невольно проскользнула озорная мысль: «Эта своего не упустит...»

— У нас проблема, доктор! — напористо начала она, усаживаясь в глубокое кресло, отчего ее кроткие ножки повисли над полом. — Интимного характера, — уточнила она, часто моргая наклеенными ресницами. — Скажи сам, Виля, — обернулась она к мужу, расположившемуся за журнальным столиком.

— Да что говорить... — угрюмо прогудел тот.

— Как это «что»? — повысила голос Бондарь. — Как до этого жили душа в душу, а теперь у тебя не выходит!

— Сколько времени вы в браке, Ангелина Кузьминична? — поинтересовался Спешнев.

— Да почитай год с небольшим.

— Один год, три месяца и шестнадцать дней, — уточнил Вилен.

— И как часто бывали у вас сексуальные контакты?

— Поначалу и два... и три раза в день... — с ностальгической грустью припомнила Бондарь. — А теперь... вообще... — на глаза ее навернулись слезы. — Уж что только я ни делала... Подруга подсказала накормить его этими... как их... И мед, и орехи, и сельдерей...

— Вы не могли бы оставить нас наедине, Ангелина Кузьминична? — предложил Спешнев. — Посидите в приемной, Карина угостит вас чаем.

Когда она вышла, Диомид Диомидович перенес внимание на супруга, который — со своим четким медальным профилем,

льняными завитыми волосами до плеч и торсом Геракла, — конечно же, являл собой редчайший образец порочно-красивого, brutального самца. «Ну что, дружок, допрыгался?» — не без издевки подумал он, вспомнив, как Маугли танцевал с Оксандрой на том злополучном «Московском форуме роскоши», после которого Спешнев лишил жену недельной дотации и несколько дней с ней не разговаривал. Однако, в следующую минуту доктор погасил в себе темный эмоциональный всплеск: если в сфере бизнеса он играл по его волчьим законам и был готов ради денег преступить мораль, то в своем профессиональном деле следовал клятве Гиппократова, тем более, что врачевать ему приходилось не только тела, но и души.

— Скажите, Вилен... а прежде подобные сбои с вами случались? — мягко поинтересовался он.

— Никогда... — мрачно заверил пациент.

— А утренняя эрекция... Как у вас с этим?

— Да никак.

— А раньше, до женитьбы... Вы сами выбирали себе приглашенную половую партнершу или отдавали инициативу женщине?

— Всякое случалось... — криво усмехнулся Вилен. — Когда оголяешься перед захмелевшими дамочками, у которых полно «бабок» и щель горит... Иногда бывало, только в ее постели и поймешь, какое тесто тебе досталось...

— Может, у вас произошел семейный конфликт, супруга стала хуже к вам относиться?

— С чего бы? — шевельнул понурыми плечами пациент. — Парень я смиренный, ни в чем ей не перечу... На банкетах-фуршетах не перебиваю... По пятницам семейный ужин с танцами в ресторане. По субботам сопровождаю на шопинге... А без меня что было? Два года назад ее бросил муж и ушел к студентке. Одна в громадном пентхаусе. По вечерам либо с котом разговаривать, либо выть на луну. В театр и на тусов-

ки одной ходить неприлично, да и статус не позволяет. Наняла было парнишку из эскорта — не возбудило, потому что без секса... Что делать? В своем окружении спутника жизни не найти, богатые мужики выбирают молодых телок. Работяга и даром не нужен...

— Как лично вы объясняете свое состояние?

— Депрессуха, блин...

— И что же вас гнетет?

— Вся Россия — сплошной бардак.

— Вы хотите сказать, — невольно оживился Спешнев, — что ваше половое бессилие связано с чувством гражданской неудовлетворенности?

— Вроде того, — глухо согласился Маугли. — Лежу с ней в шикарной итальянской кровати... на шелковых простынях, смотрю на рыбок в аквариуме во всю стену и думаю: «Как это вышло, блин, что одним все, а другим ничего? Как умудрились они нахапать столько «бабла»? У нее офигенные счета в банках, собственный ипподром в Балашихе и вилла в Испании, а у меня единственная надежда...И то... как зайдет в голову: а вдруг опять не встанет? И он не встает!

— У нас это называется «интеллектуальная жвачка», — заметил Спешнев. — Навязчивые мысли. От них можно избавиться даже самовнушением...

С двумя чашками кофе на подносе гарцующей походкой вошла безупречная в своей элегантности Карина, затянутая в узкую юбку с разрезом.

От Диомида Диомидовича не ускользнуло, каким мгновенным интересом охотника оживилось сумрачное лицо пациента, а его оценивающий взгляд скользнул по ее ладной фигуре.

«А ведь парень морочит мне голову», — пришел он к окончательному выводу.

— Вот что я могу вам сказать, молодой человек, — про-

говорил Спешнев, прикладываясь к чашке. — Никакой депрессии у вас нет и в помине.

Маугли поперхнулся кофе и, прокашлявшись, торопливо допил его.

— У вас четкое и ясное мышление, нисколько не заторможенная речь... — Диомид Диомидович встал из-за стола, подошел к пациенту и, склонившись над ним, доверительным полупшепотом произнес: — А теперь давайте начистоту, как мужчина мужчине... Я вас пойму, поверьте, не вы первый... Что, *осточертела?*

— Во! — резанул себя ребром ладони по горлу Маугли. — Полный абзац! Кажется, еще немного, и я ее... ее... — Неожиданно он бухнулся перед Спешневым на колени и горячо заговорил, удавливая голос, чтобы не услышали в приемной: — Доктор, спасайте... У нас же контракт на полтора года, осталось продержаться два месяца и четырнадцать дней... А я на пределе... Один запах ее тела... никакой дезодорант не помогает... Раздевается на пляже... а кругом молодые загорелые телки... И каждый день свое собственное мнение сливаю в унитаз... Я сумел кое-что накопить... На тусовках обзавелся нужными людьми... Хочу открыть собственное дело, но если с ней плохо расстанусь — перекроет кислород! У меня был единственный выход — прикинуться ветошью... Положите меня на месячишко в вашу клинику, надо малость отдышаться... Она все оплатит! А потом уж... оставшийся срок... как-нибудь *отстою*...

Спешнев поднял бедолагу с колен, и в этот момент нетерпеливая меховщица обозначилась в приоткрытой двери.

— Вам, Вилен, придется лечь к нам в стационар, — проговорил Диомид Диомидович.

— Доктор, все так серьезно? — округлила глаза Ангелина, проشمыгивая в кабинет без приглашения.

— Серьезно, но поправимо, — обнадежил Спешнев.

— Виля, оставь нас, — приказала меховщица, и супруг по-

корно вышел в приемную. — Доктор, в чем причина? — недоуменно подняла круглые плечи Бондарь. — В бизнесе его не использую, кормлю как на убой...

— Мы живем в сложной среде обитания, Ангелина Кузьминична, — пояснил Диомид Диомидович. — Избыток информации, плохая экология, частые стрессы...

— Да какие у него стрессы, с утра до вечера валяется перед телевизором!

— Душа — очень тонкая субстанция... — начал было доктор.

— А может, у него появилась девка? — перебила Бондарь. — Молодежь нынче... Мы были совсем другие... Кто их поймет... Вокруг нас с Вилей давно уже ходят разные сплетни... Да и вокруг вашей супружеской пары... Для людей нет большего удовольствия, чем покопаться в чужом белье...

Дуня Пересвет

Подняв облачко пыли, вороненый джип «чероки» остановился на дачной улице, и в калитку Чигиря впорхнула игривой походкой озорной девчонки пятидесятилетняя писательница Евдокия Соболенок в клетчатой мини-юбке и белых гольфах, за которой враскачку поспешал на коротких ножках раскормленный пятнистый мопс.

— Антон Петрович, — звонко проговорила она, покручивая короткую светлую косичку, — ничего, что я с Цезарем?

— Мы с Прохором всякому гостю рады, Евдокия Пантелеевна, — приветливо отозвался Чигирь, который колот возле бани дрова.

Прошка же на визит пса отозвался угрожающим мяуканьем, слетел с крыльца, вздыбив шерсть, и взмыл на верхушку ближайшей березы.

Цезарь проследил за ним с туповатым недоумением, проковылял к укрытому кота дереву и лениво окропил ствол надежной желтоватой струей.

— Ах, бесстыдник! — весело пожурела его Евдокия. — Никогда больше не возьму тебя на телестудию!

Свои любовные женские романы («Стрела Амура в сердце», «Мафия любви», «Кровавый коктейль страстей») Соболенок творила под псевдонимом Дуня Пересвет, а еще вела на телевидении ток-шоу «Читая чужие письма» («Читать чужие письма немножко стыдно, но жутко интересно» — был девиз передачи); для «утепления» образа ведущей она всякий раз появлялась перед зрителями с Цезарем на коленях.

— Антон Петрович, — заговорщически проговорила Евдокия, округлив глаза, — у меня возникла безумно интересная идея... На днях явятся телевизионщики готовить передачу о моем творчестве... Ну, знаете, как это делается... Интервью на фоне камина и все такое... Хочу к их приезду водрузить на крышу своего дома крылатого Пегаса!

— Прямо живьем? — усмехнулся Чигирь.

— Противный, противный! — притворно обиделась Соболенок. — Вечно вы насмешничаете! Скульптуру, разумеется! Ее вырезал из дерева наш местный умелец Тверянкин. Вы можете... водрузить?

Тверянкин прежде был комсомольским поэтом, воспевавшим подвиг молодежи, а теперь тихо спивался, проживая в самом убогом щитовом домике дачного поселка; целыми днями бродил он по окрестным лесам, собирая корешки и сучья, из которых вырезал причудливые изделия и продавал на пристанционном базарчике в Новом Иерусалиме.

— У вас же там работают хохлы...

— Что вы, что вы! — слукавила Соболенок. — Они безумно боятся высоты!

— А супруг ваш... Викентий Глебович?

— Это Семибратов-то? — пренебрежительно дернула плечиком Евдокия. — Да он гвоздя забить не может! Погружен в Ренессанс по самую макушку, монографию пишет о художниках... Вик на крыше — этого даже представить себе невозможно!

— Несколько минут спустя Антон Петрович уже сидел в пахнущем французскими духами салоне джипа, и Соболенок везла его на край поселка к своему дому, имея, как и большинство женщин за рулем, несколько надменное выражение лица.

Хохлы, о которых упомянул Антон Петрович, уже сняли старый обветшавший забор вокруг усадьбы Евдокии и теперь выкладывали кирпичные тумбы для нового. Их было двое — коренастый пятидесятилетний «мастер на все руки» Иван Тарасович Прийма с заметным животиком и степенным достоинством в движениях и его тощий, сутулый напарник Петро в запорожских усах скобкой и с угольной чернотой затравленного взгляда. Когда Чигирь и Соболенок вышли из автомобиля, строители скандально выясняли отношения и имели вид двух петухов, готовых вцепиться друг в друга.

— Чего ты всё командуешь та командуешь? — возмущался Петро, бросая рукоятки тачки, так что из нее выплеснулся цементный раствор. — Спасу нема от тебе!

— Того, шо я над тобою бригадир, а ты разнорабочий! — парировал Иван.

Довод этот подействовал неукоснительно, и Петро покорно впрягся в работу.

Прийма был известной фигурой в дачном поселке. Каждый год он привозил из Закарпатья бригаду строителей, состоящую, преимущественно, из родственников, и каждый раз, отработав сезон, они от него разбегались, не выдержав спесивого и вздорного характера склонного к бонапартизму Ивана. Теперь вот остался один лишь шурин Петро, которому нужно было зарабо-

тать на вставные зубы и лечение от кашля, приобретенного на химическом предприятии.

Изделие народного умельца Тверянкина, выкрашенное морилкой, стояло под навесом открытой веранды на пластиковом столике и напомнило Антону Петровичу троянского коня из иллюстрации к «Илиаде», к которому приделали крылья. Грузный Пегас плотно утверждался на четырех копытах и не выявлял своим статичным равнодушием никакой предрасположенности к полету. Вокруг него прохаживался, тиская в кулаке бороду и сокрушенно качая головой, искусствовед Викентий Глебович Семибратов в белой панамке и стеганом халате на рыхлой бабьей фигуре.

— А тебя никто не спрашивает! — энергично упредила критические замечания мужа Евдокия.

— А я ничего и не говорю, — вяло отозвался искусствовед. — Только сомневаюсь, что такое животное ударом копыта могло выбить на Геликоне источник вдохновения...

— Источник вдохновения — во мне! — парировала Соболенок.

Муж безнадежно махнул рукой и направился к беседке, где разложены были его рукописи.

— Ему ли судить о вдохновении, — пожаловалась Евдокия Чигирю. — Не прочел ни одного моего романа.

С Пегасом промучились почти полдня. С помощью хохлов (к тому же у них был прекрасный набор инструментов) Антон Петрович изготовил специальную платформу, к которой привинтил конечности крылатого коня. Затем, выбравшись на крышу через окно мансарды, втащил туда и скульптуру, привязанную помощниками к веревке.

К вечеру все было закончено, и Соболенок, любуясь с земли выполненной работой, ликовала:

— Замечательно! То, что нужно! Придут телевизионщики... Это будет потрясающий пиар!

На радостях, помимо весьма щедрой оплаты, писательница выделила работникам бутылку водки.

Распивали ее на краю участка в бытовке, где проживали хохлы.

— Антон Петрович, — поинтересовался захмелевший Иван. — А правду говорят, что ты медицинский закончил?

— Так и есть.

— А что же ты, извиняюсь, на пропитание топором да молотком зарабатываешь?

Чигирь помолчал, обдумывая ответ.

— Во-первых, много лет отдал литературе и потерял квалификацию врача. Во-вторых, для современной медицины, где правят деньги, я безнадежно устарел... А теперь устарел и для литературы, где тоже правят деньги.

Хохлы сочувственно вздохнули.

— А ты пиши, как они! — горячо посоветовал Иван. — Как этот... Дуня Пересвет! Сидит в беседочке, да перышком поскрипывает... Это ж легче, чем топором махать! Тут почитал его книжку... да ничего особенного... объятия — поцелульки, ревность да разводы... Такое и я мог бы наковырять...

— Зря ты на него бочку катишь, — рассудительно проговорил Петро. — Что бы он там ни писал, а сам по себе Дуня Пересвет мужик неплохой... Тихий, уважительный, ни во что не вступает... А вот баба его, Евдокия эта самая, что с телевизором связана — эта в любую щель без мыла влезет!

Интимное

Важные благодарственные стоны жены перетекли в пронзительный неуправляемый вскрик и оборвались. Спешнев, отодвинувшись на край кровати, лежал на спине, тревожно прислушива-

ясь к торопливому, рваному ритму сердца. Оксана, постепенно придя в себя после изнурительного телесного сближения, повернулась к мужу, привычно закинув легкую смуглую ногу на его бедро.

— Киска съела сало и сказала «мало»... — игриво проговорила она.

— Пусть киска потерпит до утра, — сквозь зевоту проговорил Спешнев.

— Папик, не спи... — сморщила носик Оксана. — Киска не любит сала по утрам...

— У меня был трудный день, малышка...

— Бедный папик... — посочувствовала жена. — Совсем замучили его богатые импотенты, наркоманы и алкоголики... Хорошо, киска постарается уснуть...

Оксана повернулась к мужу спиной, укладываясь поудобнее.

От Спешнева же сон внезапно отлетел. Не так уж давно, в начале лета, вот здесь, на дорогом супружеском ложе, произошло желанное сексуальное пробуждение жены, от которого Диомид Диомидович возликовал. Вслед за этим наступил «медовый месяц» их плотской гармонии, но вскоре Спешнев понял, что несмотря на современные фармакологические ухищрения, не всегда поспевает за желанием вошедшей во вкус Оксаны...

Заботливо укрыв одеялом оголившееся тонкое плечо заснувшей жены Спешнев накинул халат и перешел в гостиную. Тут он достал из бара початую бутылку коньяка, устроился под оранжевым торшером в мягком кожаном кресле у журнального столика, отхлебнул терпкой маслянистой жидкости из хрустального стакана и раскурил сигару. В такие минуты ночного уединения, под влиянием выпитого, с Диомида Диомидовича словно бы сползали дневные ложные самозащитные покровы, и он в хмельной просветленности мог объективно и жестко, как бы глядя на себя со стороны, оценивать «промежуточные итоги» своей быстротекущей жизни.

На сегодняшний день бесспорным утешением было главное: благодаря процветанию «Олимпа» («дикий российский капитализм» в избытке поставлял лечебному центру элитных пациентов) и удачным биржевым операциям с акциями капитал Спешнева прирастал, и возжеленное переселение в «Город Солнца» из мечты все больше приближался к реальности. Однако, нынешнее материальное преуспевание Диомида Диомидовича достигалось ценой нервных стрессов и постоянного, затаенного страха разорения... Как специалист он прекрасно понимал, что подобные состояния ведут к снижению в организме мужского гормона тестостерона, ответственного за половое влечение, а это в конечном счете может обрушить его нынешний семейный уклад...

«Выход один, — подвел он итог своим размышлениям. — Рожать, и как можно скорее».

Утром проснулся он от веселой возни рядом на постели и ласкового, прилежного голоска Оксаны:

— Сейчас мама причешет свою Гердочку... А после завяжет ей красивый бантик... Девочкам полагается розовая ленточка... Ты любишь свою мамочку? Ах, ты, моя малютка...

— Не пора ли мамочке обзавестись настоящей малюткой? — полушутя заметил Диомид Диомидович, сладко потягиваясь.

— Нет, папик, — отозвалась жена, целуя собачонку в нос. — Мама на это не согласна, верно, Гердочка? Если мамочка забеременеет, у нее испортится фигура... Грудь обвиснет, на животе могут появиться эти ужасные растяжки... А еще, не дай бог, лицо покроется пигментными пятнами... Папик посмотрит на все это, да и выгонит нас с Гердочкой из дома, а себе возьмет молодую телку... Так все богатые дяденьки поступают...

— Глупенькая, я же люблю тебя, — улыбнулся Спешнев.

— Мы тоже любим тебя, папик, — отозвалась Оксана. — А потому не хотим потерять.

«Пиршество на погосте»

Перед вечером, когда спал дневной зной, Чигирь по обыкновению поливал свои грядки и услышал, как за забором, у соседнего участка, остановился автомобиль. Вскоре явился потный, возбужденный Владимир Байда с какой-то брошюрой в руках.

— Петрович, это надо же... — сбивчиво заговорил он, усаживаясь за стол под плакучей ивой и перелистывая книжку. — Не зря... это самое... говорят, нет пророка в своем отечестве...

Антон Петрович поставил лейку возле бочки с водой и сел напротив взволнованного гостя.

— Ты написал свой роман десять лет назад, и никто его не напечатал! — воскликнул Байда. — Рецензенты долбали тебя за очернительство демократии, как же, изображенные тобой «новые русские» во главе с президентом России накрыли пиршественный стол прямо на Новодевичьем кладбище! А теперь до многих дошло, что ты был прав! Вот, послушай, — зачитал он. — «Россия катастрофически вымирает. Впервые за последние десятилетия смертность превысила рождаемость. А всему виной жесточайшие по отношению к собственному народу реформы, разделившие общество на кучку незаконно обогатившихся и подавляющее большинство граждан, живущих за чертой бедности»...

На лице Чигиря отразилось крайнее недоумение, и он готов был уже спросить, откуда соседу известно содержание его романа «Пиршество на погосте», но Владимир опередил его:

— Я не любитель, понимаешь, разных гротесков, но твое сочинение, Петрович, проглотил за одну ночь!

Антон Петрович почувствовал, как под бородой щеки его заливают стыдом: только сейчас он начал смутно припоминать, что в последнее их застолье вот здесь, под плакучей ивой, когда

Толомыш отключился и его отнесли спать на диванчик в предбаннике, — у них с Байдой зашел разговор, о елцинских «младореформаторах». Кажется, Антон Петрович зачитывал что-то из своего произведения, а потом, похоже, даже отдал его соседу для прочтения...

«С пьянством пора завязывать», — покаянно подумал Чигирь.

— Прочитал на одном дыхании, как детектив! — не унимался Владимир.

— «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»... — с усмешкой процитировал Антон Петрович, скрывая авторскую смущенность от похвалы.

— Выражаясь словами товарища Ленина, могу сказать о твоём романе: «Очень своевременная книга!» — заключил Байда. — И наше время, которое ты, Петрович, отразил, — это такой же беспредел, как и падение нравов, указанное в Писании. «Одни принорсят в жертву своих детей, другие — своих жен, в хвале и покорности друг другу, — продолжил он чтение. — Некоторые спят с мужчинами; иные заняты убийством; некоторые совершают множество грехов и беззаконий»... Ты, Петрович, извини... — смущенно проговорил Владимир. — Может, я погорячился... Но не утерпел, передал твою рукопись своим издателям... А вдруг? Чем черт не шутит...

Шопинг для Герды

Во время позднего завтрака Оксана посмотрела на мужа с интригующей улыбкой и спросила:

— Папик, ты не забыл, какой у нас сегодня день?

— Если мне не изменяет память, сегодня суббота, — отшутился Диомид Диомидович.

— А почему этот день особенный?

— Потому что я могу провести его с тобой, малышка.

— Ах, папик, какой ты забывчивый! Сегодня же день рождения нашей Гердочки!

— В самом деле... — припомнил Спешнев. — Двадцать седьмое июля...

— А мы даже не купили ей подарка! — укорила Оксана.

Спустя час Диомид Диомидович уже сидел за рулем своего «лексуса» и вез жену с собачонкой на руках сквозь солнечную зелень зрелого лета в сторону Рублевского шоссе.

Самый фешенебельный московский зоомагазин располагался на окраине элитного поселка Рублевка и назывался «Собачий рай».

Всякий поход с женой за покупками был Диомиду Диомидовичу в тягость, его быстро утомляла магазинная суета, словно бы пронизанная нервным электричеством приобретаательства, и сейчас он вместе с Оксаной, гордо несущей свою модную и породистую любимицу, окунулся в лабиринт витрин и прилавков с одной лишь целью — укротить шопинговый азарт жены.

Ему с трудом удалось отговорить Оксану от траты двух с половиной тысяч долларов на усыпанный бриллиантами ошейник с золотым поводком; ограничились английской красной курточкой для осенних прогулок, альбомом для фотографий Герды и ошейником с серебряными колокольчиками.

На выходе, в вестибюле, Оксана с преувеличенным проявлением радости от встречи присоединилась к группке молодых рублевских жен, с веселым щебетом обменивающихся новостями, Спешнев же вернулся к машине, чтобы спокойно перекурить в комфортабельном салоне.

Диомид Диомидович прекрасно понимал, что чрезмерные хлопоты вокруг домашних кошек и собак неизбежно приводят к их «очеловечиванию», что, в сущности, и произошло с

Гердой. При его легкомысленном попустительстве как мужа и психиатра Оксана уже стоит на грани «зооматеринства», а это своего рода умопомешательство (при котором жизнь собаки становится выше человеческой), уход от действительности в субъективный мир, откуда один шаг до шизофрении. Конечно, этому во многом способствует то, что у Оксаны нет своего дела, за которое бы она отвечала, а также положение молодой жены ВИП-персоны, ведущей «витринную», напоказ — светскую жизнь.

— Ой, папик, чего только не слушаешься от этих рублевских тусовщиц! — проговорила Оксана, легко запрыгивая в машину. — Представляешь, Якубовичи купили для своей пуделихи Дэзи в лондонском универмаге «Харродз» пальто со стразами от Сваровски за тысячу восемьсот долларов и светящиеся сапожки за шестьсот! Розенфельды регулярно возят своего кота в Швейцарию в специальный отель, где Барсику проводят сеансы тайского массажа, ароматотерапию и окунают в грязевые ванны... А Ибрагим Султанов — полный отпад! — собирается послать своего кобеля в Бразилию, где недавно открылся публичный дом для собак под названием «Животная любовь»!

— Что это за женщина... в лиловой шляпе, с которой ты остановилась на выходе из магазина? — поинтересовался Спешнев, трогая с места.

— Странная какая-то, — беспечно отозвалась Оксана. — Лицо тонкое, красивое, но очень уж бледное, а глаза будто прожигают насквозь... Прямо передо мной обронила кошелек, а я возвратила... «Милочка, говорит, а вы знаете, что вы дева Мария»?

— Какая-нибудь наркоманка, — предположил Диомид Диомидович.

— А может медиум... Она даже визитку мне дала. «Сестра Аграпена, Храм Спасения Мира»...

— Выбрось ее подальше. Знаем мы этих магов и волшебников.

— Я так и сделаю, папик.

Просверк надежды

Детская писательница Нина Ивановна Полетаева прикладывала к покрасневшим глазам носовой платок, промокая слезы, и жаловалась Чигирю тонким плаксивым голосом:

— Вы можете себе представить, Антоша, этот мой новый сосед... он владеет московской гостиницы... заявляет... в категорической форме: «Ваш сортир затемняет мне клубнику! Перенесите, а то взорву гранатой»!.. А его отпрыск... этот маленький гаденьш... Стоит мне войти внутрь... начинает обстреливать со своей мансарды из духового пистолета!..

Старушка была в полном расстройстве, и Антон Петрович увел ее к себе на веранду, где принялся отпаивать успокоительным чаем с мелиссой.

— Ну хорошо, — продолжала она уже овладев собой, — Царская Россия была тюрьмой народов, но держалась на вере в Бога и его помазанника... Сталинская Россия была одним большим концлагерем и держалась на страхе и любви к Отцу Народов, а также вере в светлое коммунистическое будущее... Я писала свои книжки о детстве Ленина и совершенно искренне верила в этого чистого кудрявого мальчика, хотела, чтобы все советские дети походили на него... Сама же с юности мечтала стать трактористкой, как Паша Ангелина... А эти... нынешние... во что они верят и о чем мечтают? Моя десятилетняя внучка заявляет: «Я не собираюсь готовить щи и мыть посуду! Выйду замуж за олигарха, и у меня будет служанка!»... Недавно тут идут мимо дома три девочки, лет по четырнадцать,

каждая с банкой пива, и одна говорит буквально следующее: «Знаете, девки, когда он мне, блин, признался в любви — мои уши просто охуели!» И это — будущие жены, матери...

— Нина Ивановна, поговорим о более веселых вещах, — отшутился Чигирь, цитируя своего любимого писателя: — «как там насчет холеры в Одессе»?

— Господи, кто теперь читает Бабеля... — вздохнула Полетаева. — А вы молодец, Антоша, что не сдаетесь... Слышу, как в поселке — то тут, то там — стучит ваш топор и думаю: «Русская литература еще жива»...

— Благочестивый муж собирает все свои силы, чтобы противиться непредвиденному, — усмехнулся Антон Петрович. — Так учит Конфуций.

— Вы уж извините, Антоша, что разболталась старуха, — вернулась, наконец, Нина Ивановна к делу. — У меня к вам деликатная просьба: вы не могли бы перенести мой нужник метров на двадцать, подальше от этих бандитов... Понимаю, работа не слишком престижная...

— «Претерпевший же до конца спасется», — отозвался Чигирь, вспомнив Евангелие.

— Спасибо, Антоша! — просияла Полетаева. — Я, признаться, верила, что не откажете вдове.

Домик Полетаевых был самым причудливым строением в поселке, и в прежние годы окрестные дачники ходили к нему, как на экскурсию. Покойный муж писательницы Александр Николаевич Полетаев, не слишком известный московский архитектор, соорудил его по своему проекту, в котором преобладали японские мотивы: две круглые застекленные башенки под выгнутой черепичной крышей напоминали буддийские пагоды и на втором этаже соединялись меж собою открытой галереей; легкие раздвижные перегородки, разделяющие внутренние помещения, были оклеены тонкой матовой бумагой с изящными иероглифами, а с верхней смотровой площадки, огражденной

бамбуковыми занавесями, открывался вид на миниатюрный «сад камней», на краю которого, у изгороди из сетки-рабицы, тулился злополучный нужник, похожий на скворечник.

Оказавшись на участке Полетаевых — со старыми усыхающими яблонями, несколькими неопрятными грядками и запущенными цветниками (у Нины Ивановны уже не хватало сил обихаживать все это, а молодежь приезжала лишь на шашлыки), — Чигирь невольно отметил, что изрядно одряхлевший «японский домик», собранный в скудные на стройматериалы советские времена из подручных материалов — вплоть до деревянной тары — на фоне соседского богатого коттеджа выглядит совсем убого. Что же касается нужника, то он подгнил настолько, что требовал замены.

— Ну что ж, Антоша... раз вы так считаете, если вы советуете... купим новый на базе стройматериалов, у азербайджанцев... — Согласилась писательница. — Надеюсь, дети оплатят.

К обеду, когда Антон Петрович разобрал ветхое сооружение и сложил доски к забору, Полетаева явилась с проржавевшим черпаком на длинной ручке и, краснея, проговорила:

— Вот... остался от Александра Николаевича... У него был даже составлен осенний план, в какой последовательности удобрять содержимым грядки... А нынче, думаю, его можно просто складывать в компостный ларь и пересыпать скошенной газонной травой, что под березой...

От такой перспективы Чигирь пришел в замешательство: чистить выгребную яму было делом ассенизатора, но не плотника! Докуривая сигарету, он уже мысленно готовил вежливую форму отказа, но тут в кармане его спецовки зазвонил мобильный телефон, и возбужденный голос Владимира Байды сообщил:

— Петрович, звоню из Москвы, можешь налить себе сто грамм! Твой роман прочитал редактор Дмитрий Юрьевич и при-

шел в восторг! Сюжет, характеры и все прочее... Порекомендовал печатать и передал «наверх»! Надеюсь, все образуется!

Серебристое сияние счастья вспыхнуло перед глазами Антона Петровича; ему показалось, будто светлый ангел прошеле-стел над ним крылами, пронося по небу благую весть. Истово перекрестившись, Чигирь шагнул навстречу застывшей в неуверенности Нине Ивановне, решительно отбросил окурок и взял из ее рук черпак.

В казино

Вавилонский позвонил ему в конце рабочего дня и бодрым голосом напомнил:

— Мой верный Диомид! Ты не забыл, что сегодня ночь полнолуния? Наше место в «царстве порока»!

В игровом зале «Эдема», куда они вошли ровно в двенадцать (это была одна из примет, в которые истово верил Борис Лазаревич), как и во всяком казино, царил полумрак, а низко висящие над столами лампы освещали только проворные руки крупье да часть зеленого поля, в центре которого метался шарик рулетки. Вавилонский, как всегда в таких случаях, одет был в мешковатый бордовый пиджак, в котором когда-то крупно выиграл, еще не будучи олигархом, Спешнева же он таскал за собой, поскольку — по сухому педантизму природы — Диомид Диомидович никогда не увлекался азартными играми («деньги можно либо заработать, либо украсть», полагал он), а следовательно являлся *новичком*, присутствие которого приносит удачу. Примета была неоднократно апробирована Борисом Лазаревичем и особенно часто срабатывала при игре в покер, когда Вавилонский доверял Спешневу «срывать» колоду карт...

На пути к игровому столу им попался совершенно обалдевший, всклокоченный молодой парень с пачками денег в руках.

— Представляете... — поделился он своим везением. — Первый раз в казино... У меня и было-то всего десять долларов!

— Вся прелесть в непредсказуемости, молодой человек! — похлопал его по плечу Борис Лазаревич. — Однажды я вдрызг проигрался в покер, поставил на бонус буквально последний пятак и огреб семнадцать тысяч, флэш-стрит! С раздачи!

— Спасибо... — пробормотал «везунчик» с блуждающей улыбкой. — Большое спасибо...

Когда подошли к столу, где обыкновенно играл Вавилонский (охрана, как всегда, молчаливо рассредоточилась на некотором удалении), там разгорелся скандал. Раскрасневшийся толстяк в залитой пивом белой рубашке и съехавшем набок галстук-бабочке поставил на десятку, не жалея целой пригоршни фишек. Выпущенный крупье шарик проскакал по рулетке с искристым дробным перестуком и остановился на восьмерке.

— Сукин сын! — взъярился клиент, вскакивая с места. — Скотина! Ты специально запустил его так медленно! Да я тебя...

Двое дюжих молодцов в безупречных черных костюмах тут же возникли возле буяна, вежливо скрутили и повели к выходу.

— По астрологическому прогнозу сегодня моя счастливая цифра девять, — сообщил олигарх Диомиду Диомидовичу, занимая освободившееся место.

Бледный сухощавый крупье в элегантной форменной одежде без единого кармана (верх белый, низ черный) с невозмутимым равнодушием профессионала выполнял свою работу. Сегодня, в полнолуние, был особенно большой наплыв гостей, и в помощники ему был поставлен чипер, иначе именующийся среди игроков «болванчиком». Он помогал крупье собирать и сортировать фишки, к тому же наблюдал за таблицей, чтобы пресекать «пост-ставочников» — мошенников, которые тайком де-

лают ставку после того, как шарик уже упал в «карман». Рядом, на высоком стуле, восседал инспектор — старший за столом, который следил за соблюдением правил.

Девятка выпала Вавилонскому через три раунда.

— Магия чисел! — возликовал олигарх и щедро отсыпал крупье несколько фишек. Тот опустил их в один из ящичков, что стояли за каждым игровым столом (в конце месяца фишки делились между крупье и инспекторами) и объявил новый спин.

Борису Лазаревичу в эту ночь особенно везло: несколько раз он не крупно проиграл, но горка фишек перед ним все прирастала. Побагровевший от возбуждения олигарх пребывал в эйфории азарта, не замечая ничего вокруг. Спешнев же, переминаясь у стола на усталых ногах, ощущал себя подневольным пленником хитроумного вертепа, где не было ни окон, ни часов, — лишь вязкая, отупляющая атмосфера порока, сотканная из полумрака, запаха духов, сигаретного дыма и негромких, отрывочных, словно бы потусторонних, голосов. Наконец-то Вавилонский пресытился игрой (Диомид Диомидович в это время уже боролся со сном) и поднялся из-за стола, дав знак телохранителям, чтобы поменяли фишки на деньги. Он так был доволен выигрышем, что (опять же следуя примете), — к великому облегчению Спешнева — отказался от игры в покер.

Мимо зала с игровыми автоматами, откуда доносился звонкий грохот сыпающихся в жестяные поддоны выигранных монет и бравурная музыка, они проследовали на второй этаж и наконец-то оказались в уютной, подсвеченной зеленым абажуром кабине ресторана, куда затекала откуда-то сверху тихая, баюкающая мелодия, настраивающая на отдых и релаксацию.

— Что ни говори, мой верный Диомид, а такие заведения необходимы! — удовлетворенно рассуждал Борис Лазаревич, снимая свой «удачливый» пиджак и оставаясь в пропотевшей рубашке. — Здесь пробуждается древний инстинкт охотника!

Взять добычу ценой риска! Мужчине иногда просто необходимо постоять «на краю пропасти», чтобы не терять инстинкт самосохранения. В сущности, бизнес — та же рулетка... С той лишь разницей, что в рулетке идет игра по правилам!

Застолье было продолжительным и обильным. В ходе его Диомид Диомидович словно бы обрел «второе дыхание», взбодрившись выпивкой; что же касается Вавилонского, то его, как это нередко бывало в обществе доктора, которому он доверял, — потянуло на откровения.

— Тебе, мой верный Диомид, сегодня гораздо труднее пробиться на самый «верх», чем это было, когда начинали мы, нынешние олигархи... Мы — дети «большого хапка» начала девяностых, когда была угроза возврата коммунистов... Нас вырастила сама власть как «экономическую дубинку»... Помнишь, что заявил в свое время Чубайс? «Мы должны создать класс богатых людей»... — Он усмехнулся. — Откуда мы взяли? Бывшие кооператоры, фарцовщики, инженеры, комсомольские работники... Но нас объединяло одно — все мы были отчаянные авантюристы, не боялись риска, на каждом шагу обходили закон и прибирали к рукам то, что плохо лежит... А после, утвердившись, власть одумалась, испугавшись нашего всемогущества, и объявила нам тайную войну: «кто не с нами, тот против нас»... Сейчас совсем другие времена, и если ты *просто финансовый олигарх*, — ты не застрахован от разорения... Знаешь, сколько в Госдуме миллионеров? Больше двух десятков! Все эти люди пришли в парламент, имея раскрученный бизнес и солидные счета в банке. Зачем? Радеть о благе народа? Ради скромной зарплаты депутата? «Ни боже мой!» — как говорит моя Дина Захарьевна. Они идут нажимать при голосовании те кнопки, которые помогут им приумножить капиталы! Сейчас, чтобы остаться наверху, необходимо вливаться в новую, небывалую структуру, именуемую *политической олигархией*...

— У меня, честно говоря, — признался Спешнев, — нет таких высоких амбиций. — Я хотел бы одного: заниматься любимым делом и жить в «Городе Солнца»...

Выпивка, разнообразная закуска и тихая музыка, похоже, расслабили Вавилонского; Борис Лазаревич прикрыл глаза, словно засыпая и тихо произнес, как бы обращаясь к самому себе — А я-то... Я куда бегу и не могу остановиться... Похоже, это и есть моя жизнь...

Слезы Алевтины

В субботу Алевтина приехала с ранней утренней электричкой. Во дворе она порывисто приникла к вышедшему навстречу мужу и неожиданно расплакалась.

— Аленка... Ну что ты, право... — растерялся Чигирь, неловко поглаживая жену по спине. — Что случилось?..

— Ничего... Ничего, Антошенька... — с жалкой улыбкой проговорила она отстраняясь и сочувственно глядя Антона Петровича по голове. — Господи, зарос-то как... Исхудал... Поди, впроголодь живешь...

— Что ты! — бойко возразил Чигирь, перехватывая у жены рюкзак и сопровождая ее на веранду. — Заказов хватает... Да и грибы пошли... Гляди вон, — указал он на полную корзинку на столе. — С утра обежал рошу... Подберезовики и семь белых. Вечером тебя угощу.

Накануне он привез от азербайджанцев на участок писательницы Полетаевой новый нужник из свежей сосновой доски; сегодня следовало установить его в отведенном месте и выкрасить. На это у Антона Петровича ушел почти целый день, и когда он вернулся к себе, во дворе на протянутой веревке сохло выстиранное белье, небольшой газон между цветниками был

выкошен, а жена в закрытом голубом купальнике клонилась над грядкой, собирая в миску поспевшую клубнику. Чигирь невольно отметил, что у Алевины в ее сорок три года хотя и несколько располневшая, но все еще статная и сильная фигура, и в нем шевельнулось молодое плотское желание...

Перед баней жена подстригла его (при нынешних ценах на услуги Антон Петрович уже несколько лет не посещал парикмахерскую), в парной с особым старанием отхлестала венником, и после, в предбаннике, он предпринял деликатную попытку ласки, но Алевина уклонилась, игриво пошлепав мужа по рукам: «Да угомонись ты, старый черт! Дай маленько придти в себя, я ведь еще и дом пропылесосила!»

За ужином на веранде, по обыкновению, делились новостями.

— Совсем нас заколебала эта жилищно-коммунальная реформа! — жаловалась жена. — Заставляют выбирать управляющую компанию, которая будет обслуживать дом, а разве можно кому-то верить? Соберут с нас денежки, и поминай как звали, сейчас столько проходимцев... С жэком тоже связываться не стали, они хотели наш полуподвал захватить, а мы его сдаем в аренду, за эти средства оплачиваем домофон и разное благоустройство... И тут, как на грех, трубу прорвало на первом этаже, а откуда вызвать слесаря-сантехника? Бегали с нашим Иваном Степановичем, подставляли ведра... Дурдом! Слава богу, объявился этот Русик Пригожий, заключили с ним договор... Он и трубы починил, и даже мою стиральную машину перебрал...

— А мое «Пиршество на погосте» в очередном издательстве, — признался Чигирь.

— Опять?! — всплеснула руками Алевина. — Ты же обещал... Обещал никогда больше с ними не связываться...

— Это все Володя Байда, — уточнил Антон Петрович. — Без моего ведома... Редактору роман понравился, передали генеральному директору.

— Ох, Антоша... — горестно проговорила жена. — Сколько раз такое уже было... А после возвращают, и ты ночей не спишь, куришь одну за одной, и в доме будто покойник... Я тут с бабами поговорила... Может, в самом деле, на тебя навели порчу, может, сходить к колдуну? Кто-то должен же помочь!

— Хожу в храм Николы Угодника, молюсь.

Алевтина старательно перекрестилась:

— Дал бы Бог...

— Ты надела *наши* перстень, — заметил Чигирь.

Это был первый подарок Антона Петровича, сделанный будущей жене в Гагре; серебряный перстень с гранатом, тайный знак их телесного сближения.

— Лапка была обломана, и камешек выпал, — пояснила жена. — Руслан припаял.

Корпоративная прогулка

Теплоход «Михаил Круг» был зафрахтован Спешневым на полтора суток у частной судоходной компании и должен был отвалить от причала в десять утра. Диомид Диомидович поднялся на борт в сопровождении телохранителя Виктора на час раньше, чтобы познакомиться с капитаном, а также уточнить маршрут и хронометраж плавания. После, устроившись на верхней палубе в удобном шезлонге и раскурив сигару, он размягченно созерцал знакомый пейзаж речного порта, главное место в котором занимал похожий на корабль вокзал с увенчанным звездой шпилем и каменно-монументальными фигурами строителей социализма на уступах здания.

На открытой веранде первого этажа, как и много лет назад, были расставлены ресторанные столики, голубеющие пластиком, а в прежние времена их принято было покрывать накрах-

маленными белыми скатертями, что придавало особую торжественность застолью... От шампанского девочки щебетали без умолку и много смеялись, прекрасные в своей наивной молодости; Чигирь смотрел на Свету влюбленными глазами и часто целовал её ручку, но главное происходило на теплоходе «Сергей Киров», который, величаво отправляясь на шестичасовую прогулку, превращался в тайный, невероятный для «молодых строителей коммунизма» дом свиданий: оплативший каюту получал от горничной большой, вытертый до блеска, ключ...

Домовитая Юлька всякий раз застилала узкий диванчик принесенной из дома простынкой в цветочек, репродуктор на столе, хрипловато исторгая голоса Магомаева и Хиля, гасил ее задыхающиеся радостные стоны (во время оргазма лицо ее, в отличие от многих других женщин с их неуправляемой гримасой муки, озарялось счастливой улыбкой), а сквозь оконные жалюзи на разгоряченные тела натекал прохладный речной воздух...

Эти ностальгические воспоминания вызвали у Диомида Диомидовича легкое чувство вины, что в последнюю встречу уделил так мало внимания Антону — с его более чем странными речами и плачевным внешним видом явно нуждающегося человека. Вместе с этим возникло самодовольное осознание своего несомненного превосходства над другом юности, который когда-то был его идейным наставником (и чего греха таить, частенько вызывал зависть своими литературными успехами), а теперь не «вписался» в новые времена, прозябая в глуши и безвестности...

В половине десятого корпоративный автобус доставил сотрудников Спешнева от метро «Динамо», где был назначен общий сбор, и они — смеясь и переговариваясь — пестрым ручейком устремились к трапу. Наблюдая за ними, Диомид Диомидович не без тайной мужской гордости отметил, что даже в этой толпе, среди множества молодых и красивых женщин, Ка-

рина — с ее высоким ростом, гордой осанкой и светлой гривой волос — выделяется особым знаком породы. Тут же его неожиданно кольнула неудобная мысль о нынешнем своем ослаблении либидо, и он постарался загнать ее в глубины сознания.

Растекаясь по теплоходу, сослуживцы с веселым возбуждением занимали свои каюты, а ровно в десять «Михаил Круг» с низким гудком отвалил от причала, и над портом — совсем как в прежние деньки! — зазвучал напористый баритон неувядающего Кобзона:

*Как провожают пароходы,
Совсем не так, как поезда.
Морские медленные воды
Не то, что рельсы в два ряда...*

Когда теплоход, разрезая мелкую волну, вышел на сверкающий простор Химкинского водохранилища, сотрудники были выстроены на кормовой части верхней палубы для торжественного подъема флага «Олимпа», после чего, взявшись за руки, с энтузиазмом исполнили свой гимн.

Этот церемониал, как и сама прогулка, были организованы Диомидом Диомидовичем для дальнейшего укрепления корпоративного духа медицинского центра. Год за годом Спешнев старательно выстраивал его по западному образцу, дабы сплотить людей вокруг общей цели — процветания и обогащения. «Вы принадлежите фирме, — внушал он своим «штатным единицам», — а фирма принадлежит вам. Тот, кто живет двойной жизнью, имея увлечения на стороне — не наш человек». Спешнев требовал от подчиненных неукоснительной дисциплины и профессиональной ответственности, ввел четкую систему штрафов и поощрений, а девиз его был прост: «Хорошо работаешь — хорошо живешь».

Однако, эти западные нововведения (особенно эффективные в США) на российской почве прививались непросто: «кор-

порация» культивировала деловые качества и деловые отношения, а русский человек, вышедший из советского «коллектива», выше всего ценил личные связи; даже отпетый бездельник мог чувствовать себя в нем вольготно, если был «душой компании» или мог «достать» билеты на модный спектакль...

Каюта-люкс Диоида Диомидовича находилась в носовой части судна, рядом были размещены телохранитель Виктор и секретарь Карина Вержбицкая. После завершения краткой официальной церемонии Спешнев переоделся в легкий спортивный костюм, вышел на палубу и, опершись о фальшборт, подставил лицо прохладному встречному ветру, отдающему запахом скошенных лугов.

— Боже мой, ничего не изменилось, — раздался рядом голос Карины. — Она стояла рядом в серебристой ветровке и, сняв темные очки, смотрела на проплывающий берег. — Те же луга и перелески, та же церквушка с колоколенкой... В девяностом мы с мужем совершали свадебное путешествие до Астрахани на теплоходе...

— Ты никогда об этом не рассказывала, — удивился Диомид Диомидович.

— А ты никогда этим не интересовался. — Круто развернувшись, она процокала высокими каблуками в сторону кормы, где сослуживцы кормили чаек, настырной стаей сопровождающих корабль.

«Что это с ней?» — недоуменно пожал плечами Спешнев.

«Железная Леди» прошла с Диомидом Диомидовичем весь путь становления «Олимпа» — с его ликующими взлетами и драматическими падениями. Она была надежнейшим партнером по бизнесу и преданной любовницей; откровенно говоря, лишь эти две ипостаси Вержбицкой интересовали Спешнева, на остальное не хватало ни времени, ни сил. Он знал, что ее бывший муж, офицер ОМОНа, погиб в Чечне в одну из служебных командировок, а сына зовут Миша и он учится в каком-то

привилегированном лице. Знал, что ее предки польские дворяне, переселившиеся в Россию то ли при Екатерине, то ли при Петре... Не так уж густо, если учесть, что Карина двенадцать лет рядом с ним...

В Бухте Радости была сделана первая остановка, и возбужденные «олимпийцы» — в маечках и шортах, с волейбольными мячами, ракетками для бадминтона и спортивными сумками — устремились на берег, где над полосой песчаного пляжа, прорастая из кустистого подлеска, высились могучие медноствольные сосны. Регламентом предусматривалось четыре часа вольного отдыха, имеющего оздоровительный характер и исключающего потребление спиртного.

Стояла сухая жара зрелого лета, и Диомиду Диомидовичу тоже захотелось искупаться. Но с тех пор, как вырос проклятый живот, он стеснялся своего тела и сейчас не рискнул предстать перед подчиненными в плавках, дабы не навредить своему имиджу. Облачившись в махровый халат, он в сопровождении телохранителя Виктора проследовал за мысок, где грелась на солнце, поигрывая искристой рябью, знакомая с юности бухточка, в которую впадал говорливый лесной ручей. Здесь они с Чигирем и девочками когда-то жарили шашлыки и охлаждали сухое вино в текучих струях прозрачного потока. На корабль вернулся он в легкой ностальгии по молодым годам, промелькнувшим столь стремительно, и уже в каюте, за чтением свежих газет, невольно вспомнил слова Вольтера: «Еще вчера я был ребенком, а сегодня проснулся стариком»...

Главное действо корпоративного путешествия началось вечером, когда теплоход тихо скользил в бетонных берегах канала имени Москвы, поросших густыми, глохнущими в сумерках, лесами. «Олимпийцы» — женщины в нарядных вечерних платьях, мужчины в строгих костюмах и при галстуках — собрались в уютном ресторанном зале, озелененном комнатными растениями в кадках и расселись за накрытыми столами.

— Дорогие друзья! — обратился к ним с краткой речью Диомид Диомидович. — Мы собрались здесь потому, что умеем не только работать на благо «Олимпа», но и непринужденно отдыхать. Наше совместное времяпрепровождение — где бы оно ни происходило — есть ничто иное как тимбилдинг, сплачивание команды. Выпивайте, танцуйте, валяйте дурака! Главное — мы вместе, а вместе мы сила!

Призывая коллег раскрепоститься, Спешнев несколько лукавил: все знали, что на корпоративных вечеринках и пить, и веселиться, и флиртовать следует в меру и с оглядкой. У Диомид Диомидовича в коллективе были свои «глаза и уши», и на каждого сотрудника имелось досье...

Постепенно в непринужденный гомон застолья, все усиливающийся по мере потребления спиртного, вкрадчиво вплелась игра небольшого оркестра, сопровождающего пение приглашенной Спешневым молодой восходящей поп-звезды в шортиках с бахромой, крохотном лифчике и черных сетчатых чулках.

Спонтанно начались танцы, и прежде чем пригласить Карину (она блистала в изумрудном облегающем платье с разрезом), Диомид Диомидович уделил внимание нескольким молодым сотрудницам, предпочитая медлительные танго. Когда же рука его легла на чуткую талию Вержбицкой и томительный блюз объединил их тела, Спешнев услышал знакомый, чуть горьковатый запах ее духов и неожиданно им овладело крутое желание.

— Что с вами, шефчик? — искря зелеными глазами иронично спросила Карина, гибко откидываясь волосами назад и еще плотнее приживаясь к Спешневу бедрами.

— Заходи... заходи ко мне, когда все это кончится... — неожиданно для себя, прерывающимся полупшепотом проговорил Диомид Диомидович.

— Хорошо, — кратко отозвалась она.

В своей каюте, дверь которой он предусмотрительно не закрыл на ключ, Спешнев, не зажигая света, переоделся в халат и в темном волнении ожидания улегся на постель поверх одеяла, стараясь заглушить в себе с юности преследующий его страх мужской неуверенности.

Карина проскользнула в каюту, с тихим смешком выпуталась из одежды, и в следующую минуту Диомид Диомидович ощутил в своих объятиях ее упругое, головокруглительно знакомое тело, горячее от свежего загара. В судорожном сплетении объятий вернулось их прошлое гармоничное единение, словно и не было почти трех лет отчужденности. Спешнев ликовал, полнясь прежней повелительной силой и грубой властью над женщиной; она же изнемогала в благодарственной подчиненности и — уже на краю слепого, мучительного обвала — разразилась рыданиями, чего раньше с нею никогда не случалось.

Потом Карина закурила, обидно отчуждаясь и усмешливо поинтересовалась:

— Шефчик, что за прихоть?

— Прошу тебя... — поморщился он. — Не называй меня «шефчиком».

— Хорошо, Дима... — она глубоко затянулась и в сумраке разгоревшийся красноватый глазок ее сигареты показался Диомиду Диомидовичу сигналом опасности: похоже, за свой внезапный эмоциональный порыв предстояло заплатить *выяснением отношений*, которые давно и удачно были им похоронены. — Хорошо, — повторила она. — Могу я, по крайней мере, предположить?

— Да сколько угодно... — устало отозвался Спешнев, испытывая ту потребность в отдыхе и уединении, что появлялась после всякой близости с женщиной.

— Итак, — продолжила она, — следуя моде, ты приобрел симпатичную живую игрушку — жену, и теперь она стала тебе надоедать... Точнее, наоборот: она приобрела тебя... Теперь

ведь как у них... Работает целая команда, чтобы *разработать* состоятельного человека... Выстраивается полный психологический портрет жертвы, вплоть до того, запах каких женских духов ему нравится... После этого претендентку натаскивают под конкретного клиента...

— По-твоему, чувства тут вообще отсутствуют, один голый расчет?

— Именно так. Я читала целое исследование на эту тему. Толстосуму в принципе безразлично, как относится к нему девушка. Важно, чтобы внешне соответствовала его прихотям... Его позиция проста: «Деньги — мои! Кому хочу, тому и даю»... А после выясняется, что покупателю нужна свежая сексуальная подпитка, и прежняя избранница оказывается на улице...

— Хорошего же ты обо мне мнения... — уязвленно заметил Диомид Диомидович.

— Персонально ты здесь ни при чем. Просто большие деньги приводят к удручающей деформации личности.

— Это у меня-то... — вспыхнул Спешнев. — У меня — деформация? А ты не продумала, что ценой этой... деформации я кормлю весь медицинский центр и тебя в том числе?!

— Шефчик, мне пора, — проговорила Карина, гибко вскакивая с постели. — Скоро уже рассвет.

Ищите спонсора

У редактора Дмитрия Юрьевича, молодого человека лет двадцати пяти, была большая голова в коротких пушистых волосах, которые пошевеливались под струей вентилятора, нос клювиком и круглые, словно бы удивленные, глаза. Беседуя с Чигирем, он явно нервничал, часто хлопал ресницами, по-птичьему вскидывал-

ся плечиками и напоминал Антону Петровичу потревоженного совенка. В просторной издательской комнате он занимал свою рабочую ячейку с письменным столом и компьютером, выгороженную двумя книжными стеллажами, и, видимо, опасаясь быть услышанным сослуживцами, говорил приглушенным, доверительным голосом:

— Понимаете, Антон Петрович... ваш роман *лично мне* очень понравился... Я зачитывался вашими рассказами еще в институте... А то, что вы делаете сейчас — это просто супер... Сюжет, характеры, прикольный юмор... А главное — как вы раскрываете тему предательства... Ведь мы живем в стране повсеместного, ежеминутного, беспардонного предательства... Компаньоны по бизнесу предают друг друга ради денег; жлобы, выбившиеся в ВИП-персоны, предают верных, преданных жен; преподаватели предают своих студентов, вымогая взятки за экзамены... Мой друг за весеннюю сессию истратил десять тысяч рублей!

Антон Петрович слушал этот неожиданный, горячечный монолог с привычным, тоскливым ожиданием, когда же после лестных критических похвал прозвучит закономерная, сакраментальная фраза: « Но, к сожалению...»

Но Дмитрий Юрьевич распаялся все больше, опасливо поглядывая в просветы между книгами на полках стеллажа и переходя на полупшепот:

— Статистика показывает: нашей милиции не верит девяносто восемь процентов населения, правительству — семьдесят, депутатам — почти никто... О чем это говорит? Это — свидетельство самого большого предательства: власть предала свой народ! Может, кофейку, Антон Петрович? — предложил он.

— Не откажусь, — отозвался Чигирь, растроганный монологом редактора и желая продлить общение с единомышленником.

Чуть позже, прихлебывая кофе из красной фирменной чашечки, Дмитрий Юрьевич признался:

— Скажу по секрету, Антон Петрович, я даже поставил ваш роман в план. Но *там* — он указал пальцем наверх, — там вычеркнули.

— И чем же роман им не приглянулся? — не удержался Чигирь.

— Не наш формат.

— В мои времена такого понятия не было. Что оно означает?

— Если честно — удобная форма отказа.

— А причина?

— Причины не объясняются в таких случаях. — Дмитрий Юрьевич сочувственно вздохнул. — И все же, Антон Петрович... мне не хотелось бы терять вас... как автора... Может, вы найдете спонсора? Я тут прикинул... понадобится всего каких-то пять тысяч долларов, чтобы изготовить тысячный тираж.

— Спонсора у меня нет.

— Жаль, среди ваших ровесников столько богатых людей...

— Я не умею просить денег у богатых.

Приезд Спешнева

В субботний полдень Спешнев подъехал к даче Чигиря на своем вороненом «лексусе» и вызвал хозяина за калитку настойчивым сигналом клаксона.

— Вот уж не ожидал... Никак не ожидал... — растроганно бормотал Антон Петрович, обнимаясь с другом юности.

— Я же обещал... Явился не запылится... — пояснил Дио-

мид Диомидович, и в рыжеватых припухших глазах его про-
блеснула сентиментальная слеза.

Из багажника они выгрузили несколько пластиковых паке-
тов с едой и напитками и отнесли на веранду. Диомид Диоми-
дович принялся разбирать их и накрывать на стол, а Чигирь
отправился на грядки за огурцами, редиской и зеленью.

Потом они сидели за бутылкой очень дорогой, судя по все-
му, водки и часто, беспорядочно выпивали, просветленные ра-
достью встречи.

— Это сколько же лет я у тебя здесь не был, — припоминал
Спешнев, раскуривая сигару.

— Тогда ты еще не расстался с Татьяной, — уточнил Антон
Петрович.

— Сумасшедшая, загнанная жизнь... Все никак не мог вы-
браться... А ведь друга, ближе тебя, у меня нет...

— С годами друзья приобретаются все труднее ...

— Вот увидел тебя, и сразу столько воспоминаний...

— У меня тоже, Димон.

*За полгода до окончания Высших Литературных Кур-
сов Чигирь вознамерился было сделать первый взнос за
однокомнатную кооперативную квартиру, но выяснилось,
что временная прописка в общежитии на улице Руставели
не дает на это права.*

— Зря ты не женился на Светке, — сетовал Диомид. —
Стал бы полноценным москвичом.

— Я принадлежу только литературе.

— Тогда остается единственный вариант — фиктив-
ный брак.

— Но где найти... такую женщину... — усомнился
Чигирь.

— Возможно, она совсем рядом, — загадочно усмехнул-
ся Спешнев.

Неделю спустя он уже назвал имя возможной избранницы. Ею оказалась... бывшая однокурсница Лидия Парамонова!

— Пересекась с ней на районной конференции, и по моему ваши интересы совпадают, — пояснил Диомид.

По телефону свидание будущей жене назначили в кафе «Лакомка» на улице Димитрова, поскольку Парамонова работала неподалеку, в Первой Градской. Учитывая значимость встречи друзья к ее приходу заказали бутылку шампанского, торт «Наполеон» и двойной черный кофе. «Бабенка. Типичная бабенка», — невольно отметил Чигирь, когда распаренная ходьбой, наспех причесанная Лидия оказалась за столом, и поразился, что это курносое плоское лицо, коротконогая фигура и жидковатая свисающая грудь когда-то пробудили его чувственность. Интерес Парамоновой к браку, по счастью, был чисто меркантильный: родной завод Ильича выделял ее семье квартиру в строящемся доме, и на Чигиря можно было бы получить дополнительные квадратные метры...

— А потом сразу разведемся, — заверила Лидия. — Но только... только все должно быть по-настоящему...

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Диомид.

— Совсем не то, что ты думаешь, — густо покраснев, уточнила Парамонова. — Просто... у нас много родни, соседей... Они не должны знать, что это фиктивно. Антону придется походить к нам в гости, а потом попросить моей руки.

Деваться некуда, пришлось согласиться.

Ползими ушло на воскресные посещения Парамоновых в рабочей слободке на улице Татищева, что вблизи Даниловского рынка, где их семья из четырех человек занимала пятнадцатиметровую комнату с крохотной проходной кухонькой в потемневшем от времени бревенчатом

бараке. Диомид преданно сопровождал друга, несмотря на недовольство молодой жены Татьяны, и им приходилось пить принесенную водку под винегрет с сельдью, а после до оупения играть в подкидного дурака с невестой и ее братом Марленом, тихим темноглазым заводским инженером. Будущая теща, Варвара Тихоновна, в это время либо возилась с посудой, либо обихаживала парализованного мужа, для надежности привязанного к самодельному деревянному креслу с вырезанной дырой в сиденье. Иногда приходилось ездить к ближайшей родне Парамоновой (дядя Федя, тетя Зина) на улице Нагорной; там тоже пили водку, закусывая винегретом, и резались в подкидного.

В марте свершилась, наконец, свадебная церемония. Сознавая себя уголовно наказуемым брачным аферистом и желая обезопаситься перед советской властью, Антон перед посещением загса наголо побрился (Хотя замысел и практическое воплощение коммунистической идеи осуществлялось бородами людьми, в стране Советов конца семидесятых борода считалась признаком неблагонадежности).

Дома молодых ждал празднично накрытый стол (посуда и стулья частично были предоставлены соседями); крики «горько!» по мере захмеления гостей раздавались все чаще и требовательнее, а от поцелуев Лидии пахло селедкой.

Диомид (свидетель со стороны жениха) в тот раз не только не напился, но и строго следил за Антоном, чтобы он, перебрав, чего доброго не очутился в супружеской постели... Когда гости в конце концов разошлись, друзья, прихватив со стола бутылку, задали стрекача на Мытнью, где распили ее на коммунальной кухне, празднуя победу.

— Димон... ты даже не представляешь... — растроганно говорил Чигирь. — Не представляешь, что сделал для меня... Ты меня просто спас...

— Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики, — отшучивался Спешнев.

— Как у тебя с Алевтиной? — поинтересовался Диомид.

— Лучше худой мир, чем добрая свара, — отозвался Антон Петрович. — Сегодня должна была приехать, но в доме затеяли какой-то ремонт...

— А у меня, похоже, с Оксаной возникают проблемы, — признался Спешнев. — Как бы ты отреагировал, если бы твоя жена однажды явилась с интимной стрижкой на лобке в виде херувимчика?

— Я бы посчитал это богохульством.

— Да не об этом речь, Антоша! В наших отношениях в конце весны был подлинный сексуальный всплеск, она раскрепостилась... А теперь... даже уклоняется...

— Современная молодежь совсем не та, что были мы, — заметил Чигирь. — Сексуальная революция, никуда не денешься... Девушки идут на свидание с пачкой презервативов, к двадцати годам у них уже богатый опыт интимной жизни...

— Это не про Оксану! — перебил Диомид Диомидович. — Детство в подмосковном Раменском прошло под опекой строгой богомольной бабушки. После — цирковое училище, изматывающие тренировки, ежедневные поездки в Москву с первой электричкой...

— Везет тебе на циркачек, — заметил Диомид.

— Судьба! — отозвался Спешнев. — Так вот... На третьем курсе во время тренировки срывается с трапеции, переходить на отделение жонглирования не хочет, случайно оказывается на подиуме, и тут я ее увидел... Что у нее было до меня? Романтическая влюбленность в известного воздушного гимнаста да легкий

флирт с однокурсниками... А теперь эта чертова стрижка...
Для кого она?

— А что, если для тебя?

— Скажу больше, Антон. Два раза в неделю она посещает фитнес-клуб. Так вот, я проверил... Уже месяц она там не появлялась...

— Димон, — усмехнулся Чигирь. — Может, у тебя просто разыгралось воображение? Ты всегда был ревнив, как мавр...

Антон лежал на галечниковом пляже и, смежив веки, забавлялся игрой солнечного света, радужно дробящегося в ресницах. Йодисто пахло морскими водорослями, прибой шумными шлепками накатывал на пологий берег, и Чигирь пребывал в сладкой неге южного каникулярного отдыха. Потом он уловил хрусткий перестук приближающихся шагов, увидел рядом чуть просевшие от пыли пижонские узконосые туфли Спешнева, и минуту спустя его друг, освободившись от черного костюма, большой кавказской кепки и накладного носа с усами, устало плюхнулся рядом.

— Безрезультатно, — констатировал он. — И сегодня не удалось их засечь...

Хотя Чигирь больше любил Гагру, в Адлере остановились по настоянию Диомида: именно тут гастролировал московский цирк с аттракционом иллюзионистки Тарасовой, где работала Юлька, и Спешнев вдолбил себе в голову во что бы то ни стало застукать изменницу во время общения с тромбонистом Меламедом.

— С чего ты взял, что они появятся именно здесь? — усомнился Антон. — В Адлере десятки диких пляжей.

— Как будущий великий писатель, — съехидничал Спешнев, — ты должен научиться мыслить логически.

Где установлено шاپито с вагончиками для артистов? В полукилометре, на берегу Мзымты. Режим у них — врагу не пожелаешь. Дневное представление для детей в двенадцать, вечернее для взрослых в девятнадцать, да плюс репетиции... Если и выпадет часок-другой окунуться в море, они не потащатся на другой конец города, пойдут именно сюда...

Уже несколько дней, закамуфлировавшись под кавказца, Диомид утюжил местный берег, выцеливая изменницу Юльку с любовником, и посреди пестрого пляжного многолюдья выглядел белой, а точнее, черной вороной.

— Хорошо, будем мыслить логически, — парировал Антон. — Вместо того, чтобы наслаждаться плаванием, пить маджари и целовать загорелых красоток, ты ежедневно изнуряешь себя дурацкими поисками, потевя в своем дурацком наряде — и все безрезультатно! О чем это говорит? О том, что влюбленные голубки днем здесь не появляются, на это у них просто нет времени. А вот ночью... когда женщины любят купаться голыми при луне...

— А пограничники? — усомнился Диомид.

— Они ходят так редко, что Меламед успеет даже бросить палку.

— Черт, черт, черт! — в отчаянии выкрикнул Спешинев, вбивая кулак в гальку. — Я бы задушил ее... Вот этими руками...

— Успокойся, Отелло. Если честно, я с самого начала не видел смысла в этой твоей затее. Для чего тебе нужно непременно их застукать? Что изменится, если, к тому же, Юлька во всем созналась?

— Изменится все! — горячо отозвался Диомид. — Пока я не убедился воочию, меня преследует мысль... что, возможно, я все это выдумал, зря ее обидел... Может, про

этого Меламеда она сказала мне назло... Ведь я за ноги не держал! Пойми, я схожу с ума от этой неопределенности! Но как только убедюсь... убеждусь... — сразу выкину ее из своего сердца и вычеркну из книжки телефон!

— А раз так, — заключил Антон, — надо в корне менять план операции. Прищучить их, как говорится, «по месту жительства».

— Антоша, ты гений! — воспрянул Диомид. — И так, я беру билет на вечернее представление, а после выслеживаю их.

В полночь Антон сидел за колченогим столом в комнате, которую снимали у старой гречанки, и, как всегда, перед сном заполнял записную книжку («Главное в прозе — художественная деталь, — учил литературный наставник Владимир Яковлевич Казанский. — Именно она придает тексту выразительную достоверность. Подмечайте все характерное и фиксируйте в дневнике»)

Во втором часу явился, наконец, Диомид — с глуповатой улыбкой, горящими глазами и губной помадой на подбородке.

— Антоша, это... феноменально... потрясающе... Две сестры, и обе оказались латышки...

— Димон, ты что, наклюкался? — весело предположил Чигирь.

— Пьян от чувств-с, Антоша, это от чувств-с — пояснил Спешнев, счастливо плавая взглядом. — Кто бы мог предположить! Эльза перегрелась на солнце и не пошла, у Лаймы оказался лишний билетик... Потрясающая голубоглазая блондинка, и без комплексов... Мы... прямо с первого взгляда... Так и вцепились друг в друга... Провожая ее, целуемся на каждом шагу, и нигде не могу отыскать среди пышной природы укромного местечка... Чем выше поднимаемся, тем уже тропа, уперлись прямо в ее ка-

литку... И тут Лайма наклоняется и облокачивается на нее... Потрясающая кожа на бедрах и ягодицах...

— Надеюсь, на этот раз обойдется без триппера, — заметил Антон.

— Это исключено. Она студентка рижского университета.

— А как же Юлька?

— Да пошла она к черту! В конце концов, она сама же призналась в измене... А латышки ждут нас завтра в двенадцать возле газетного киоска.

— Воображение тут не при чем, — отозвался Спешнев. — Я ведь занимаюсь всеми этими проблемами профессионально. Спектр причин измены — от естественной биологической потребности в новизне до жесткого прессинга рекламы и пропаганды свободного секса в наше время.

— Искус велик, — согласился Чигирь.

— Зарубежные ученые открыли, что измена — это генетическая стратегия — продолжил Диомид Диомидович. — У женщин она нацелена на то, чтобы подобрать для ребенка наилучшие гены. У мужчин чаще всего это месть. Более того, некоторые специалисты пришли к выводу, что у женщин есть лишний ген — ген сексуальной неверности...

— Но, насколько я понимаю, — осторожно заметил Антон Петрович, — измена твоей жены еще не доказана...

— И больше всего мне не хотелось бы это доказывать, — отозвался Спешнев. И после долгой паузы, задумчиво попыхивая сигарой, признался: — Одна лишь мысль меня гнетет: была бы она со мной, не стань я миллионером?

Незаметно бутылка подходила к концу, и Спешнев, как бы извиняясь, что «нагрузил» друга своими семейными неурядицами, перевел разговор на творчество Антона Петровича. Когда же Чигирь рассказал ему о своей последней встрече с редакто-

ром Дмитрием Юрьевичем, в недоумении поднял рыжеватые брови:

— Что же ты ко мне не обратился?

— Видишь ли... — замялся Чигирь. — Тут есть некоторые нюансы. Выпускать роман тиражом меньше тысячи экземпляров издателям не выгодно, а за тысячу надо заплатить пять тысяч долларов.

— Ну и что?

— А то, что они выдадут нам эту гору книг, а при нынешней насыщенности рынка мы сможем продать не больше трехсот экземпляров, тираж *залежет*, и ты останешься в убытке.

— Наливай, Антоша, — весело проговорил Спешнев, раскуривая сигару. — И запомни: пять тысяч зеленых — это не деньги.

— Все относительно... — начал было Антон Петрович, наполняя рюмки.

— И все дерьмо, кроме мочи, — напомнил Диомид их студенческую медицинскую поговорку. — В общем, так: в течение недели сообщу, куда я должен заплатить бабки.

Сыщик Нефедов

Сыщик, нанятый Спешневым в частном агентстве, был рыхловатым мужчиной лет пятидесяти с вялыми, редующими белесыми волосами и усталым, понимающим взглядом серых — навыкате — глаз. Его мятый, заношенный пиджак из рогожки, вельветовые брюки, вздутые на коленях и и дешевые парусиновые туфли свидетельствовали, как понимал Диомид Диомидович, не столько о материальных затруднениях, сколько о профессиональной уловке: частный детектив должен был выглядеть неприметно, не выделяясь из толпы.

— Чай, кофе? — предложил Спешнев, когда гость вальяжно расположился в его кабинете, заняв кресло по другую сторону обширного офисного стола.

— И бутерброды, если можно... — несколько смущенно попросил Нефедов. — Собачья работа... С утра, кроме бутылки боржома...

Диомид Диомидович нажал кнопку селектора и дал указание Карине.

— Итак, что мы имеем? — рассуждал сыщик несколько повеселев после еды. Он разложил на столе полученные от Спешнева фотографии и бегло просматривал сделанные со слов Диомид Диомидовича записи. — Мы имеем портрет молодой леди, снимок ее автомобиля с номерными знаками, номер ее мобильного... А также достаточно подробную картину ее перемещений по городу в течение недели... Могу я сформулировать главную причину, побудившую нас заняться данным расследованием?

— Попробуйте.

— Мы опасаемся, что красавица любит не столько вас, сколько ваши деньги.

Спешнев подтверждающе кивнул.

— Ситуация довольно типичная для современного мезальянса, — вздохнул Нефедов. — Девушки мечтают об олигархах, а оказываются в золотых клетках...

— Я вам плачу не за размышления, — жестковато окоротил его Диомид Диомидович. — Я плачу за факты.

— Покорнейше прошу меня извинить, — поерзал в кресле сыщик. — Я хотел лишь сказать, что у меня богатый опыт подобных расследований... И знаете, с чего я начинаю — разумеется, с согласия клиента? С определения морального облика подозреваемой... То есть выявляю, способна ли она на измену в принципе.

— И как вы этого достигаете, если не секрет? — заинтересовался Спешнев.

— От заказчика — никаких секретов! — поднял руки Нефедов. — Все очень просто. Я сотрудничаю с актерским агентством «Финал». Талантливые студенты театральных училищ играют роли подставных любовников, провоцируют юных жен состоятельных господ на адюльтер... Все сцены снимаются на телекамеру... С вашего согласия в ваш домашний телефон может быть вмонтировано подслушивающее устройство, будете контролировать разговоры вашей пассии...

— Это... это не обязательно, — решил Диомид Диомидович, тоскливо осознав вдруг, что затеяв это нечистое мероприятие, унижает и себя самого, и Оксану.

— Хорошо, — легко согласился Нефедов. — Обойдемся без прослушки.

Мечты и явь

На рассвете Антон Петрович проснулся оттого, что в нем зазвучала светлая, веселая мелодия времен юности и после, шагая с посохом и корзиной через сонный поселок (в отличие от коренных сельских жителей дачники просыпались поздно), — негромко напевал ее. Березовая роща, позолоченная сентябрем, была пронизана восходящим солнцем, и первые увядшие листья, кружась в воздухе и посверкивая росой, бесшумно гасли над землей в голубоватом тумане. С тех пор, как его навестил Спешнев, Чигирь даже внешне заметно изменился: укоротил свою дремучую бороду и регулярно подбривал ее по утрам, его худая сутуловатая фигура, казалось, распрямилась, а в глазах появился озорной блеск.

Проживая последние годы в состоянии саднящей, тихо тлеющей тоски, Антон Петрович нередко видел один и тот же сон: как он, подросток, бросает камешки в глубокий колодец

и не слышит желанного отзвука. Нынешняя экономическая *цензура*, замешанная на издательской алчности и широко распахнувшая двери творениям Владимира Байды и Дуни Пересвет, была циничнее советской *политической цензуры*: прежде из книг изгонялось инакомыслие, теперь же с книжного рынка изгонялась подлинная литература. В минуты глухой безысходности перо выпадало из руки Антона Петровича, и он тянулся к бутылке... К счастью, эта слабость не обретала запойного характера, а простой физический труд не только кормил писателя, но и врачевал душу.

Чигирю не нужна была популярность *успешного человека* (его творческое эго вполне удовлетворил первый сборник рассказов), бедствуя он готов был даже отказаться от гонораров, ибо хотел лишь одного: чтобы его Слово дошло до усталого от непосильных трудов и тяжкого исторического опыта, замордованного призывами и реформами народа...

Петляя вдоль опушки, где ему были знакомы каждое деревце и каждый куст, Антон Петрович набрал подберезовиков и несколько белых грибов, а завершил «тихую охоту» в сырой низине; там среди жестких осок таились приметные своими оранжевыми шляпками подосиновики.

Последнее время он то и дело с благодарностью возвращался мыслями к спасительному приезду Диомида («Звони, не пропадай!» — бодро выкрикнул Спешнев, отъезжая) и, наконец, сегодня, выждав из деликатности три дня, решил набрать служебный номер друга.

— У Димомида Диомидовича совещание, — ответила секретарша приветливым бархатистым голосом. — Перезвоните позже.

Часа через полтора Антон Петрович возобновил попытку, и услышал в трубке рваную скороговорку Диомида, который, похоже, что-то жевал:

— Да, Антон... Ты насчет своего романа... Как же, пом-

ню... Только уточни детали... Мы тогда с тобой на радостях крепко «приняли на грудь»...

— Ты обещал... — проговорил Чигирь, чувствуя, что краснеет. — Я уже обрадовал редактора Дмитрия Юрьевича, что нашел спонсора... Он отдал рукопись обсчитывать...

— Хорошо... Извини, у меня тут свои тараканы в голове, — завершил разговор Спешнев. — Чуть позже перезвоню.

День, хотя и заполненный обыденными хозяйственными хлопотами, тянулся невыносимо медленно. Ожидание судьбоносного звонка томило писателя. И лишь изучение свежих газетных новостей немного отвлекло его от этой унижительной зависимости...

Нынешний сентябрь ознаменовался резким усилением политической активности в стране и позорным изгнанием бывшего министра правительства Ельцина Николая Калистратова с поста главы оппозиционного движения «Честная Россия». Нечистый на руку Коля-откат, единолично контролировавший денежные потоки Движения, был уличен в присвоении партийных денег и незаконном строительстве дачи в природоохранной зоне Москвы-реки. Позже, когда в прессе улеглась пыль скандальных разоблачений, Чигирю стало ясно, кто был подлинным их инициатором: олигарх Вавилонский неожиданно возглавил «Честную Россию», а после заявил и о своих притязаниях на пост президента России. В сегодняшней газете, принадлежащей Борису Лазаревичу, излагалась политическая программа будущего кандидата.

«При коммунистах да и в последующие десятилетия, — читал Антон Петрович разлегшемуся под плакучей ивой коту, — в отношениях Москвы и регионов преобладал холуйский подход: чем откровеннее местные князьки лебезили перед кремлевскими небожителями, тем обильнее были ответные гостинцы. Наш новый подход предлагает иную формулу: большую самостоятельность и лучшее финансирование из Центра получают

те, кто меньше зависит от столицы. Вопиющие диспропорции в развитии регионов уже давно не секрет. В то время, как Москва, Санкт-Петербург и несколько других крупных городов тонут в нефтяных деньгах, строят небоскребы и упиваются гламуром, сотни средних и малых городов, не говоря уже селе, пребывают в стагнации. В этих забытых Богом «неперспективных» населенных пунктах жизнь не просто остановилась. Она откатилась в глубокое средневековье. Отсюда и пугающий Церковь расцвет сектантства, рост самых грубых суеверий и полный уход от политики. Глубинная Россия пустеет и зарастает бурьяном...»

— Что скажешь, Прохор? — с язвительной усмешкой спрашивал Чигирь. — Пришла пора восстанавливать земство? Ловок Борис Лазаревич! Ему, с его золотого унитаза видно небо в алмазах, а в наших сортирах дует изо всех щелей... Думаешь, ему есть дело до нашего зада? Но отдадим должное политическому нахальству олигарха: замахнулся на святая святых — «вертикаль власти»! Ох, Борис Лазаревич, не пришлось бы тебе на зоне шить рукавицы...

Спешнев в этот день так и не позвонил, и Антон Петрович, опасаясь бессонной ночи, в одиночестве выпил четвертинку под жареные грибы.

В гостях у сына

После развода со Спешневым Татьяна разменяла оставленную им трехкомнатную квартиру и отселила повзрослевшего сына на соседнюю улицу Минскую. Эта пятиэтажка хрущевской постройки с грубо промазанными гудроном швами стенных панелей и балкончиками-«этажерками», изъеденными временем, вроде бы подлежала сносу, но дело, как это часто бывает,

затягивалось, и жильцы, парализованные неопределенностью существования, не решались на ремонт своего обиталища. Во дворе чахли старые тополя, облетая осенней листвой, вокруг мусорных баков пестрела свалка бытовых отходов, а площадка для стоянки автомашин была так мала, что шофер Виктор едва втиснул на нее громоздкий «лексус». Он остался ждать хозяина в кабине, а Диомид Диомидович беспрепятственно вошел в подъезд со сломанным домофоном и поднялся на второй этаж по стоптанной и неприбранной, пахнувшей кошками лестнице. Вскоре Спешев очутился в тесной сумрачной прихожей, где сын Олег, стоя на шаткой табуретке, прикреплял к стене отретушированный парадный портрет Бориса Лазаревича Вавилонского.

— Вот, — пояснил он, соскакивая на пол. — Вот мой кумир.

Диомид Диомидович промолчал, невольно отметив, как похудел сын со времени их последней встречи, а возбужденный блеск глаз лишь подчеркивает нездоровую бледность лица.

— Ты попрежнему много куришь, сынок, — заметил он, протянув ноздриями отдающий застарелым табачным дымом воздух.

Вдоль стен прихожей стояли свернутые флаги и транспаранты, на полу, среди разбросанной старой обуви, громоздились пачки перевязанных шпагатом листовок и брошюр, а на вешалке желтел короткий женский халатик.

— Много куришь, — повторил Диомид Диомидович, стараясь придать замечанию шуточный тон, — а квартира твоя нечто среднее между ночлежкой и партийной явкой.

В комнате, на низкой тахте, бугрилось чье-то тело, накрытое с головой клетчатым пледом; из-под него доносился жалобный стон.

— Петя Кретов, — пояснил Олег. — Будет снимать телефильм о Борисе Лазаревиче.

При этих словах из-под пледа появился, поднимаясь в полный рост, высокий сухопарый мужчина лет сорока в рыжей шкиперской бородке и шапке свалывшихся, мелко закурчавленных волос.

— Питер, — представился он, зябко поеживаясь под вытянутым старым свитером и тревожно пошевеливая длинными чуткими пальцами босых ног. — Прошу извинить за дикцию. Я не имею двоих зубов у низшей челюсти...

— Петя принимал участие в нашем последнем «марше непокорных», — пояснил Олег. — Мент приласкал его дубинкой.

— Это ничего... — широко улыбнулся Кретов. — Главное — демократия... О-хо-хо... — сокрушенно схватился он за голову. — Вчера мы сильно пере... перебороли...

— Перебрали, — поправил Олег и пояснил отцу: — Петя уже тридцать лет в Англии, его русский малость прихрамывает.

На кухне в мойке была свалена грязная посуда, неприбранный стол отсвечивал пустыми бутылками, смердели пустые консервные банки с раздавленными в них окурками, а следы губной помады на рюмках свидетельствовали о том, что вечеринка прошла в обществе женщин.

— Хоть бы твои девицы однажды навели тут порядок, — поморщился Диомид Диомидович.

— О! — воскликнул Питер, подняв большой палец. — Олег высматривает прекрасно и вызывает в женском поле неотразимый эффект!

— Наши девицы не склонны к домашней работе, — шутливо заметил сын. — Они всецело живут в сфере политической борьбы.

Он принялся за посуду в мойке, а Питер прибрал со стола и протер его влажной губкой.

Спешнев между тем по мобильному телефону дал указание

Виктору (холодильник у «неодемократов» оказался пуст) купить еды и выпивки.

К тому моменту, когда на пластиковой столешнице была расставлена свежевымытая посуда, водитель доставил бутылку водки, пиво, мясные нарезки, горячую курицу-гриль и даже банку соленых огурцов, после чего деликатно ретировался.

— Неплохая закуска во внимании русского вкуса! — одобрил Питер, плотоядно потирая руки.

— Не понимаю, отец, — некоторое время спустя говорил Олег, слегка порозовевший от выпитого. — Ты дружишь с Борисом Лазаревичем, но не одобряешь, что мы избрали его своим вождем...

— Во-первых, это не дружба, а скорее деловые отношения, — уточнил Спешнев. — А во-вторых, я не сказал, что не одобряю.

— А чего говорить! — горячился сын. — По тебе и так видно! По твоему, Калистратов был лучше? Он лишь произносил высокие слова о благе народа, а заботился о собственном кармане!

— Все ельцинские демократы есть такие, — поддержал Кретов. — Борис Лазаревич богатый человек, он не станет воровать.

— Его концерн — государство в государстве, — подхватил Олег. — Это напоминает шведскую модель социализма. Он регулярно обновляет производство, платит сотрудникам высокие оклады, обеспечивает оплату по нетрудоспособности... А корпоративные пенсии просто не сопоставимы с государственными! На нефтепромыслах он открывает школы, больницы... Местные жители его просто боготворят...

— Считаю, что твоя пламенная агитация меня убедила, — усмехнулся Диомид Диомидович. — Голосую за Вавилонского.

— Напрасно иронизируешь, отец, — обиделся сын. — Только такой политический тяжеловес способен вытащить Россию из разрухи.

По предложению Олега выпили «за новую демократическую Россию»; у Спешнева словно бы открылось вдруг новое зрение, и сын увиделся почти незнакомым мужчиной, в трагической отчужденности своего житейского опыта и миропонимания, к которым Диомид Диомидович уже не имел никакого отношения... А давно ли здесь, на Филях, они с Татьяной «выгуливали» Олежку в детской коляске по аллеям парка, и он удивленно круглил взгляд в первых постижениях окрестного мира... Давно ли Спешнев с пятилетним сыном спускался по обледенелой лестнице с речного обрыва к проруби на Москва-реке...

Домик «моржей» хранил уютное, дымное тепло печки-буржуйки, которую подтапливали березовыми дровами. От него вилась заснеженная тропка к скованной льдом реке, на которой в недвижимом долготерпении чернели фигурки рыбаков. Потревоженная купальщиками поверхность проруби волновалась темными бликами, исходя парком, от ее обжигающего холода у Олежки поначалу перехватывало дыхание, и он, выпучив глаза, начал беспорядочно молотить руками и ногами по воде в стремлении поскорее выбраться на берег. Порою перед самым погружением его охватывал внезапный необоримый страх. «Не могу, папа, я не могу!» — жаловался он отцу, сжимаясь и дрожа на морозе. — «Но ты же морж! Настоящий морж и смелый мальчик!» — убеждал его Спешнев. — «Никак не могу! Не пойму, что со мной, трус, несчастный чертов трус!», — сквозь слезы выскуливал сын. — «Тогда возвращайся в домик, — спокойно приказывал Диомид Диомидович. — Ничего страшного. Нырнешь в следующий раз». — «Нет, нет! Я должен... должен...» И плачущий Олег отчаянно, вслепую прыгал с деревянной лесенки... После крепкого чая из термоса они возвращались домой по тропке, петляющей среди мохна-

тых от инея берез, и покрасневшееся личико сына светилось счастьем, и для Спешнева не было человека роднее, а их немногословная мужская дружба казалась незыблемой и сулила тихую благодать спокойной старости...

Диомид Диомидович признался себе, что ехал к сыну с укором за его многодневное молчание (со дня их последней разговора Олег даже не звонил) молчание, за которым скрывалось обидное равнодушие к отцу. Но сейчас ему открылось вдруг, что сын вступил в ту фазу взросления, когда вырабатываются собственные взгляды на жизнь и родительские советы раздражают. Недавний мальчик стал мужчиной и должен был пройти через открытия и заблуждения собственного житейского опыта... «Главное — он у меня есть»... — подумал Спешнев, разом обретая умиротворенность души.

— Вавилонский есть настоящий государственный муж, — подвел итог застольной беседе Питер Кретов. — Как Сперанский и Столыпин.

Бережно обнимая отца за плечи, Олег проводил его к машине.

— Одного не пойму, — заметил перед прощанием Диомид Диомидович. — При чем тут... этот Питер... У нас что, нет своих документалистов?

— Все гораздо серьезнее, отец, — пояснил Олег. — Кандидатуру Вавилонского поддерживает вся лондонская эмиграция, а это огромные деньги. Питер Кретов приехал от них.

Руслан Пригожий

В октябре, в одиночку перебирая сруб соседской бани (напарник Толмыш уже отбыл в Киргизию), Антон Петрович поднимал тяжелый лежень на притолоку и сорвал спину. Его скрутил

радикулит, и это было вдвойне досадно: собственный дачный участок пришла пора готовить под зиму, для этого в субботу намеревалась приехать Алевтина, а вышло, что он жене не помощник.

— Прямо не знаю, что и делать, Антоша... — огорченно отозвалась она по телефону. — Разве что попросить нашего Руслана...

Слесарь привез Алевтину на своей старенькой, но ухоженной «копейке», а выйдя из-за руля, оказался мелковатым узкоплечим мужичком с острым носом и озорными — незабудковой голубизны — глазами. На нем был необношенный фиолетовый костюм в полоску, белая рубашка с галстуком и вызывающе желтые туфли.

— Вот, получите вашу супругу, Антон Петрович! — то-неньким смеющимся голосом отрапортовал он, пожимая руку Чигирю. — С доставкой на дом, строго компетентно!

— Говорила ему, шалапуту: куда так вырядился, едем в земле ковыряться! — шутливо заметила Алевтина, краснея.

— Так я ж к писателю ехал! — весело пояснил Пригожий. — Ни разу в жизни не принимал участия с живым писателем!

Машину загнали во двор, и гости принялись проворно разгружать багажник, а Чигирь, стоя рядом, маялся своею беспомощностью, тяжело опираясь на посох.

— Не журитесь, Антон Петрович! — обнадежил Руслан. — Я вас поставлю на ноги. Мой прадед в Полесье был самым знатным деревенским знахарем и костоправом. Фамилия его была Пригодий, что значит «быть пригодным», это уже потом сельский писарь переименовал нас...

— Да будет тебе, балабол... — необходимо упрекнула Алевтина. — Сто слов в минуту...

— А может Антону Петровичу как писателю интересно узнать, откуда произошел такой дятел белорусский! — парировал Пригожий.

Гости приехали на два дня, и местом своего пребывания Руслан выбрал достаточно просторный, сухой предбанник, который, к тому же, на ночь можно было протопить. Вскоре там уже висел на деревянных плечиках его представительский костюм, под которым желтели на полу аккуратно выставленные туфли, на диване был развернут походный спальник, а на столике отсвечивал экраном небольшой переносной телевизор. Тут же Пригожий сделал Чигирю массаж поясницы жесткими проворными руками и растер ее какой-то самодельной мазью, остро пахнувшей уксусом.

Ближе к вечеру, как и обещал Руслан, боль немного отпустила, и Антон Петрович, который тяготился вынужденным своим бездельем, взялся за приготовление ужина. Выйдя в очередной раз на крыльцо выплеснуть обмывки, он услышал с дальнего конца участка звонкий голос Алевтины:

— Ай-я! Что творит, черт бесшабашный! Гляди, пупок развяжется!

— Броня крепка, и танки наши быстры! — бойко отозвался Руслан из-под взваленной на спину железной бочки (в ней летом согревалась вода для полива), которую напряженно нес в дровяник на зимнее хранение.

Это простодушное междометие жены мгновенно вернуло Чигиря памятью в те золотые дни их раннего супружества, которые для себя писатель именовал «романтическим периодом городской жизни Алевтины»...

Благообразной старушке, дежурившей у массивной дубовой двери Дома литераторов, Чигирь широким жестом предъявил писательский билет, но даже не заглянув в него, она радушно проговорила: «Проходите, Антоша»... Цепко держа под руку мужа, Алевтина вошла в фойе с тою опаской, с какой ступают в реку в незнакомом месте. Шагая рядом, Чигирь гордился яркой красотой жены и подчеркнуто любезно раскланивался с коллегами.

— Надо же... — восхищалась она, плотнее прижимаясь к мужу. — Даже Евтушенко тебя знает...

— Я — широко известный писатель, — отшучивался Антон.

Ресторанный зал был наполнен гулом возбужденных голосов, звоном посуды и аппетитными запахами стряпни. Дежурный администратор, элегантная моложавая блондинка Антонина Ивановна, заметив их, сразу же выдвинулась навстречу.

— У нас, как всегда, Антон, — под завязку, — приветливо произнесла она. — Но для вас что-нибудь придумаем... Вон у стеночки столик на троих... Семен Петрович как раз расплывается...

Усевшись напротив круглолицего бритоголового старика с двумя лауреатскими значками на лацкане, Алевтина не сводила с него восторженно-узнающего взгляда, и классик советской литературы, допив кофе и утерев салфеткой лоснящиеся губы, ободряюще кивнул:

— Вы не ошиблись, детка. Я Семен Бабаевский.

— А разве вы... — пискнула она. — Разве вы... живы?

— К сожалению, — горько усмехнулся писатель, поднимаясь. — Приятного аппетита.

— Ой, как же я могла такое брякнуть... — зарделась Алевтина, прикладывая ладони к щекам. — Как неудобно получилось...

— Не расстраивайся, малышка, — покровительственно успокоил Антон. — Прозаик воспринял это как юмор.

— А почему он сказал «к сожалению»?

— Потому что его время ушло. Истинный художник не должен быть членом какой-то партии... И не обслуживать даже самую привлекательную социальную идею. Всякая идея со временем умирает, вечна лишь гармония

художественного произведения, — выразил Чигирь одну из его любимых мыслей, вдохновляясь созерцанием избранницы.

— Ай-я... Какой ты у меня умный, Антоша... А я тупая... как валенок... Чего ты во мне нашел...

— Ты — мое чудо, — растроганно отозвался Антон, целуя руку жены.

После нескольких рюмок Алевтина заметно осмелела, тайком изучая посетителей ресторана.

— Антоша, — заговорщически произнесла она, легонько толкнув мужа коленкой под столом. — А вот этот... с усами... что сидит у камина... неужели сам Сергей Михалков?

— Это его родной брат, — уточнил Чигирь. — Выпьет водки и пойдет в бильярдную.

— А вон тот, в клетчатом пиджаке и шейном платочке... похожий на Андрея Вознесенского...

— Это и есть Андрей Вознесенский.

— Ай-я... — прошептала Алевтина. — Надо же, столько знаменитостей, и все выпивают.

— Раньше тут собирались масоны, — сообщил Антон. — Проводили свои ритуалы. А на том балкончике, — указал он наверх, — появлялся их магистр...

— Антон, мне страшно, — пожаловалась она, накрывая его ладонь своею. — Я ничегошеньки в вашей Москве не знаю и не понимаю... Составь мне хотя бы список литературы... чего надо прочитать...

— Освоишься! — легкомысленно отозвался Чигирь. — Походим с тобой по театрам, концертным залам... Ты ведь у меня очень способная девочка.

Работая споро и подбадривая друг друга шутками Алевтина с Пригожим за день успели убрать озимый чеснок, вскопать и укрыть компостом грядки, а также обиходить кусты смороди-

ны, крыжовника и черноплодной рябины, под каждый из которых было насыпано осеннее химическое удобрение и вылиты несколько ведер воды. К вечеру похолодало, спустился моросящий дождь, и они, встряхнув на веранде мокрые плащи, весело возвратились в настоявшееся, уютное тепло протопленного Чигирем дома.

— Я по чаю не скушаю, абы водочка была! — потирая руки воскликнул Руслан, бегло обозрев накрытый Антоном Петровичем стол.

— Ты насчет водочки сильно губы не раскатывай, — усмешливо заметила Алевтина. — Нам завтра еще на целый день работы.

— Вы уж извините, Руслан, — повинился Чигирь. — Лишили вас воскресного отдыха.

— Да какой у меня отдых... — поскучнел Пригожий. — Телевизор или во дворе с мужиками «козла» забивать... Мама с сестрой живут в Бобруйске, а женушка два года назад взяла нашего Никитку, да и укатила с морским офицером в Калининград... Верите, иногда бываю рад, когда в выходной вызывают устранять засор или протечку...

— Да уж, Руслан не любит сидеть без дела, это точно, — заметила Алевтина, раздумываясь после нескольких рюмок. — Повезло нашему председателю Ивану Степановичу с таким работником. Он и гоняет его в хвост и в гриву...

— А тебя, Алевтина Ивановна, разве не гоняет? — поднял выгоревшие бровки Пригожий. — Твое дело рассчитывать пенсионерам льготы да сдавать отчеты в отдел субсидий. А он тебя заставляет бегать по организациям, будто ты его заместитель! Я тут как-то выпил и все ему... *прямо инкогнито*... высказал: будешь, мол, обижать Алевтину Ивановну — все твои делишки вскрою...

— Закусывай получше, заступничек... — улыбчиво посоветовала Алевтина. — Да и к чаю пора переходить...

— Чай не водка, много не выпьешь! — отозвался Руслан. — Верно, Антон Петрович?

Чигирь усмешливо кивнул; писательским опытом он уже определил Пригожего как весьма редкий тип человека с «душой нараспашку», общение с которым занятно и необременительно.

— Может, это пригодится вам для романа... — между тем обратился гость к Антону Петровичу. — Может, куда-то вставьте... Я ведь с семейной точки пострадал частично из-за беленькой... И не потому что какой-то забудыга, не отнюдь! Беда в том, что я компанейский; чтобы друзья, прекрасный пол, анекдотцы, распевание песен...

— Русик, — предостерегающе проговорила Алевтина. — Ты уверен, что Антону Петровичу это интересно?

— Так он же писатель! — воскликнул Пригожий. — Ему же протопопы нужны!

— Руслан прав, — улыбнулся Чигирь. — Без прототипов мы никуда.

— А я что говорю! — откликнулся Руслан. — Ну вот, шоферу я, значит, в экспедиции курортологии, изучаем башкирское озеро Яктыкуль, химия там, кишечная палочка и все такое... Живем в рабочем вагончике, а рядом богатеющий санаторий, и дамочки там, хотя и принимают лечебные грязи и днем имеют задумчивый вид, к вечеру оживают и идут на танцы...

— Ну вот что, мужчины, — проговорила Алевтина, допивая чай. — Добивайте вашу беленькую и договаривайте ваши разговоры, а я пошла в люлю...

Минуту спустя шаги ее глухо протопали по лестнице, ведущей на мансарду.

— Ну вот! — оживился Пригожий. — И оказался я, Петрович, как козел в капусте! Днем работаю, а к вечеру бутылочка уже под сиденьем заготовлена, гитарка настроена семиструнная... Дошел до того, что стал вести им счет! С мая по октябрь целых девять штук! Ума непостижимо! Вернулся домой — сыну

велосипед, Катерине колечко с бирюзой... Но несмотря что с чужими был как жеребец, с законной супругой у меня получился полный крах и провал... Будто заколодило... «Велосипед, говорит она, так и быть оставим, а ты нам *в таком виде* не нужен, поскольку поистаскался и неизвестно, какая на тебе зараза...» А как нашла тайный список под обложкой моей записной — тут же на развод подала... Вот такая из меня вышла Казанова...

В сочувственной мужской солидарности Чигирь в очередной раз наполнил рюмки.

— Брякнулся было перед ней на колени: «Катюшенька, прости подлеца, все осознал!» А она: «Ну, осознал, а что толку?» И тут до меня дошла вся глубина беспощадной женской натуры... Что оставалось делать? Пропить последнюю зарплату и утопиться... Подошел я к нашему декоративному пруду в Химках, и тут вспомнил, что не умею плавать! Петрович, это же завихрение мозгов и полный умаразум: не стал топиться, потому что не умею плавать! А рядом, в «Спортоварах» работала наша соседка, хорошая женщина Маринка Куранова, не помню уж, что наплел, но выдала мне кусок какой-то туристской веревки и обмылок... На опушке Химкинского лесопарка разделся я до трусов, сложил под деревом одежду и написал записку: «Товарищи милиционеры! В моей смерти прошу никого не винить. Передайте привет жене Екатерине. Все из-за нее...» Тут меня и повязали местные лесничие...

«Господи, как же все это по-русски»... — с умилением подумал Антон Петрович.

— Вот что, — проговорил он дрогнувшим голосом. — Пожалуй, подарю тебе свою книжку.

Тяжеловато поднявшись из-за стола Чигирь снял с полки самодельного стеллажа свой последний сборник повестей и рассказов, вышедший в конце горбачевского правления, и размашисто подписал: «Руслану Пригожему — дружески».

— Антон Петрович... — горячо благодарил Руслан, прижимая книгу к груди. — Я просто балдею... Это ж самый дорогой в моей жизни подарок... Мужикам покажу — не поверят...

Прежде чем уйти к себе в предбанник, он еще раз натер поясницу писателя своим едким снадобьем и обмотал шерстяным шарфом.

За ночь дождь иссяк, новый день выдался тихим и погожим. Алевтина с Русланом к вечеру выполнили все работы на участке, и Чигирь, которому, и в самом деле, стало легче после лечения, даже смог помочь им, сгребая палую листву.

В сумерках, когда Пригожий разогревал машину, прежде чем выехать со двора, Антон Петрович смущенно предположил, обращаясь к жене:

— Аленка... наверное мы должны ему что-то заплатить... Человек два дня трудился... Как ты считаешь, сколько... — уточнил он, доставая бумажник.

— Да не парься ты! — бойко отозвалась Алевтина. — С Русиком я сама разберусь!

Неудавшаяся провокация

Каждый новый рабочий день Спешнев начинал с того, что наглухо запечатывался в своем кабинете и полчаса посвящал «утренней молитве». Это была почерпнутая из самых современных зарубежных разработок система самовнушения, основанная на том, что *мысль материальна*, а потому наши подсознательные убеждения могут обеспечить удачу в бизнесе. Медитация состояла из двух частей. Сперва Диомид Диомидович, расслабленно откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, вызывал силой воображения гору банкнот, состоящую из плотных пачек, и мысленно присваивал ее, повторяя в уме вызубренный, как

таблица умножения, текст. Затем вставлял в магнитофон особый диск, вкрадчивые, едва слышные фразы на котором вызывали почти гипнотическое состояние деловой уверенности. «Я успешный и богатый человек!» — фиксировал его мозг. — «Я всюду вижу возможность заработать деньги!», «Я легко реализую лучшие из возможностей!», «Я люблю деньги, и деньги любят меня!», «Я магнит для денег»...

Своим сегодняшним погружением в заманчивый мир преуспевания Спешнев остался крайне недоволен: сеанс провел он рассеянно, мысли невольно переключались на Оксану, неверность которой могла открыться с визитом частного агента Нефедова, которому было назначено на десять утра; и когда сыщик переступил порог кабинета, Диомид Диомидович встретил его почти раздраженно.

Усевшись напротив хозяина, Нефедов с усталым вздохом и выражением покорного смирения на круглом поношенном лице расстегнул свой обшарпанный портфель и, глубоко засунув руку в его потайные глубины, блекло проговорил:

— Сегодня будем смотреть кино.

У Диомида Диомидовича неприятно похолодело в груди, и пока сыщик возился с видеомэгнитофоном, устанавливая кассету, он незаметно положил под язык таблетку валидола.

Экран телевизора дрогнул, оживая, по нему пробежала какая-то цифирь и звездочки, после чего камера, помещенная, судя по всему, где-то наверху, выявила довольно просторный объем фотостудии со всем реквизитом, характерным для подобных заведений.

Оксана вошла в кадр откуда-то слева — в черном кожаном боди с заклепками, чуть поддерживающем оголенную грудь, высоких ботфортах и крагах до локтей. Гарцующей походкой она приблизилась к навороченному, поблескивающему никелем, мотоциклу и, ловко перекинув ногу через сиденье, утвердилась на нем в гибкой кошачьей позе.

Тут же возник молодой статный фотограф в буйной гриве каштановых волос и, припав на колено, начал делать снимки, осторожными жестами что-то поясняя модели.

— Фильм будет немой, — заметил Нефедов, поедая бутерброды и шумно прихлебывая кофе.

В эти минуты Диомид Диомидович почти ненавидел сыщика, бесцеремонно копающегося в его личной жизни.

Но не сам ли он согласился с провокацией, предложенной Нефедовым?!

Разработанный агентом подлый сценарий проверки Оксаны на верность был довольно прост и психологически точно выверен: молодая женщина, помещенная Спешневым в «золотую клетку», испытывала ностальгию по тем временам, когда кратко просверкнула на подиуме. И когда муж неожиданно предложил ей принять участие в презентации меховых изделий фирмы Ангелины Бондарь — с радостью согласилась. Когда же восхищенный красотой девушки «модный фотограф» стал горячо зазывать ее позировать для обложки гламурного журнала — Диомид Диомидович дал разрешение...

Между тем действие фотосессии переместилось на круглое, обтянутой черным шелком ложе со множеством валиков и подушечек (нечто подобное видел Спешнев в порнофильмах), где на Оксане были лишь узкие кружевные трусики. Все более подчиняясь воле фотографа, который мягко, но настойчиво управлял ею, модель постепенно раскрепощалась, ее улыбка, направленная в объектив, делалась все соблазнительнее, и в конце концов она непринужденно освободилась от последнего лоскутка одежды...

Чувствуя ишемическую одышку и шум в голове Диомид Диомидович принял вторую таблетку валидола.

В джакузи, где Оксана игриво намыливала мочалкой свое литое тело и, погружаясь в пену, кокетливо выставляла из нее то одну, то другую точеную ногу, — она, похоже, полностью вошла в роль и, как казалось Спешневу, уже адресовала зазыв-

ную улыбку своему повелителю, этому патлатому студентушке, обманно лицедействующему здесь, пока к нему не пришла слава великого актера... Студентушке в дешевой маечке с изображением Мэрилин Монро и потертых, скорее всего, единственных джинсах, который имеет койку в общежитии, подрабатывает в Новый год Дедом Морозом и питается дешевыми пельменями... Но этот чертов соблазнитель имел одно неоспоримое преимущество перед миллионером и ВИП-персоной Спешневым — молодость, которую не купишь ни за какие деньги...

И, похоже, это преимущество юного красавчика уже покорило Оксану: после ванны она позволила фотографу вытереть себя махровым полотенцем...

В толстом банном халате, согреваясь спиртным за небольшим столиком у стены, Оксана заразительно смеялась шуткам актеришки, откидываясь на спинку кресла, а он подкладывал ей на тарелку очередной очищенный банан, фрукт, который в современной секс-индустрии имел вполне определенный статус эротического символа.

Когда обнаженная Оксана вновь оказалась на черном ложе, Диомид Диомидович приготовился к худшему; его начало мутить, и он понял, что не выживет, если *это* случится...

Сделав несколько снимков, лже-фотограф отложил камеру, встал перед «моделью» на колени и принялся страстно целовать ее ноги, поднимаясь от лодыжек к бедрам.

Сердце Спешнева зависло в пустоте, и обморочный дурман начал туманить рассудок.

Оксана лежала недвижно, отдаваясь неге, потом резко поднялась на ложе, на какое-то мгновение Диомид Диомидович увидел ее расширенные то ли страхом, то ли возмущением темные глаза; от хлесткой пощечины студентик странно дернулся и свалился на пол...

— Как видите, ваша жена вам верна, — констатировал Нефедов, когда Оксана, схватив халат, исчезла из кадра.

На свинцовых негнувшихся ногах Спешнев подошел к бару и достал из него бутылку коньяка.

— Вы неплохо поработали, — проговорил он каким-то не своим, деревянным голосом, плеснув сыщику в тяжелый хрустальный стакан.

Распробовав напиток на вкус и запах, тот прикрыл глаза, поддаваясь благодати опьянения, и проговорил, задумчиво растягивая слова:

— С одной стороны... это хорошо, что она не связывается с первым встречным... Но с другой... если у нее, в самом деле, кто-то есть... это может быть очень серьезно.

Крушение

В очередной раз позвонил редактор Дмитрий Юрьевич.

— Антон Петрович, — поинтересовался он. — Надеюсь, вы наконец определились со своим спонсором?

— Видите ли... — растерялся Чигирь. — Человек он крайне занятой...

— Прошу вас... — редактор приглушил голос. — Сейчас самая благоприятная ситуация... Осень — время издательской активности... Пожалуйста, поторопитесь. Тем более, что калькуляция вашей книги составлена.

Последние дни Антон Петрович пребывал в тягостной зависимости от звонка Диомида, но друг все не объявлялся. Такая необходимость наводила на мысль, что для миллионера нынешний Чигирь — человек *второго сорта*... Да и можно ли было назвать дружбой их нынешние отношения, которые держались лишь на воспоминаниях... Природная гордость не позволяла Антону Петровичу первым нарушить это изнурительное телефонное молчание, которое ввергало его в хандру и бессонницу.

И вот после сегодняшнего звонка Дмитрия Юрьевича Чигирь вдруг нашел спасительную лазейку, позволившую набрать номер Спешнева.

— Димон, — проговорил он, с трудом выдерживая непринужденный тон. — Ты куда-то пропал... Я уж забеспокоился — не случилось ли чего...

(Вышло неискренне, с какой-то холопской фальшью в интонации)

— Да нет, Антон, все в порядке, — беспечно ответил Диомид. — Просто закрутился... Дела, брат... Ну, как там наши издатели?

— Они все просчитали, — ободрился Антон Петрович. — Тысяча экземпляров будет стоить сто тридцать тысяч рублей.

В разговоре наступила долгая, провальная пауза.

— Я склонен рассматривать *эту сделку как коммерческий проект*, — наконец отозвался Спешнев. — Я инвестирую в него названную сумму, и она должна вернуться с прибылью. Таковы законы рынка, Антон. Деньги должны работать.

— Они... предусмотрели и такой вариант, — подхватил Чигирь, презирая себя. — Издательство сдает тираж на реализацию через свою торговую сеть, и ты получаешь свою прибыль.

— И какова будет сумма?

— Это определится после того, как будет готов оригинал-макет и назначена отпускная цена книги.

Диомид неопределенно хмыкнул.

— А когда я эту прибыль получу?

— Точно сказать нельзя... В зависимости от того, как скоро раскупится тираж...

— Антоша! — в голосе Спешнева зазвучала саркастичекая интонация. — Ты... со своим художественным творчеством... витаешь в облаках! Где ты видел бизнесмена, кото-

рый вложит деньги в проект, не зная, когда и насколько он окупится?!

«Наивный идиот! Дебильный «инженер человеческих душ»! — мысленно корил себя Чигирь. — Неужели ты, старый дурак, до сих пор не понял, что хроническое заболевание души неизлечимо? Что твой прежний друг Димон, который готов был ради тебя продать единственное пальто, трагически переродился, как только у него появились большие деньги?»...

Массивные колонны терракотового цвета, полупрозрачные китайские фонарики на шелковых шнурах, причудливая вязь росписи капителей и потолка — все это, в сочетании с тихой экзотической музыкой, создавало в зале таинственную, пряную атмосферу Востока. Ресторан «Пекин» Чигирь со Спешневым любили со студенческих лет и, случалось, подолгу копили деньги, чтобы его посетить.

В тот памятный раз инициатором похода выступил «молодой специалист» Спешнев, который позвонил Антону в общежитие на улице Руставели. Третьим он пригласил их институтского однокашника Леву Шульмана, попавшего по распределению на работу в интернат для детей с дефектами развития. (Мединститут был закончен почти два года назад, но прежние студенческие связи оставались крепкими.) Повод для застолья — по тем временам — выдался просто фантастический: Диомиду досталась доля наследства от скончавшейся в Париже родственницы! Оказалось, аристократическая врачебная династия Спешневых после революции рассеялась по свету, о чем сам Диомид узнал лишь, когда его вызвали «куда следует»... О полученной сумме Спешнев загадочно умалчивал, но, видимо, она была немалой, раз он сумел купить черную «Волгу», автомобиль, на котором

в те времена разъезжали лишь партийные бонзы и крупные хозяйственники.

— И так, братцы-кролики, что вам заказать? — бодро спросил Диомид, раскрывая меню.

— Чем угостишь, то и съедим, богаченький Буратинка, — робко пошутил Лева. Тщедушный, в черном засаленном пиджаке и очках с толстыми стеклами, он был редкостным всезнайкой и среди однокурсников получил прозвище «ходячая энциклопедия». Женившись на пятом курсе, Шульман имел двоих детей и сильно бедствовал.

— Утка по-пекински это будет для вас уж слишком, — размышлял Спешнев. — А вот грибы сян-гу, салат из плавника акулы и трепанги...

— Спасибо, щедрый буржуин! — хохотнул Антон, радуясь сказочному обогащению друга.

После нескольких рюмок рисовой водки у Левы развязался язык, и он начал анализировать события в Польше, где профсоюз «Солидарность» закладывал «мину замедленного действия» под весь социалистический лагерь. Диомид слушал его вполуха и с выражением сытого равнодушия на располневшем лице курил дорогую импортную сигарету. Антон — по привычке холостого «вольного охотника» вскоре выцелил за одним из столиков, где собрался «девичник», пухленькую хохотушку с жемчужной пряжкой в ореховых волосах и, пригласив на танец, стал обладателем заветного телефона.

Когда официантка принесла счет, Диомид, даже не взглянув, небрежно бросил его на середину стола.

— А денег-то у меня, братцы-кролики, нет, — проговорил он, нервно облизывая губы. — Все деньги у беспощадной жены Татьяны. Я сбегаю в туалет, а вы расплатитесь.

— Это что, Антон... шутка? — наливаясь помидорной красной тихо спросил Лева, когда Спешнев отошел.

— Да не похоже... — озадаченно отозвался Чигирь.

Прятели выгребли из карманов все, что было и расплатились, сгорая от стыда, что не хватило на «чаевые».

— Сколько его знаю... Таким он никогда не был... — недоумевал Антон.

— Но и черной «Волги» у него никогда не было, — прощательно заметил Лева.

Укротив в конце концов свой гнев и пережив унижение, в котором, благодушно доверившись давней молодой дружбе с нынешним миллионером, сам же был повинен (разве не жил он до этого по принципу «никогда не проси у богатых»?!), Чигирь понял, что Спешнев пообещал ему помощь, поддавшись минутной слабости; на самом же деле он патологически неспособен расстаться с деньгами. Воистину, «всякий, делающий грех, есть раб греха», — с горечью вспомнил Антон Петрович евангельскую мудрость.

Свадьба Вавилонского

Этот октябрьский день, солнечный и ясный, был последним отсветом «бабьего лета», но воздух уже дышал прозрачной прохладой грядущей непогоды, и гости, сидящие на трибуне для VIP-персон, походили на нахохлившихся птиц.

Спешнев заботливо обнимал зябнущую под норковой шубкой жену, испытывая повинное предательское чувство за продолжающуюся тайную проверку ее супружеской верности и время от времени предлагал свою плоскую серебряную фляжку с коньяком.

— Папик, сегодня хочу напиться! — бесшабашно призналась Оксана, и в голосе ее Диомиду Диомидовичу послышались опасные истерические нотки.

После того, как молодожены Вавилонские зарегистрировались во Дворце бракосочетаний, свадебное торжество, в соответствии со сценарием, должно было переместиться сюда, на Ходынское поле, где организаторы заранее расставили легкие торговые палатки и соорудили крытую сцену для выступления кандидата в президенты Бориса Вавилонского перед народом и последующего рок-концерта. Перед ней, на пожухлой осенней траве, пестрело ленивое лежбище обнимающейся и сосущей пиво молодежи. Чуть поодаль, переминаясь на ногах, сдержанным нетерпением ожидания гудела многотысячная толпа, устремив взгляды в мутноватое московское небо, откуда, по слухам, должны были явиться лидер «Честной России» с новоявленной супругой.

Наконец вдалеке, над желтыми верхушками Березовой Рощи, медленно взмыл оранжевый воздушный шар с эмблемой корпорации Вавилонского (нефтяная вышка на фоне восходящего солнца) и стал медленно приближаться к собравшимся, влекомый, как вскоре выяснилось, на тресе мощным армейским тягачом.

— Вот он! Вот он, волнительный момент, которого мы так ждали! — раздался со сцены захлебывающийся от радости микрофонный голос ведущего. — Борис Лазаревич Вавилонский и его очаровательная супруга Розалия в буквальном смысле спускаются с неба ко всем нам, жаждущим перемен! Ко всем, связывающим с именем Вавилонского надежду на достойную жизнь и процветание России! Поприветствуем же будущего президента страны и ее будущую Первую Леди!

Толпа отозвалась аплодисментами и ревом ликования.

Брачный союз Вавилонского и дочери «алюминиевого короля» Аркадия Центнера созрел так неожиданно и скрытно,

что даже вездесущая желтая пресса ухватилась лишь за хвостик сенсационной новости. В газетенке «Гламурная жизнь» полмесяца назад появилось несколько мутных снимков, сделанных якобы на ямайской вилле олигарха. Там похожий на Бориса Лазаревича толстяк и похожая на Розалию Центнер полнотелая дама в закрытом купальнике загорали на морском берегу среди пальм и весьма неуклюже замахивались ракетками на теннисном корте. Однако, качество фотографий было столь низким, что даже скандальные газетчики, опасаясь очередного судебного разбирательства, сопроводили их текстом со знаком вопроса: «Известный олигарх развлекается с дочерью «алюминиевого короля»? Когда же о свадьбе было объявлено официально, ведущие политические обозреватели, оценивая событие, сошлись в едином мнении: «Политический тяжеловес Борис Вавилонский потяжелел на Центнер».

Учитывая исторический опыт прежней Ходынки, когда собравшиеся на угощение от царя Николая II в день его коронации россияне передавали друг друга, устроители нынешнего торжества решили не выставлять на поле столы с угощениями, ограничившись пивом, а также агитационной литературой «Честной России», которую распространяли в толпе шустрые партийные функционеры.

Достигнув заранее очерченного круга перед трибуной VIP-персон воздушный шар начал медлительно снижаться, корзина коснулась наконец земли и из нее вышли, отблескивая мехом собольих шуб, приветливо улыбающиеся супруги. В живом коридоре из охраны и почетных гостей, проворно снявшихся с трибуны, они проследовали по ковровой дорожке к фэнтону, запряженному шестеркой белых лошадей, на котором, согласно сценарию, Вавилонский должен был подъехать с молодой женой к эстраде и произнести краткую программную речь. Но все пошло, как это часто случается в России, совсем не по плану.

И виновницей последующих событий, повторивших трагедию 1894 года, стала Розалия Центнер, которая из своих двадцати восьми лет девятнадцать провела в туманном Альбионе, по-русски говорила с акцентом и, судя по всему, была не искушена в российской истории и особенностях народного менталитета. Восседая рядом с мужем она сперва расточала россиянам щедрые улыбки и воздушные поцелуи, потом неожиданно раскрыла сумочку и стала широко рассеивать стодолларовые купюры.

— Дура, что ж она делает?! — воскликнул Спешнев, стоя в первом ряду живого коридора и в слепом предощущении опасности плотнее прихватывая Оксану под руку.

Кучер в белых перчатках, черном фраке и цилиндре на мгновение повернулся к молодоженам и что-то предупреждающе прокричал, но было уже поздно. Отталкивая и сбивая друга с ног люди кинулись подбирать деньги, ревущая толпа сомкнулась, перекрывая путь фаэтону, испуганные лошади понесли, подминая копытами и разметая по сторонам всех, кто попадался на пути. Крики о помощи, стоны раненых, женский плач — все это смешалось в осеннем воздухе. Диомид Диомидович, задыхаясь от панического страха и теснящих со всех сторон беспокойных тел, из последних сил удерживал пронзительно вопящую жену, которую неуправляемый людской поток готов был оторвать от него. Их неудержимо затягивало куда-то в середину смертельной давилни, Спешнев впрямь видел расширенные ужасом глаза окружающих людей, распахнутые в черном крике рты и бледные искаженные лица. У Диомида Диомидовича полуобморочно потемнело в глазах, но в следующую минуту он почувствовал рядом крепкое спасительное плечо Виктора. Телохранитель, которому Спешнев приказал ждать их с Оксаной в автомобиле, понадеявшись на «железный щит» ОМОНа и милиции, каким-то чудом отыскал их и даже сумел вытащить на окраину обезумевшей толпы.

Норковая шубка жены была изодрана в клочья; в машине Оксану сотрясало от рыданий, и зубы мелко стучали о горлышко фляжки, которую поспешно протянул ей Диомид Диомидович.

— Хочу... Хочу домой... — тоненько выскуливала она.

— Это исключено, малышка... — мягко отзывался Спешнев, по-отечески глядя ее по голове. — Мы же приглашены... Приглашены на свадебное торжество...

— После всего этого... торжество? — округлила она глаза.

Диомид Диомидович ничего не ответил, крепко сжимая озябшую ладошку жены.

Молодожены уже сидели в длиннющей свадебной машине цвета слоновой кости, на крыше которой искрило золотом переплетение двух колец; обезумевшие лошади вынесли их из толпы и были укрощены расторопной обслугой. Правда, и тут не обошлось без казуса: когда Розалия выходила из фаэтона, опираясь на руку супруга, разгоряченная кобыла отхлестала ее хвостом по щекам. (Эти кадры, снятые на телекамеру, впоследствии неоднократно — и не без сарказма — демонстрировались на враждебных олигарху каналах.)

Поскольку выступление Вавилонского не состоялось, второпях был начат концерт, и пронзительные сигналы карет скорой помощи и милицейских машин утонули в звуках электрогитар и ударных, а также хриплом вое певца, исполняющего тяжелый рок.

Изрядно напуганные и помятые ВИП-персоны, сопровождаемые личной охраной, расселись по своим лоснящимся иномаркам, и свадебный кортеж, впереди которого мчались, сверкая мигалками, автомобили автоинспекции, выехал на кольцевую дорогу.

— Так и стоит перед глазами эта горбатая старушка... — пожаловалась Оксана, возвращая мужу фляжку. — Сбили с ног, а какой-то скинхед выхватил у нее костыль и крушил им всех подряд... отнимал эти чертовы доллары ...

«А ведь там Олег!» — вдруг вспомнил Спешнев, дрожащими пальцами набирая номер мобильного телефона сына. «Отзовись же, отзовись...» — мысленно умолял он, слушая длинные гудки.

— Со мной все в порядке, отец, — наконец ответил Олег сдавленным, задыхающимся голосом — Помогаем санитарам выносить раненых...

Свадебное торжество проходило в помпезном, недавно отреставрированном, похожем на гигантскую гробницу, Царицынском дворце, прихотливые строения которого в виде беседок и галерей разбросаны были по берегам зеркальных прудов среди вековых деревьев и выверенной геометрии частично восстановленного екатерининского парка.

В просторном пиршественном зале, где избыточная роскошь интерьера отдавала безвкусицей *новодела*, молодожены явились гостям под торжественные звуки марша Мендельсона; на Розалии было украшенное алмазными подвесками белоснежное платье (позже дотошные журналисты обнаружат его вес, составляющий восемнадцать килограммов, и предельную стоимость), длинный шлейф которого несли, прилежно перебирая ножками, четыре карлика в сиреневых ливреях. Вавилонский степенно вышагивал в безукоризненном фраке с поблескивающим на ленте орденом Андрея Первозванного — высокой государственной наградой, которую год назад олигарх получил из рук президента за поддержку отечественной культуры.

Гости, число которых превышало пятьсот человек, представлены были российской деловой и политической элитой, среди которых, конечно же, первенствовал самый богатый человек страны, миллиардер Аркадий Центнер — страдающий одышкой лысый старик необъятной величины. Не вставая с места он произнес в микрофон трогательное напутственное слово молодым и даже кратко прослезился. Дальнейшие приторные речи

выступающих, соответствующие торжественности момента, прерывались звоном разбиваемого на счастье об пол хрусталя, хмельным гомоном застолья и выкриками «горько!», после которых Вавилонский тайком стирал салфеткой с лица губную помаду, а Розалия все больше волновалась пышной грудью и потела подмышками.

Вскоре Диомиду Диомидовичу стало ясно, что проникновенный тост, который был заготовлен им для молодоженов, едва ли уместно произносить ему, представителю среднего класса, чье состояние несопоставимо с капиталами самых богатых людей России, окружающих сейчас Вавилонского. И он — впервые, с упрямым несогласием — ощутил свою непреодолимую *социальную удаленность* от олигарха, которого до этого уже считал почти другом...

Его все больше беспокоила Оксана, которая накачивалась коньяком, обводя собравшихся осветленным, плавающим взглядом и выявляя на хорошеньком личике совсем новую, язвительную гримаску.

— Папик, — говорила она, пошатываясь от выпитого. — Они так веселятся... Будто ничего не произошло... Скажи... на самом деле... *ничего не произошло?*

— Детка, пойми... — шептал ей на ухо Спешнев. — Это *большая политика*.

— И в ней нет... нет горбатой старухи, которую раздавили?

— Вспомни Пушкина: «Так тяжкий млат, дробя стекло кует булат»...

— И что ж это будет за «булат»?! — вдруг подвизгнула Оксана, вцепляясь в лацканы спешневского смокинга. — И для кого, скажи, папик!

Диомид Диомидович понял, что жена совершенно пьяна и, ласково увещевая, поспешил вывести ее из зала.

Истерика случилась с нею уже в машине.

Возврат рукописи

В конце октября погожие дни сменились дождями, шквалистый ветер гнал по небу клочья грязных облаков и рвал последнюю бурую листву с подмосковных лесов. Дачный поселок опустел, сады и огороды, отдавшие очередной урожай и подготовленные к зиме, выглядели неживыми и в сочетании с закрытыми ставнями ослепших домов, амбарными замками на калитках и серой тишиной безлюдья вызывали у Антона Петровича глухое уныние.

Чигирь готовился к холодам: валил в лесу сухостой (благо участок его прилегал к опушке), распиливал и на тачке доставлял поленья во двор, а после выкладывал в сарае аккуратную поленицу колотых дров.

Но даже эти потные труды не гасили уныния и не избавляли от мрачных мыслей об очередной неудаче с публикацией книги.

Обида на спешнева разъедала больную душу Антона Петровича, за последние годы уже свыкшегося было со своим положением безвестного писателя, работающего «в стол»...

Прозрение пришло бессонной ночью, когда сквозь шумы и потрескивания в транзисторном приемнике, заглушив новости радиостанции «Свобода» (как и в советские времена, Чигирь уже не доверял официальной пропаганде), вдруг всплыла мелодия китайского гимна. Антон Петрович в мельчайших подробностях, будто это случилось вчера, вспомнил свой поход со Спешневым илевой Шульманом в ресторан «Пекин», полное, нагловатое лицо Диомида, отказавшегося платить по счету, и устыдился своего порочного себялюбия: это он, Диомид Диомидович Спешнев, бывший славный и добрый парень, а ныне миллионер, служащий маммоне и барахтающийся в сетях антихристовых, нуждается в помощи Чигиря...

Утром, надев грубый брезентовый плащ и вооружившись своим посохом, Антон Петрович сквозь дождливую непогоду отправился в местный храм Николы Угодника, золотой купол которого высился на взгорке среди полураздетых деревьев.

— «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои, — тихо зывал он, стоя на коленях перед иконой святого. — ...Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое перед очами Твоими сделал... Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня. Научу беззаконных путям Твоим и нечестивые к тебе обратятся...»

Покаявшись, Антон Петрович взмолился о заблудшем друге своем, прося Всевышнего вывести Спешнева на прежнюю дорогу добра и братолюбия, которою тот шел с юности, очистить душу его от скверны смертных грехов — гордыни и жадности, похоти и зависти, чревоугодия и гневливости... После чего поставил свечу за здравие Диомида.

Душа просветлела, и на время к Чигирю вернулось мудрое спокойствие творца, занятого святым литературным трудом и чуждого окружающей мирской суете.

Рукопись романа «Пиршество на погосте» из издательства пришлось забрать.

Удрученный неудачей с публикацией произведения Чигиря пунцовый от волнения редактор Дмитрий Юрьевич хлопал своими круглыми глазами совенка, растерянно приговаривая:

— Жаль, как жаль, Антон Петрович, что ваш инвестор оказался таким ненадежным...

— У него возникли проблемы с бизнесом, — слукавил Чигирь.

— Наши бизнесмены — что пауки в банке... — вздохнул Дмитрий Юрьевич и печально добавил: — Право, досадно с вами расставаться, Антон Петрович... Может, все-таки посо-

трудничаем? Может, напишете что-нибудь... специально для нас? Подготовим договор, дадим аванс... Я тут прикинул... У вас бы здорово получилось... нечто... в стиле готического романа... С мистикой, ведьмами, кострами инквизиции... Что скажете? Это будет роман о двух карлика... — Он задумчиво пожевал губами и продолжил: — Двух карлика в утробе матери... Она акробатка, беременна от клоуна... Они еще не явились на свет, но знают, что будут карликами и у них будет общая любовница, цирковая силачка, эдакая Брунгильда... Ну, как?

— Я подумаю, Дмитрий Юрьевич, — ответил Чигирь, краснея и отводя глаза в сторону.

— Вот и славно! — оживился редактор. — Сейчас карлики в моде.

Оргия

— Вы замечаете, Диомид Диомидович, что-то необычное в поведении жены? — деликатно поинтересовался детектив Нефедов, запивая черным кофе приготовленные Кариной бутерброды.

Как всегда, он был голоден, а бледное пористое лицо имело выражение усталости и печали.

«Похоже, он мне сочувствует», — подумал Спешнев, и от гадкого предощущения дурных новостей у него засосало под ложечкой.

— Она изменилась до неузнаваемости, — признался доктор. — Замкнулась в себе, стала раздражительной и нетерпимой.

— А интимная жизнь? — понизил голос Нефедов. — Вы уж извините, что вынужден спрашивать...

— Да нет никакой интимной жизни, — жестко отозвался

Диомид Диомидович, раздосадованный профессиональным любопытством сыщика.

Тот задумчиво покачал головой, как бы говоря: «Я так и думал» и попросил разрешения закурить.

Спешнев раскрыл подаренную одним из пациентов шкатулку красного дерева с дорогими сигарами, но детектив от угощения отказался:

— Премного благодарен... Но я привык к родному «Союзу»...

— Оксану потрясли события на Ходынке, — заметил Диомид Диомидович, отстригая кончик своей сигары. — Возможно, именно с этим связано ее состояние... Я проводил с ней даже сеансы психоанализа...

Некоторое время они курили в сосредоточенном молчании. Сизые волокна табачного дыма извилисто струились к потолку. В приоткрытую фрамугу долетал частый перестук пригородных поездов.

— Обычно эти доброжелатели возникают, когда у женщины появляются проблемы... — задумчиво проговорил Нефедов. — Обещают вернуть светлое детское восприятие жизни, вырвать из круга надоевших будничных проблем...

Спешнев устремил на него недоуменный вопросительный взгляд.

— Я имею в виду всех этих гуру, посвященных и прочих шарлатанов, — пояснил детектив. — Вместо подлинного решения проблем они предлагают их замещение, нечто вроде наркотика для души... Никаких ограничений, никакой морали... Разбудите Природу в себе, возродитесь через эротическое наслаждение... Словом, винегрет из восточной философии и секс без границ... После их «семинаров» и «тренингов» женщины не хотят возвращаться ни в семью, ни в реальный мир...

— Вы хотите сказать... Оксану заманили в секту?

— Похоже на то, — вздохнул Нефедов, раскрывая свой потрепанный портфель. — Может, это тантристы с их принципом возвышения через падение и ритуальными совокуплениями, а возможно исповедующие «Путь Шоу Дао» с их культом удовольствия и практикой взаимного стимулирования эrogenных зон всеми присутствующими... Выглядит это примерно так. — И сыщик разложил на столешнице десятка полтора фотографий.

От увиденного у Диомида Диомидовича перед глазами поплыли оранжевые круги, и он грузно навалился на стол, стараясь сохранить равновесие.

— Это особняк на улице Живописной, — пояснил детектив, и голос его долетал до Спешнева едва слышно, будто сквозь вату в ушах. — В тридцатые-сороковые это было пригородное поселение членов Союза художников, теперь обычная улица Москвы... Принадлежала усадьба известному скульптору Аристарху Камскому... Вот и его изваяние Павлика Морозова в палисаднике... За качество фото в интерьере прошу извинить, снимал через окно, а стекла давно не мыты...

Запечатленное сыщиком действо совершалось в просторной зале, устланной коврами, со множеством настенных картин в жанре ню. Совершенно обнажены были и участницы «свального греха» — несколько молодых девушек с идеальными фигурами, среди которых Спешнев, внезапно ощутив пустынную сухость во рту, узнал свою жену...

— А вот и хозяйка дома Золотарева Инга Геннадьевна, — пояснил детектив, указав на фотографию высокой стройной дамы в кожаной эротической амуниции, сухое, меловой белизны лицо которой показалась Диомиду Диомидовичу смутно знакомым. — Сорока лет, дипломированный психолог, три года в Женеве с мужем-дипломатом, теперь разведена...

Фотоснимки отразили гибкие сплетения женских тел в изощренных лесбийских ласках, был среди них и мускулистый атлет, загадочный блондин в черной маске.

— Мистер Икс, — прокомментировал Нефедов. — Личность установить не удалось, но его роль племенного жеребца несомненна.

Фотографии с участием этого незнакомца были столь откровенны, а вовлеченность Оксаны в общую оргию столь убийственна, что Диомид Диомидович, внезапно покрывшись обильным потом, поспешно сунул обличающие жену свидетельства в ящик стола.

— Я понимаю, — заключил сыщик. — Видеть это тяжело. Но такова правда жизни. Я могу считать мою работу выполненной?

— Несомненно, — отозвался Спешнев, почти не слыша своего голоса.

И, мысленно проклиная порочную изменницу, себя, старого рогоносца, и этого потасканного мерзавца, разрушившего его семейное гнездо, тяжело двинулся к сейфу за вознаграждением для добросовестного пинкертона.

Похороны

В казенном, настывшем зале морга, где немногочисленные родственники и друзья прощались с покойной, Чигирь, оглушенный горем, не видел ничего вокруг, кроме неподвижного пергаментного лица Натальи Евгеньевны Остроградской, выражавшего строгое достоинство прожитой жизни.

На отпевании в церкви, где сквозь пахнущий ладаном сумрак желтовато блестели живые огоньки свечей, отражаясь в окладах икон, а прощальный скорбный хор возносил голоса к высокому куполу, он пребывал в том же состоянии ватного бесчувствия и не замечал боли от расплавленного свечного воска, капающего на руку.

И лишь на кладбище, когда расторопные полупьяные могильщики опустили на потертых веревках заколоченный гроб в промерзшую рыжую щель могилы, ему открылось, что Ната уходит навсегда в жутковатое свое подземное одиночество, и он почувствовал себя предателем оттого, что остается на белом свете. Бросив, вслед за остальными, холодный ком глины на крышку гроба, он, укрывая от окружающих внезапно стеснившее рыдание, отступил в сторону и незряче побрел мимо оголенных, дрожащих в зыбком преломлении слез деревьев куда-то в глубь леса. Тут, прислонившись лбом к шершавому стволу березы, Антон Петрович по-детски безутешно выплакивал свое горе, обиженно причитая:

— Ната... Наточка... Зачем же ты так... Как же я теперь без тебя...

Рядом, откуда-то снизу, раздался ржавый рассыпчатый смешок. Стебли покрытой ноябрьским инеем ближайшей кочки зашевелились и, раздвинув их, появился бородатый карлик с длинным крючковатым носом и острыми, как у летучей мыши, ушами.

— Что ж ты, дурак, не попросил у нее денег? — дребезжающим голосом обратился он к Чигирю, почесывая бока. — У нее наследственные побрякушки в шкатулке, тебе бы не отказала...

«Кажется, схожу с ума»... — испугался Антон Петрович.

— У нее не попросил, а теперь на наше золотишко позарился? — язвительно продолжил лесной житель. — На-коси, выкуси!

Сложив шиш крохотными когтистыми пальчиками, карлик исчез, с ловкостью суслика юркнув в невидимую норку.

«Я схожу с ума!» — запаниковал Чигирь и всполошенно, цепляясь на стебли деревьев и проваливаясь в ненадежном ледке мочажин, устремился прочь от злосчастного места.

Вскоре он выбился из сил и присел на поваленную, вывороченную с корнем осину, стараясь утишить дыхание и собрать воедино раздробленные мысли разума.

Редко повиливающие в воздухе снежинки сменились тихим снегопадом. Сквозь него расплывчатым красноватым пятном угадывалось солнце, уже прошедшее по небосводу большую часть дневного пути.

«Пойду на солнце, — принял наконец решение Антон Петрович. — Оно куда-нибудь выведет».

Опираясь на подобранный суковатую палку он двинулся вперед вполне осмысленно, теперь уже спасая свою жизнь, которая обрела вдруг необъяснимую и трагическую самоценность.

Чигирь ускорял шаг, больше всего опасаясь наступления темноты. И тут ветер донес до него частый треск мотора: где-то невдалеке проезжал грузовой мотороллер, из тех, на которых раскатывают со своим нехитрым смертным инвентарем местные могильщики. Двигаясь на этот звук, спустя полчаса Антон Петрович достиг асфальтовой тверди кладбищенской аллеи...

В уютном, урчащем тепле рейсового автобуса, который вскоре вырулил на Кольцевую дорогу, Чигиря разморило, и он изо всех сил боролся со сном, чтобы не проехать нужную остановку: на свою пригородную электричку он вполне поспевал, но от Нового Иерусалима до писательского поселения местные автобусы уже не ходили, оставался один выход — переночевать у жены Алевтины в своей бывшей квартире на Тринадцатой Парковой.

Он не узнал знакомой двери на восьмом этаже, аккуратно обитой свежим черным дерматином и, нажав кнопку электрического звонка, предстал перед женой в загрязненной лесными блужданиями одежде, купленной по пути бутылкой водки в кармане пальто, и с размытым, плавающим взглядом слезящихся глаз...

— Ай-я! — воскликнула она, всплеснув руками. — Где же это ты так нахрюкался?!

— Я не пьян, — качнувшись от усталости проговорил Антон Петрович.

— А то я не вижу! — не поверила Алевтина. — Знаю ваши писательские закидоны... Да ботинки-то, ботинки сымай, я только что пол вымыла...

Этот этап освоения Алевтиной столичной жизни Чигирь мысленно именовал «периодом критического реализма». Пожалуй, начался он в «пестром буфете» Дома литераторов, со стенами, испещренными эпитафиями и дружескими шаржами на писателей, дымным табачным гомоном творческого многолюдья, где читались стихи и проза, дарились опубликованные книги, вспыхивали скандалы и даже драки, а некоторых «перебравших» творцов выносили на руках...

В тот злополучный вечер Антон занял для них с Алевтиной удобный угловой столик и, усадив жену с чашкой кофе и журналом, где опубликовали его последний рассказ, отлучился в расположенную в полуподвале фотостудию сделать свой портрет для издаваемой книги. Свою идиотскую оплошность он осознал, вернувшись в буфет через полчаса: напротив пунцовой, деревянно улыбающейся Алевтины, обставившись батареей пивных бутылок, сидел, вдохновенно декламируя ей свои стихи, поэт Марат Кульков, и под ним желтела, растекаясь по паркету, поблескивающая лужица... Кульков был пивным алкоголиком, завсегдатаем «пестрого», и подобные казусы случались с ним частенько...

— Все люди звезды, верно, Антон? — обратился он к Чигирю, когда тот приблизился. — Я утверждаю, что твоя жена тоже звезда с яркой и трагической орбитой... А соединение двух звезд — двойная трагедия...

Обескураженный Чигирь, пробормотав поэту какие-то фальшивые комплименты, вывел жену в вестибюль. Алевтина была так потрясена случившимся, что даже

отказалась продолжить вечер в ресторане. В такси, которое они, по обыкновению, взяли на ближайшей стоянке, она доверчиво прикинула к мужу, шепча на ухо жалобной скороговоркой:

— Как же так, Антоша... Ведь «в человеке все должно быть прекрасно»... А тут... с одной стороны про звезды, а с другой... Я сидела как на иголках, не знала, куда деваться...

С этого вечера началось затянувшееся на годы развенчание Алевтиной писательской братии, и со временем ее стало раздражать, что Антон, увлекшись «своей писаниной», забывает, что курить следует на лестничной площадке, явившись из Дома литераторов под хмельком ступывает с себя туфли, не расшнуровывая, и храпит по ночам.

— Я не пьян, Аленка, — повторил Антон Петрович. — Просто... мне очень плохо...

— Пойди сперва вымойся, — смягчилась жена. — А я собираю ужин.

Прежде, чем пропустить мужа в ванную, она проворно сдернула с веревки сохнувший там рабочий комбинезон, мельком пояснив: — Русик просил постирать, мне нетрудно, запустила машину, и готово...

Белизна настенного кафеля ванной комнаты, раковины и шкафчика для белья, купленного уже в отсутствие Чигиря, вызвали у Антона Петровича опасение, как бы тут не напачкать, и он даже машинально пошаркал босыми ногами по пестрому синтетическому коврику на полу. В зеркале нарядного умывальника, сияющего никелировкой, отразилось его бородатое, продубленное солнцем лицо с неустойчивым, диковатым взглядом, и Чигирь, осторожно ступая в ванну, невольно отметил: «Я сам похож на того карлика...»

После горячего душа Антон Петрович почувствовал телесное облегчение, но замкнутое пространство комнаты вызвало внезапный приступ удушья и желание поскорее очутиться на сельском просторе.

Алевтина подала мужу его полосатый банный халат из прежней, городской жизни Чигиря и совсем новые мужские шлепанцы, в которые тот ступил, подавив интуитивное отторжение.

В квартире, сияющей чистотой, писателя окружали знакомые предметы, многие из которых были приобретены им еще до женитьбы, но он чувствовал себя здесь неуклюжим и совершенно чужим.

— Совсем задичал ты в своем лесу, — попыталась пошутить Алевтина, когда сели за стол. — Хоть бы позвонил, что заедешь... Вдруг я тут с любовником?

Антон Петрович ответил хмурым молчанием, и жена — уже совсем иным, сочувственным тоном — поинтересовалась:

— Что случилось-то?

— Умерла Наталья Евгеньевна... Похоронили на Николо-Архангельском, — отозвался Антон Петрович, с трудом подавив слезливый всхлип. — Давай... помянем...

— Царство небесное... — скороговоркой произнесла Алевтина, прежде чем опрокинуть рюмку. — Пусть земля ей будет пухом...

— Пусть упокоится ее чистая душа... — поддержал Чигирь, промокая глаза рукавом халата. — Такие люди на Руси больше не рождаются...

Несколько позже, хрустко закусывая соленым огурцом, Алевтина проговорила:

— А чего ты хочешь... Ей было, поди, за восемьдесят?

— Восемьдесят три.

— Отжила свое... Как говорится, пора и на покой... Чего уж ты так убиваешься...

— Глупая ты, Алевтина, — неожиданно для себя прогово-

рил Антон Петрович, глядя жене прямо в глаза и испытывая внезапное высвобождение от какого-то тягостного, многолетнего груза.

— Да, для тебя я глупая! — взорвалась жена, и глаза ее наполнились слезами. — Куда уж нам до вас... умных... Да только зачем же ты мне, глупой, заморочил голову и сорвал с родных мест?! Разлучил с женихом, приличным парнем, морским офицером?! Ушел на полгода в автономное плавание, а я... вместо того, чтобы дожидаться... Как же! Девки, за мной приехал писатель, из самой Москвы! Златые горы обещает и поездку в Египет!

— Прости, Алевтина, — понурился Чигирь. — Я и в самом деле виноват перед тобой... Выдумал счастливую сказку, и сам в нее поверил...

— «Прости»! — передразнила Алевтина. — Простить — это проще всего... Для тебя это была придуманная сказка, а для меня самая что ни на есть натуральная жисть! (В минуты волнения она порою забывала данные мужем уроки русского языка) Ты задумывался, писатель, каково мне было в *вашей столице*, среди чужих людей?! Что мне до лампочки твои театры-консерватории... Знакомишь меня со своими прозаиками, вот, мол, какую красавицу отхватил, а у меня пот между лопатками, не знаю, какие им слова говорить и где ударение поставить... Превратил меня в домработницу, а сам, чуть что — бежишь в своей Нате, как же, у вас там с ней высокие идеи, мне, глупой, не понять... Если хочешь знать, я человеком себя почувствовала, лишь когда мы торговать стали...

В конце восьмидесятых московские писатели пережили несколько социально-политических ударов. Началось все с пресловутой горбачевской борьбы за трезвый образ жизни, когда на страницах газет целые районы страны объявляли себя «зонами трезвости», а в повседневном

быту народ гнал самогонку, заквашивал винную бурду из дешевых соков и травился средствами для очистки стекол. Алкоголь, надежный спутник пишущей братии, способствовавший вдохновению, горячим творческим спорам и теплому цеховому братолюбию за столиками буфетов и ресторана, был объявлен вне закона, и Дом литераторов стал походить на присыпанную дустом коммунальную кухню, которую разом покинули шустрые усатые обитатели, оголив мертвое пространство жизни. Этот удар создал первую, едва приметную трещину в едином идеологическом поле советской литературы, которое вскоре раскололось, подобно дрейфующей арктической льдине: писатели разделились на «коммунистов», придерживавшихся принципов старой власти, и «демократов», безоговорочно поддержавших реформы Ельцина и создавших объединение «Апрель». Антон Чигирь вступил в его ряды, потому что «жаждал перемен» и хотел быть вместе с талантливыми людьми, которых глубоко уважал: Булатом Окуджавой, Фазилем Искандером, Андреем Битовым...

В перерыве одного из первых заседаний «Апреля» литературный критик Абрам Моисеевич Эпштейн аккуратно взял Чигиря за лацкан и мягко затянул в затемненное пространство под лестницей.

— Демократия — это хорошо, — заговорщически произнес он, отблескивая стеклами очков. — Более того — это замечательно... Но у нас с вами, Антоша, молодые жены. Как вы собираетесь выживать в образовавшемся бардаке и во что будете одеваться, когда английское платье вашей Алевтины выйдет из моды, а вы доносите ваш замшевый пиджак?

Антон растерянно пожал плечами. «Образовавшийся бардак», по сути, означал полную катастрофу прежней пи-

сательской жизни: мало того, что Союз писателей утратил свой статус аванпоста идеологического фронта, рухнул Литфонд, обеспечивавший творцам оплату больничных листов, творческих командировок и Домов творчества, а к тому же лишились средств центральные столичные издательства, где можно было не только выпустить книгу, но и получить рукопись на рецензирование...

— Откровенно говоря, я ничего не смог придумать, Абрам Моисеевич, — признался Чигирь. — Недавно шел мимо кинотеатра «Художественный», и в скверике какие-то беспризорники делили деньги... И я им позавидовал! Позавидовал, потому что не знаю, где заработать... Обещали место в районной поликлинике, но в последний момент терапевт отказался уходить на пенсию...

— А зачем вам думать, Антоша, — пошутил в своей манере Абрам Моисеевич, — когда за вас уже подумал многомудрый Эпштейн? — И, приблизившись к уху Чигиря, добавил: — Грядет расцвет кооперативного движения. Мы с вами создадим первый в стране кооператив писателей. Исключительно для себя и наших прекрасных жен. Мы послужим новой культуре и хорошо заработаем. Мы купим катер и поплывем по Волге... Рассветы и закаты, собственноручно пойманная вобла к пиву, свежие писательские впечатления... Соглашайтесь, коллега, — дружески потрепал он Антона по плечу.

— Я согласен! — выпалил Чигирь.

Месяц спустя был написан (с помощью знакомого юриста Абрама Моисеевича) устав кооператива и составлено его штатное расписание: Эпштейн — председатель; Чигирь — заместитель. На должность главного бухгалтера удачно подошла Алевтина, которая, как выяснилось, хотя в Северодвинске и «строила подводные лодки», но работала товароведом в гарнизонном магазине после окончания

торгового техникума. Молодая жена Эпштейна поэтесса Татьяна Сазонова после долгих обсуждений получила должность бухгалтера по материальному учету, о чем сразу же сочинила иронический стишок. Коммерческим директором назначили однокашника Сазоновой по литинституту поэта Всеволода Костырю — пухлогубого русоволосого юношу с застенчивым взглядом, тяготеющего в своем творчестве к символистам.

Юридический адрес, стараниями Абрама Моисеевича, будущему кооперативу предоставил литинститут, после чего для председателя и его заместителя начался утомительный этап обивания порогов служебных кабинетов для многочисленных согласований. Проницательный Эпштейн заранее узнавал о политических пристрастиях очередного чиновника (а среди них было немало «коммуняк») и, хитроумно прикрепив свой орден «Знак почета», полученный при советской власти, на клапан нагрудного кармана, то выставлял его напоказ, то прятал внутрь.

Потом пришла пора бесконечных собраний, где выработывалась «генеральная линия» деятельности кооператива, которому дали поэтическое название «Ода». Абрам Моисеевич фонтанировал идеями: организация литературных вечеров; студия для обучения молодых литературному творчеству; рецензирование рукописей начинающих авторов; в перспективе — собственное издательство... Постепенно нескончаемая говорильня членов «Оды» начала пробуксовывать, и открылась обескураживающая истина: у кооператива нет денег, и никто не знает, как их добыть... И тут подала голос обычно помалкивавшая Алевтина:

— Надо взять кредит в банке под конкретное производство.

«Конкретным производством» была намечена подготовка к печати и публикация по договору с издательством «Физкультура и спорт» (там у Эпштейна работал родственник) книги демократки Галины Старовойтовой, которая, по уверению Абрама Моисеевича, должна была «разлететься, как горячие пирожки».

Получение кредита отмечали в «пестром» буфете (запрет на алкоголь к тому времени сошел на нет, выявив свою несостоятельность) В победительном тосте председатель предрекал «Оде» успех и процветание. Улыбчивый и веселый, в благостном опьянении он, откликаясь на приветствия коллег, начал петлять среди столиков, одаривая бедствующих поэтов и прозаиков полученными в банке купюрами. Мятые пятерки и десятки сыпались на пол из его разбухших карманов.

Поблудневшая Алевтина следила за этим расширенными от внезапной оторопи глазами и, наклонившись к Антону, приказала:

— Немедленно заведи у него бабки. Иначе он оставит нас без штанов.

Деньги утром положили на сберкнижку, а Чигирь сделал настораживающее открытие: талантливый литературный критик Абрам Эпштейн, признанный эрудит и дока в общении с людьми, не имеет ни малейшего понятия о финансовой дисциплине, что пагубно для руководителя предприятия...

Литературные вечера, организованные «Одой», оказались убыточными: ограбленный демократическими реформаторами народ после экономической «шоковой терапии» не хотел зрелищ, он хотел хлеба. Для открытия литературной студии требовались средства на аренду помещения, а их не было. Не принесла дохода и книжка Старовойтовой, поскольку идеи демократки не оправдались

практической жизнью; тираж пришлось сдать оптовикам по бросовой цене.

На одном из собраний Алевтина доложила о финансовом положении кооператива и впервые сделала председателю открытый упрек:

— Вы, Абрам Моисеевич, все рисуете какие-то замки, а сейчас надо заниматься торговлей.

Так кооператив писателей «Ода» в конце концов приступил к «реализации продовольственных товаров», арендовав вагончик на колесах...

Законы «дикого российского капитализма» расставили членов кооператива по новым местам, и Алевтина оказалась в нем главным действующим лицом: она составляла ассортимент товаров, исходя из спроса, поддерживала контакты с поставщиками, расплачивалась с ними через банк, начисляла зарплату и подавала квартальные отчеты в налоговую инспекцию. Абрам Моисеевич превратился в шофера-экспедитора, доставляющего товары с продовольственных баз на своей дачной «четверке», а «коммерческий директор» Всеволод Костыря исполнял при нем обязанности грузчика. Татьяна Сазонова обосновалась в вагончике со своими поэтическими тетрадами в качестве продавца, где дежурила попеременно с Чигирем...

К зиме Алевтина купила себе модное простроченное пальто-пуховик, кожаную сумочку с большой медной бляхой, откуда при надобности сразу извлекала калькулятор, и замшевые сапоги «Аляска». Утвердившись в должности, она заметно осмелела, и в голосе ее появились раздраженно-командные интонации. Несколько раз она устраивала разносы Татьяне, которая, предаваясь на работе поэтическому творчеству, допускала ошибки в записях проданных товаров; Костырю же высмеивала за нерасторопность.

Самым удручающим для Антона Петровича явилось то, что интонации эти в домашних условиях все чаще переходили в откровенное бытовое хамство — из-за неплотно прикрытого им крана в кухне, непогашенного света после ночного посещения ванной... За всем этим — неожиданно и пугающе — выявлялся главный изъян его скороспелого брака: «девушка из народа», чистый природный алмаз, который он намеревался огранить столичной культурой, оказалась носителем того мрачного гена, который порождает у плебея тихо тлеющую ненависть к интеллигенту, «человеку в шляпе»... Более того, Чигирь стал замечать, что он, непривычный к подобному обращению, все реже дает жене отпор в этих скандалах, постепенно как бы уступая Алевтине главенство в семье...

«Любовная лодка разбилась о быт» в начале мая. Абрам Моисеевич привез с Костырей очередную партию товара, и Алевтина обнаружила в коробке несколько пачек вафельного торта «Причуда» с просроченной датой употребления.

— Дурдом! — бесновалась она, распекая незадачливых сотрудников. — Зла на вас не хватает! Где были ваши глаза? Это ж вам не стишки пописывать!

— Зачем вы так, право, Алевтина Ивановна, — оправдывался Эпштейн, сморкаясь в носовой платок. — Не доглядел... С кем не бывает... И потом... не забывайте, я среди вас самый старший... — И неожиданно заплакал.

— Вы, Алевтина Ивановна... вы... — затрясся, побледнев Всеволод Костыря и, не найдя слов, незряче зашагал прочь от торговой точки.

— Как ты могла, как ты могла, Алевтина, — выговаривал Антон Петрович жене, когда оказались дома. — Это же достойные, интеллигентные люди, талантливые писатели!

И тут, глядя на мужа холодным осветленным взглядом, Алевтина проговорила, искривив губы:

— Все писатели идиоты.

На другой день, когда она повезла в банк платежные ведомости, Чигирь оставил на письменном столе заявление об уходе из кооператива, собрал рюкзак и уехал на полученный когда-то от писательской организации дачный участок под Новым Иерусалимом, где и обосновался в своем щитовом домике, купленном в пору литературных успехов.

По своей сельской привычке вставать рано проснулся он в начале шестого и с некоторым недоумением обнаружил себя на зеленой кушетке в кухне, где с вечера ему было постелено Алевтиной. Жена безмятежно спала в комнате, по обыкновению свернувшись калачиком, и в позе ее Чигирю увиделось нечто такое, что вызвало щемящую жалость. В прихожей он обнаружил на деревянных плечиках свою куртку и джинсы, тщательно очищенные от вчерашней кладбищенской грязи. Под ними поблескивали свежим гуталином его выдавшие виды туфли, в которые Алевтина даже поместила картонные вставки, чтобы не загибались носы.

«Милая... несчастная хлопотунья...» — подумал он, бесшумно открывая дверь и пешком спустился по лестнице, чтобы вызовом лифта не разбудить жену.

Разоблачение

— **А** теперь объясни мне, что все это значит, — немоцно проговорил Спешнев, выкладывая перед женой на журнальный столик добытые детективом Нефедовым фотографии.

— Ты... ты шпионил за мной... — вспыхнула щеками Оксана. — Как не стыдно!

— Это мне... — задохнулся в праведном гневѣ Диомид Диомидович. — Мне должно быть стыдно?! Ты лжешь мне... живешь двойной жизнью... Лижешься с какими-то голыми шлюхами... Все вместе ублажаете этого жеребца в маске... а мне... мне... — Спешнев схватился за грудь, чувствуя опасные перебои сердца.

Оксана торопливо снялась с кресла и протопала тапочками к домашней аптечке.

— Папик, успокойся, — мягко произнесла она, выщелкивая из упаковки таблетку нитроглицерина. — Ты ничего не понял... Это совсем не то, что ты думаешь.

— Я думаю... — отозвался Диомид Диомидович после долгой паузы, рассасывая лекарство, — Что эта разнузданная оргия в народе называется «свальный грех»... У тебя есть другое объяснение?

— Конечно. Мы спасаем мир.

— Таким... способом?! — оторопел Спешнев. — От чего же вы его спасаете?

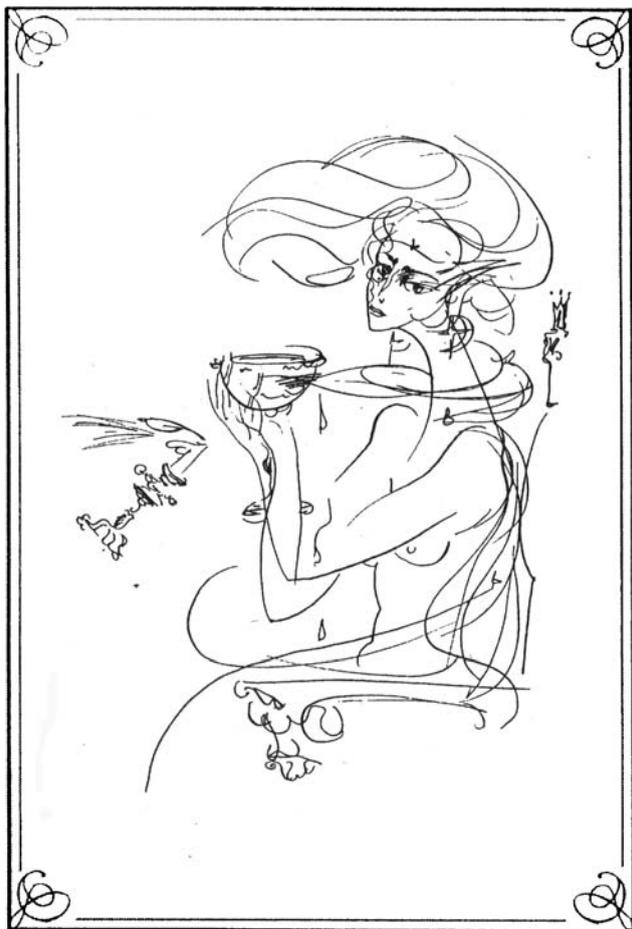
— От конца света. Мир переполнен негативной энергией, над ним довлѣет сатанинская власть денег. Благодаря нашему служению предсказания Иоанна Богослова не сбудутся.

— Весьма своеобразное служение, — криво усмехнулся Диомид Диомидович. — Собирается несколько порочных сучек...

— Они не сучки, — возразила Оксана. — Это семь бывших девственниц, которые прошли обряд священного соития с Верховными Владыками... Их тоже семь: Владыка Моря, Владыка Лучей, Владыка Иисус, Владыка Серапис, Илларион, Флорентий и Сен-Жермен...

— Что за чушь... — болезненно поморщился Спешнев.

— Это не чушь. Я сама все видела. Сестра Аграпена обнесла всех нас кубком Граала со священным напитком, потом уло-

жила девственниц на белое покрывало с изображением креста и каждой вручила жезл, предварительно окунув в чашу с розовым маслом...

— Откуда взялась эта Аграпена? Как вообще могла ты попасть в эту компанию?

— Ты сам ее видел, — пояснила Оксана. — Когда в «Собачем рае» покупали подарки для Герды. Бледная такая, красивая, в лиловой шляпе...

— Ты же обещала выбросить ее визитку!

— Я забыла. А потом... ты на всю ночь уехал с Вавилонским в казино... Мне стало так тоскливо... Набрала ее телефон... Оказалось, «Храму Спасения Мира» как раз для совершения ритуала требуется, помимо семи девственниц, непорочная жена... ну, это которая не изменяла мужу и не была беременна... Дело в том, что женщина, которая понесла, теряет способность видеть высших существ, ее энергия направляется на рождение потомства...

— Оксана, ты же взрослая женщина... как могла довериться этой шарлатанке?!

— Она не шарлатанка, — убежденно отозвалась жена. — Я, может, тоже не поверила бы ей, если бы вместе со всеми не увидела Богородицу... после того, как девственницы ввели в себя жезлы и соединились в оргазме с семьей Владыками... Божья Матерь возникла из серебристого сияния и сказала: «Вы уже принадлежите иному миру. Вы обрели Владык. Продолжайте ваши ритуалы каждую неделю. Теперь, когда вы отдали девственность высшим существам, связь с ними будете осуществлять через Владыку Сераписа, посылаю его к вам...»

— Это тот, что в маске? — догадался Диомид Диомидович.

Оксана подтверждающе кивнула.

— А еще Богородица сказала: «Повторяйте ваши ритуалы с Владыкой Сераписом каждую неделю. Приготовьте отвар из розовых лепестков и поставьте чашу в центре креста. После ор-

газма с Владыкой отпейте из чаши, брызните отвар в семь сторон и начертайте в воздухе семь знаков». Вот и все. В момент совершения ритуала мы соединяем нашу энергию с энергией Владык и проводим ее на землю для спасения мира...

— Дура! Дура! Дура!!! — завизжал Спешнев, вскакивая на ноги и, обхватив голову руками, заметался по комнате. — Как ты могла?! Как ты могла клонуть на такую примитивную приманку?! После всего этого... не могу видеть тебя, слышать твой голос... никогда не смогу прикоснуться... Ты все, все испоганила... *А я столько в тебя вложил! Убирайся!* Чтобы духу твоего не было в моем доме! И не вздумай... слышишь, не вздумай судиться со мной из-за раздела имущества, как это у вас заведено... Выложу в Интернет эти похабные снимки, и перед тобой закроются все двери!

Сокровища карликов

Последние дни он почти ничего не ел, кроме вареной картошки с квашеной капустой; следовало бы съездить а магазин к Тайне Степановне, но у Чигиря было более важное и неотложное дело: ноябрь уже начинал выбеливать поля снежком, который то укладывался в западинках неопрятными пятнами, то таял, и до того, как зима укроет землю насовсем и лесные карлики уйдут в свои пещеры до весны, во что бы то ни стало надлежало с ними встретиться.

Антону Петровичу уже открылось, что все сокровища мира охраняются карликами — *земными и подземными*. И если земные карлики существуют для того, чтобы служить исключительно своим богатствам, а потому властолюбивы и скупы, их подземные собратья веками оберегают сокровища недр, принадлежащие всему человечеству, и уже в силу этого они добрее.

Редкие сельские жители, на которых, случалось, набредал он, блуждая по окрестным лесам и рощам с посохом и корзиной, рассказывали односельчанам об этих встречах и крутили пальцем у виска: «Никак у писателя поехала крыша — искать грибы в такую пору»... Им, конечно же, было неведомо, что подземные обитатели все чаще являются Чигирю по ночам, и он даже успел изложить таинственным гостям свой простой и хитроумный план: «Речь идет о каких-то пяти тысячах долларов. Как только книга выйдет и будет распродана, деньги вам возвращаю».

Однако, коварство эльфов состояло в том, что они охотно возникали в доме при лунном свете и даже грелись у печки, но днем прятались по лесным своим норам и не выказывали никакого интереса к общению.

Однажды, возвратившись к себе под вечер после очередных бесплодных скитаний по окрестностям, Антон Петрович почувствовал такую телесную слабость и изнуренность души, что, даже не протопив печь, как был, в одежде, повалился на топчан и забылся в настывшей, неудобной комнате. С каким-то серым равнодушием к своей дальнейшей судьбе он подумал о том, что смертельно устал от этих каждодневных поисков и от жизни в целом, в которой, оказывается, нет никакой справедливости, а значит и смысла.

Изябший кот Прошка, тонко промяукав, запрыгнул к нему и приник в потребности ненадежного человеческого тепла.

Сквозь метельную замутненность сознания проступали перед мысленным взором писателя размытые видения земных карликов, принимая обличья то известных политиков и олигархов, то друга юности Диомида Спешнева, у которого почему-то было несчастное, плачущее лицо...

Потом все исчезло, провалилось в черную тишину. «Вот и хорошо, — умиротворенно подумал Чигирь, — вот и славно...» И в этот момент вновь явился один из крохотных лесных визитеров и деликатно потряс Антона Петровича за плечо.

— А есть и вовсе замечательный план, — ожил писатель, вновь обретая надежду. — Если вы можете подождать... Если вам не к спеху... Вырученные от продажи первого романа деньги можно вложить в публикацию следующего... И так выпустить всю серию...

— Петрович, Петрович... ты что это, елкин хвост... Смотрю, калитка открыта, дым из трубы не идет... — проговорил гость, обретая тяжелые, грубоватые черты дачного соседа Владимира Байды.

— Ну их к черту, — озлился Чигирь. — Они мне надоели. Не топлю, чтобы больше не приходили греться...

— Кто к тебе приходит?

— Да карлики, язвы их... — признался Антон Петрович. — Совсем заморочили голову...

Часом позже Чигирь с Прошкой на коленях мчался на заднем сиденье бесшумной иномарки Байды в сторону Москвы.

Одиночество

В будни на работе он забывался, но по выходным не находил себе места от черной, разъедающей апатии. В доме каждый предмет напоминал о счастливых днях с Оксаной, которая бесследно исчезла из его жизни. Спешнев признался себе, что скучает даже по ее капризной, избалованной собачонке, которую никогда не любил. И хотя жена изменила ему невольно, сделавшись жертвой подлого обмана, в представлении Диомида Диомидовича она была *осквернена*, ибо являлась для него не просто красивой женщиной, но предметом возвышенного обожания.

Проснувшись хмурым субботним утром в своей просторной одинокой постели он ощутил мучительную потребность общения с близким и добрым человеком, которому можно было бы пожало-

ваться на судьбу и излить душу, но с горьким удивлением понял, что друга у него нет. В сущности, ни с кем из повседневно окружающих его людей у него не сложилось *человеческих отношений*; это было деловое общение, основанное на взаимной выгоде.

Единственным человеком, кому бы он доверился и был понят, конечно же, оставался Чигирь, но он являлся бедняком, нацеленным, как и все, ему подобные, на легкие деньги от Спешнева...

Диомид Диомидович обнаружил, что ему не хватает даже Вавилонского, который на своей яхте отправился с Розалией в свадебное путешествие по Средиземноморью. И тут в сознании промелькнул монументальный образ Дины Захарьевны, бессменной домохозяйки Бориса Лазаревича, с которой проведено немало доверительных бесед под охлажденную водку на смородиновом листе...

Поскольку встреча с Диназаврой предполагала застолье с возлияниями, Спешнев вызвал шофера Виктора, а по пути в «Город Солнца» купил букет любимых ею роз «Рафаэлло».

Усадьба олигарха поразила его неожиданным безлюдьем (в прежние времена тут сновала озабоченная, проворная обслуга), а Дину Захарьевну обнаружил он в похожем на склад подсобном строении: в валенках и пуховой куртке она следила, делая пометки в амбарной книге, как снимают с полок и упаковывают в объемистый ящик фарфоровую посуду горничная и двое рабочих.

— Дима? — удивилась она, поправляя выбившуюся из-под вязаной шапочки крашеную прядь. — А Бореньки нет.

Букет она приняла, торопливо бросив: «очень мило» и сунула на ближайшую полку.

— Номер сто двадцать восьмой, Дина Захарьевна, — сообщила горничная, упаковывая в поролон и опуская в ящик фарфоровое блюдо.

— Боренька еще не вернулся, — проговорила Диназавра, возвращаясь к своим записям. — Что ж вы, Дима, не позвонили?

— Да я, собственно... — смутился Спешнев. — Проезжал мимо...

— Не вернулся, и я ему завидую, — продолжила домоводка. — В этой стране невозможно жить, одни босяки и бандиты. Эта страна не для белых людей.

— Между тем рабочие заколотили ящик и с натугой понесли его к дому по расчищенной от снега дорожке.

— Осторожнее, осторожнее! — волновалась Диназавра, сопровождая их. — Не уроните, не кирпичи ведь, кузнецовский фарфор!

Диомид Диомидович неуверенно двинулся следом, чувствуя себя лишним со своим идиотским визитом; поклажу грузчики оставили на застекленной веранде, где громоздились такие же ящики. Командный голос Диназавры переместился куда-то в глубь особняка и там затих. Прошло несколько тягучих минут нелепого и унижительного ожидания, после чего Спешнев окончательно понял, что Дине Захарьевне попросту не до него.

— Что так скоро, Диомид Диомидович? — поинтересовался Виктор, когда хозяин вернулся в машину.

— У них тут какой-то аврал... — неохотно пояснил Спешнев. — Хозяйственные хлопоты.

— Похоже, драпать собираются, — усмехнулся шофер. — Ходят слухи, пока он со своей толстухой развлекался на Средиземном море, на него тут прокуратура завела уголовное дело. Ему оставался один выход — рвануть в Лондон. Говорят, уже четырехэтажный особняк там купил... Зря он на президентство замахнулся, не пришлось бы в лагерь загреметь... И чего людям не хватает... Был бы у меня миллион — я вообще бы ничего не делал! Капитально!

Как это всегда случается в России, народные пересуды подтвердились. Буквально через несколько дней Диомид Диомидович держал в руках популярную газету, на первой полосе которой был помещен портрет Вавилонского под броским заголовком: «Разыскивается государственный преступник!» Ниже перечислялись обвинения, предъявляемые олигарху: «Грубые

нарушения законодательства при создании нефтяного концерна. Махинации в торговле бензином и мазутом. Участие в «черных» финансовых схемах кремлевской семьи. Подкуп потенциальных избирателей. Уход от налогообложения. Вывоз капитала за границу, приобретение собственности без соответствующего разрешения».

После унижительного посещения Диназавры Спешнева еще плотнее стиснуло одиночество, и ему даже пришла в голову мысль пригласить домой Виктора, нагреть сауну и бесхитростно, по-мужски, выпить вдвоем. Но тут зазвонил мобильник, и он услышал знакомый мелодичный голос Карины:

— Шефчик, у меня форс-мажорные обстоятельства... В понедельник с утра должны доставить пианино для Миши... Не будешь возражать, если приду к обеду?

— Да ради бога! — приветливо отозвался Диомид Диомидович, и тут его осенила удачная мысль. — Видишь ли, дорогая... у меня тоже форс-мажор... Не поужинать ли нам вместе?

— Что ты имеешь в виду? — спросила она после долгой паузы.

— Дружеское застолье в тихом ресторане.

— *Дружеское застолье* подходит, — решила наконец она.

Он выбрал ресторан Дома литераторов, некогда самый престижный в Москве, куда, не без тайной гордости, проводил его друг Антон Чигирь по своему писательскому билету. Прежде сюда, помимо литераторов, стремились попасть самые известные деятели культуры, сейчас же, когда те и другие обнищали, доступ к изысканной кухне открывал толстый кошелек.

В знаменитом «дубовом зале» было немногочисленно, вышколенные молодые официанты в черных смокингах зорко следили за клиентами, своевременно, с танцевальным проворством, меняя блюда и разливая напитки.

Спешнев, по желанию дамы, выбрал столик в углу, неподалеку от камина, стройный гривастый тапер тихо перебирал

клавиши пианино, и замученная душа Диомиды Диомидовича впервые за этот долгий и бессмысленный день начала обретать подобие спокойствия.

Карина была неотразима в изысканно-строгом английском костюме, наравне со Спешневым пила холодную, присыпанную солью по краю рюмок и украшенную долькой лимона текилу, и на нее, как всегда, заглядывались мужчины.

Диомид Диомидович спасительно пьянел, жизнь начинала упрощаться, и Спешнев, любуясь женщиной, которая не один год всецело принадлежала ему, вдруг почувствовал, что вернулся на тот перекресток судьбы, который когда-то неосмотрительно проскочил.

— Ина, — назвал он ее прежним, интимным именем. — Ты знаешь, что я теперь совершенно свободен... А почему бы нам наконец не пожениться?

Она грустно улыбнулась, покачав головой:

— Это было бы очень хорошо... Даже замечательно... Если бы я не выходила замуж.

— Кто... он? — севшим голосом спросил Диомид Диомидович.

— Художник. Безалаберный романтик и добрый человек. Извини, Дима.

Дома он осушил полбутылки коньяка за журнальным столиком под торшером, накурился до изжоги, после чего с трудом добрался до постели.

В доме смирения

В палате на восемь человек ему указали свободную, самую неудобную кровать у входной двери, рядом с умывальником. Был тихий час, и обитатели ее спали каким-то тяжелым, при-

нудительным сном, стонали и вскидывались, словно пытаются освободиться от невидимых пут. Чигирь бросил на подушку полученное от кастелянши полотенце, сунул в прикроватную тумбочку туалетные принадлежности — зубную щетку, пасту и мыло — и ему мучительно, до головокружения, захотелось курить. В надежде стрельнуть у кого-нибудь хотя бы окурочек, он осторожно вышел в коридор, но там было безлюдно, лишь клонилась в конторке дежурного поста пожилая медсестра, перебирая какие-то бумажки. Чигирь попал в *народное отделение* больницы, куда помещались те, кто по бедности не мог оплатить свое пребывание в ней. Тут были линолеумные полы, голые стены, бельмастые, выкрашенные белилами, окна без занавесок, а туалет и душевая располагались неподалеку от процедурной.

Дежурная не обратила на Антона Петровича внимания, полагая, видимо, что больной вышел по нужде, он миновал ее и тут увидел в конце коридора знакомого носатого карлика, который строил ему приветливые гримасы, зазывно махая рукой. Чигирь последовал за ним, и спустя минуту вошел в дверь, над которой светилась табличка: «*Отделение эконом-класса*». Пол здесь был паркетный, стены до половины покрыты дубовыми панелями, на подоконниках стояли горшки с цветами, а окна задернуты тюлевыми занавесками. Карлик манил его дальше, и Антон Петрович, сомнамбулически следуя за ним, очутился в щедро озелененном растением в кадках отделении *бизнес-класса*, атмосфера которого была пропитана морской свежестью, полы выстелены ковролином, а на окнах висели тяжелые гардины. Чигирь уловил пьянящий запах сигарного дыма, и вскоре обнаружил его голубоватое завихрение в щели приоткрытой двери одной из палат. С тихим, кряхтящим смешком карлик толкнул ее и исчез, а писатель увидел сидящего за столом друга юности Диомиды Спешнева в дорогом стеганом халате, который

курил, сосредоточенно терзая клавиши микрокалькулятора и делая какие-то пометки на листе бумаги.

— Молодец, что нашел меня, — приветливо проговорил Диомид, заключив Антона Петровича в дружеские объятия. — Я сам заглянуть к тебе собирался после *вашего тихого часа*. Мне уже доложили: «привезли какого-то писателя», сразу понял, что это ты... Только сумасшедший может годами мараить бумагу, не получая за это ни копейки! — пошутил он.

Потом, сидя напротив Диомида в удобном мягком кресле и любуясь настенной акварелью с изображением крымской Медведь-горы, Чигирь с наслаждением перекатывал во рту крепкий сигарный дым, с каким-то теплым, родственным чувством слушая знакомый напористый баритон Спешнева.

— Выбросить сорок миллионов долларов за яхту! — возмущался Диомид, просматривая свои записи — Я не сумасшедший! Где ей понять, что с покупкой яхты траты только начинаются!

— Ты прав, Димон, — согласно кивал головой Антон Петрович. — «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас...»

— Вот именно! — обрадовался Спешнев. — Свинья! Неблагодарная свинья! Я тут прикинул... во что она мне обошлась... Да на эти деньги я мог бы купить роскошную виллу в Испании! Там недвижимость дешевле, чем в Москве!

— «Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на разум твой, — процитировал Чигирь. — Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои».

— Золотые слова! — подхватил Диомид. — Сам придумал? Правильно, что Бог ни делает, все к лучшему. Будущей весной обещал ей круиз по Адриатике. В копеечку влетел бы мне такой отдых!

— «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть

Христос? — задумчиво произнес Антон Петрович, уходя в свой мир. — Это Антихрист, отвергающий Отца и Сына». Антихрист уже среди нас и смущает нас.

— Меня смущает одно обстоятельство, — проговорил Спешнев, погружаясь в свои записи. — Складывается впечатление, что времена высокой доходности акций крупных компаний, таких, как «ЛУКОЙЛ», уходят в прошлое, а мы продолжаем в них инвестировать...

— Он среди нас, не зря сказано: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных», — продолжил свою мысль Чигирь.

— Так вот, — проговорил Диомид, принимаясь за микрокалькулятор. — Становится очевидным, что ценные бумаги менее известных, но перспективных компаний могут принести гораздо большую прибыль... За счет низкой ликвидности и недооцененности акций их можно приобрести по разумной цене...

— Но мы выстоим, — заключил Антон Петрович, не зря сказано: «Бог не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести»...

В этот момент раздался деликатный стук в дверь, и в палате возникла, осветив собою сумрачное пространство, стройная улыбочивая блондинка с высокой грудью, потайная ложбинка которой была приоткрыта глубоким вырезом короткого белого халатика. Перед собой она держала подносец с какими-то мелкими медицинскими принадлежностями.

— Диомид Диомидович, пора укольчик! — весело проговорила она.

— Ну, я побежал, — поспешно вскочил с кресла Чигирь.

— Спасибо, что зашел, — напутствовал его Спешнев. — Наконец-то поговорили по душам. Заглядывай почаще, я тут

долго не задержусь. Вот поставит меня Аллочка на ноги, и рванем с нею в Швейцарию, на Женевское озеро, к доктору Фогелю.

— Конечно, Диомид Диомидович! — отозвалась медсестра серебристым смешком и, мельком окинув бурую застиранную пижаму Антона Петровича, заметила: — Вообще-то заходить сюда больным из *народного* не рекомендуется.

В своей палате он застал все ту же картину: соседи его пребывали в сонном беспмятстве, чернея раскрытыми ртами; лишь один мелкий мужичок в мятой, всклокоченной седине лобастой головы, зевая и почесывая бока, сидел напротив окна, спустив на пол бледные шишковатые ноги. При виде Чигиря он мигом оживился, и уже в следующую минуту, проворно ступив в шлепанцы, подошел и сел к нему на кровать.

— Будем известны, — приветливо проговорил он, протягивая сложенную лодочкой ладонь. — Товарищ Нетте, — представился он. — Пароход и человек.

У него были розовые склеротические щечки, васильковой синевы круглые глаза, а скуластое, с остреньким подбородком, лицо имело общее выражение благостной лучезарности.

Антон Петрович назвалса.

— Чигирь, Чигирь... — припоминаяще заморгал Товарищ Нетте, — это вы, стало быть, из евреев будете?

— Из русских, — уточнил писатель. — Чигирь — это такое колесо... для подачи воды.

— А я гляжу — совсем вы зажурились на новом месте... Дай, думаю, человеку доброе слово скажу...

— Спасибо на добром слове, — сумрачно поблагодарил Антон Петрович.

— Дрыхнут без задних ног, — тоненько хохотнул Товарищ Нетте, кивнув на спящих. — Им сегодня двойную дозу вкатили, чтобы не толклись. У старшей медсестры Зинаиды Андреевны пятидесятилетний юбилей. А я тут на особом положении. — Он выскреб из нагрудного кармана пижамы замусоленную бумажку

с лиловой треугольной печатью, пояснив: — Пропуск на проходную. Я хожу на почту за корреспонденцией для больницы. Яков Соломонович так прописал: раз ты дипкуррьер, будешь ходить на почту. Это мне вроде трудотерапия. Красота... — мечтательно вздохнул он. — Хочу час хожу, хочу два, полная свобода действий. Потом ворочаюсь сюда, на все готовенькое...

— А как тут у вас насчет карликов? — поинтересовался Чигирь.

— Вот про это не скажу, — приложил руку к груди собеседник. — Не видал, врать не буду... Петька Дронов, вон у стеночки лежит, тот постоянно змея какого-то под кроватью душит, а насчет карликов... Крысы да, этого добра хватает... Как-то вечером слышу, девки визжат на кухне для медперсонала... А она, холера, спряталась за холодильник и так противно пищит, аж мороз по коже... Ну, я ее шваброй и придалил...

— Давно ты тут... Товарищ? — поинтересовался Антон Петрович.

— Может, месяц, а может, и год... — пожал плечами Нетте. — Я не считаю дни... А чего их считать, когда тут не жизнь, а малина? К примеру, на завтрак сегодня была рисовая молочная каша, кофе, да еще и бутерброд с сыром. Не слабо?

— Не слабо, — согласился Чигирь.

— И заметь, — назидательно поднял подагрический палец Товарищ Нетте. — Совершенно бесплатно! Опять же — чистая постель, анализы мочи-крови, а уж медицинское оборудование на самую высшую ногу, спасибо Татьяне Дьяченко! Тот же Петька Дронов как-то заявил, не верю, мол, я ихним рентгенам долбаным... А его просветили на УЗИ и говорят: парень, а у тебя почки-то нет... Он так и сел на задницу: верно, вырезали два года назад! Ну бывает, конечно, *зафиксируют*, или там санитар по мордасам смажет... Так ты не бузи, соблю-

дай режим и не выплевывай, блядь такая, таблетки, которые тебе суют! Верно же?

— Антон Петрович молча кивнул. Что-то бесконечно родное чувствовал он в этом случайном собеседнике, и, пожалуй, это было скорбное чувство родины.

Похоже, вспомнив что-то, Товарищ Нетте прыснул в кулак, и личико его заиграло морщинками лукавства.

— А теперь мои главные козыри, — понизил он голос. — Вот загораю я тут, а квартиру сдаю азербайжанам с рынка. Это раз, — начал он загибать пальцы. — Пенсия мне идет? Идет. А буду выписываться — извольте мне справочку, сколько я пробыл у вас, а значит — извини подвинься! — дома не жил, коммунальными услугами не пользовался, платить не буду! Почти каждый день в обед дают по два киви, я их собираю для внучки, вернусь с гостинцем... Живем тут, как у Христа за пазухой, и никаких тебе демократиев, никаких чубайсов и дефолтов, никакого роста цен и очередей за лекарствами, которых, к тому же, не хватает... Скажу по секрету, наши мужики, кто с мозгами, рвутся сюда! Выпишутся, поболтаются на воле по помойкам и обратно сюда... Не журись, Петрович, здесь намного лучше, чем там, — кивнул он в сторону окна. — Вот тебе истинный крест!

ЭПИЛОГ

Жизнь вечна, а человек в ней подобен камню, брошенному на середину пруда. Некоторое время от него расходятся круги, потом воды и ряска смыкаются, и память о нем среди живущих постепенно гложет.

В больнице опытные врачи определили, что бредовые психозы Антона Петровича Чигиря развились из-за тенденции «к формированию сверхценных идей». Другими словами, писатель убедил себя, будто его литературное творчество настолько значимо, что может спасти заблудшее человечество, а потому книги, написанные им, непременно должны быть опубликованы. Желание это приобрело маниакальный характер со всеми вытекающими последствиями... Его подлечили, и карлики перестали терзать воображение Чигиря, но вместе с ними ушла главная надежда его жизни, и через полгода Антон Петрович тихо умер от тоски на своей больничной кровати.

Диомид Диомидович Спешнев вернулся из Швейцарии помолодевшим, с приятным горным загаром на лице. Европейское светило психиатрии доктор Адольф Фогель, в клинике которого он провел три месяца, не смог до конца излечить пациента от чисто российского массового недуга, которому в своей очередной статье он дал название *постсоветский денежный фетишизм*, но сумел несколько ослабить его. Возможно, этому способствовало присутствие очаровательной Алочки, в которую Спешнев, следуя своей пылкой, импульсивной натуре, влюбился с первого взгляда и с тех пор не отпускал от себя ни на шаг. Исходя из этого Диомид Диомидович уволил свою бессменную помощницу Карину и посадил на ее место новую молодую жену. Проинструментированная доктором Фогелем Аллочка, будучи прилежной медсестрой, к тому же в моменты обострения у мужа болезни врачевала его таблетками и уколами, а то и выводила в театр.

Сын Спешнева Олег после бегства Вавилонского в Лондон

разочаровался в своем кумире, «расплевался», по его словам, с политикой и вернулся в театральное училище где, говорят, весьма успешно сыграл Гамлета в студенческом спектакле.

Преданная домохозяйка опального олигарха Дина Захарьевна с громоздким багажом приехала «к своему Бореньке» в элитный лондонский район Бельгравию и приступила к управлению хозяйством обширного особняка. (Российская прокуратура объявила розыск Вавилонского, но найти его решительно не удавалось.)

Алевтина, похоронив мужа и отплакав положенное, стала единоличной хозяйкой дачного участка в писательском поселении под Новым Иерусалимом, и в начале мая приехала туда с Пригожим для весенних сельскохозяйственных работ. Вечерами топили печь; отсыревшие за зиму дрова разгорались плохо, и на растопку Алевтина использовала бумаги, во множестве оставшиеся от прозаика, опровергнув, таким образом, расхожее мнение, что рукописи не горят. За ужином выпивали четвертинку, не забывая помянуть покойного, после чего Руслан брал в руки гитару, своими песнями и романсами доводя женщину до сентиментальных слез.

В июне стала созревать клубника, и на нее набросились, треща нахальными голосами, прожорливые дрозды. В платяном шкафу на мансарде Алевтина отыскала единственный выходной костюм Антона Петровича фабрики «Большевичка» с медалью пушкинской литературной премии на лацкане, в котором писатель ходил по издательствам. Руслану он не годился по размеру, к тому же был изрядно потерт и давно вышел из моды. В сочетании со старой, пропотевшей рыбацкой шляпой Чигиря из находки получилось идеальное огородное чучело, и пернатые ворюжки перестали расклеивать сочные ягоды. Лишь любопытная сорока, привлеченная блеском награды, иногда усаживалась на плечо коричневого пиджака и долбила ее, пытаясь украсть.

*Октябрь 2007 — апрель 2008
Москва*

Содержание

Пролог	4
В объятиях	8
Борец за справедливость	13
Отшельник Антон Петрович Чигирь	18
У олигарха Вавилонского	26
Березовая роща	33
«Олимп».....	38
Алевтина	43
«Московский форум роскоши»	51
Встреча друзей	62
Истерия	71
Тело и душа	76
Шопинг без границ	86
На заработках	90
Выкуп	102
Покаяния и откровения	108
Визит супругов	112
Дуня Пересвет	117
Интимное	121
«Пиршество на погосте».....	124
Шопинг для Герды.....	125
Просверк надежды	128

В казино	131
Слезы Алевтины	135
Корпоративная прогулка	137
Ищите спонсора	144
Приезд Спешнева	146
Сыщик Нефедов	155
Мечты и явь	157
В гостях у сына	160
Руслан Пригожий	165
Неудавшаяся провокация	174
Крушение	178
Свадьба Вавилонского	182
Возврат рукописи	189
Оргия.....	191
Похороны	194
Разоблачение	207
Сокровища карликов.....	211
Одиночество.....	213
В доме смирения.....	217
Эпилог.....	224

Эдуард Павлович Просецкий
ПАРАНОИЯ
Роман

Главный редактор — Евгений Степанов
Художественный редактор — Андрей Глазов
Компьютерная верстка, макет — Джемма Смит
Корректурa авторская

9 785918 650295

Бумага офсетная
Гарнитура Academy
Тираж 1000 экземпляров
Сдано в набор 25.05.2010
Подписано в печать 17.06.2010

Издательство «Литературные известия»
(холдинг «Вест-Консалтинг»)
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75
Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73.